

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 40

**Томск
2011**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Томский государственный университет
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; Бохан Т.Г., д-р психол. наук, доц.; Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО; Залевский В.Г., канд. психол. наук, доц.; Кабрин В.И., д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); Козлова Н.В., д-р психол. наук, доц.; Красно-рядцева О.М., д-р психол. наук, проф.; Левицкая Т.Е., канд. психол. наук, доц.; Лукьянов О.В., канд. психол. наук, доц.; Мещерякова Э.И., д-р психол. наук, проф.; Муравьева О.И., канд. психол. наук, доц.; Серый А.В., д-р психол. наук, проф.; Финогенова Г.А. (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); Бохан Н.А., д-р мед. наук, проф. (Томск); Вассерман Л.И., д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); Вяткин Б.А., д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); Демина Л.Д., д-р социол. наук, проф. (Барнаул); Доценко Е.Л., д-р психол. наук, проф. (Тюмень); Дунаевский Г.Е., д-р техн. наук, проф. (Томск); Залевский Г.В., д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); Зинченко В.П., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Москва); Знаков В.В., д-р психол. наук, проф. (Москва); Кабрин В.И., д-р психол. наук, проф. (Томск); Карнышев А.Д., д-р психол. наук, проф. (Иркутск); Клочко В.Е., д-р психол. наук, проф. (Томск); Коробейников И.А., д-р психол. наук, проф. (Москва); Кунце Г., д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); Мухина В.С., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); Павлик К., д-р психологии, проф. (Гамбург, Германия); Семке В.Я., д-р мед. наук, проф., действительный член РАМН (Томск); Смирнова С.В., канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); Соловьев А.В., канд. психол. наук, проф. (Москва); Тхостов А.Ш., д-р психол. наук, проф. (Москва); Ушаков Д.В., д-р психол. наук, проф. (Москва); Шюлер П., д-р психологии (Марбург, Германия); Юревич А.В., д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); Яницкий М.С., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – **Свидетельство ПИ**
№ 77-12789 от 31 мая 2002 г. Международным Центром ISSN (Париж)
от 4 января 2003 г., печатный вариант – **ISSN 1726-7080**

СОДЕРЖАНИЕ

«СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ» 15 ЛЕТ

<i>Залевский Г.В.</i> РОЛЬ И МЕСТО «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В РЕГИОНЕ	5
<i>Попов Ю.В., Карвасарский Б.Д., Вассерман Л.И.</i> ПОЗДРАВЛЕНИЕ	11

ПО СТРАНИЦАМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ПРОШЛЫХ ЛЕТ

<i>Петровский А.В.</i> ПРИВЕТСТВИЕ И ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ И ЧИТАТЕЛЯМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»	12
<i>Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.</i> НАСЛЕДИЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО	13
<i>Асмолов А.Г.</i> У ПОРОГА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	24
<i>Леонтьев А.А.</i> РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	40
<i>Брушлинский А.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ПРАКТИКЕ	46
<i>Залевский Г.В., Залевский В.Г.</i> ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА	52
<i>Демина Л.Д., Луябина Н.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	60
<i>Карнышев А.Д.</i> ВОСПРИЯТИЕ БАЙКАЛА И СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ	67
<i>Мазлов В.А.</i> М.С. РОГОВИН: ФИЛОСОФ ПСИХОЛОГИИ	80
<i>Козлова Н.В.</i> РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФИКСИРОВАННЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО	89

МАТЕРИАЛЫ К IV СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ФОРУМУ

<i>Юревич А.В.</i> ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «СХИЗИС» И КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ	101
<i>Знаков В.В.</i> ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТЕЗАУРУСНОЕ И НАРРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ	118
<i>Вассерман Л.И., Трифонова Е.А.</i> ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ	129
<i>Клочко В.Е.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УСЛОЖНЕНИЯ	136
<i>Кабрин В.И.</i> КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИЗ ОПЫТА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК)	152
<i>Красноярцева О.М., Баланев Д.Ю., Щеглова Э.А.</i> ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОПРОСНИКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	164

РЕЦЕНЗИИ

<i>Юревич А.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»	176
<i>Знаков В.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»	177

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	178
Наши авторы	179
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	182

CONTENTS

15 YEARS TO THE «SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE»

<i>Zalevsky G.V.</i> THE ROLE AND THE PLACE OF «THE SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE» IN DEVELOPMENT OF THE PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PRACTICE IN REGION	5
<i>Popov Yu.V., Karvasarsky B.D., Wasserman L.I.</i> CONGRATULATION	11

ON PAGES OF THE «SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE» LAST YEARS

<i>Petrovsky A.V.</i> GREETING AND CONGRATULATION OF THE EDITORIAL BOARD AND TO READERS OF «THE SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE»	12
<i>Zinchenko V.P., Morgunov E.B.</i> THE HERITAGE OF L.S. VYGOTSKY	13
<i>Asmolov A.G.</i> AT THE THRESHOLD OF NONCLASSICAL RELATIVISTIC PSYCHOLOGY	24
<i>Leont'ev A.A.</i> DEVELOPMENT OF THINKING IN THE COURSE OF TRAINING	40
<i>Brushlinsky A.V.</i> THE PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN PRACTICE	46
<i>Zalevsky G.V., Zalevsky V.G.</i> PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGISTS ON A XXI CENTURY'S THRESHOLD	52
<i>Demina L.D., Luzhbina N.A.</i> PSYCHOLOGICAL CULTURE OF THE PERSON: THE GENERAL PSYCHOLOGICAL CONTEXT	60
<i>Karnyshev A.D.</i> PERCEPTION OF BAIKAL AND SIBERIA IN THE CONTEXT OF ETHNOPSYCHOLOGY OF THE RELATION TO THE NATURE	67
<i>Mazilov V.A.</i> M.S. ROGOVIN: PHILOSOPHER OF PSYCHOLOGY	80
<i>Kozlova N.V.</i> DEVELOPMENT OF THE G.V. ZALEVSKY'S THEORY OF THE FIXED FORMS OF BEHAVIOR	89

MATERIALS TO THE IV SIBERIAN PSYCHOLOGICAL FORUM

<i>Yurevich A.V.</i> RESEARCH AND PRACTICE PSYCHOLOGY: «SHIZIS» AND COMPLEMENTARY	101
<i>Znakov V.V.</i> VALUE UNDERSTANDING THE HUMAN BEING: THESAURUS AND NARRATIVE UNDERSTANDING OF THE EVENTS	118
<i>Wasserman L.I., Trifonova E.A.</i> HUMANISTIC PSYCHOLOGY, QUALITY OF LIFE AND VALUE CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY	129
<i>Klochko V.E.</i> THE EVOLUTION OF PSYCHOLOGICAL THOUGHT: THE STAGES OF DEVELOPMENT AND PATTERNS OF COMPLICATIONS	136
<i>Kabrin V.I.</i> THE CONCEPT OF CREATIVE COMMUNICATIONS (FROM EXPERIENCE PSYCHOLOGICAL AN EXPERT)	152
<i>Krasnorjadtseva O.M., Balanov D.U., Sheglova E.A.</i> DIAGNOSTIC POSSIBILITIES OF QUESTIONNAIRE «PSYCHOLOGICAL PREPAREDNESS FOR INNOVATIVE ACTIVITY»	164

REVIEWS

<i>Yurevich A.V.</i> REVIEW OF THE «SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE»	176
<i>Znakov V.V.</i> REVIEW OF THE «SIBERIAN PSYCHOLOGICAL MAGAZINE»	177

INFORMATION

From dissertation advices	178
Our authors	179
Rules of registration of materials in «Siberian psychological magazine»	182

«СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ» 15 ЛЕТ

РОЛЬ И МЕСТО «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В РЕГИОНЕ

«Сибирский психологический журнал» (СПЖ) был основан в 1995 г. Его первый выпуск (первый номер) в строгом смысле еще нельзя было назвать журналом. Это был первый опыт – обложка желтого («цыплячьего») цвета, объем – всего 68 страниц, формат А4, текст еще слабоструктурированный, главным образом материалы конференции, проведенной в Томске в декабре 1994 г. и посвященной очень актуальной проблеме психологической помощи человеку (населению). Конечно, оформление первого номера свидетельствовало о полном отсутствии у редакционной коллегии издательского опыта и скромном финансировании (на издание журнала из бюджета не выделялось ни копейки, ведь это был 1995 г., время практически кризисного финансирования науки). Он был продуктом энтузиазма немногих психологов, работающих главным образом в вузах г. Томска и мечтавших о своем психологическом журнале.

«Сибирский психологический журнал» – это первое и по сей день единственное периодическое издание по психологии от Урала до Дальнего Востока. Да, в 1995 г. это был «цыпленок», но на его обложке довольно гордо смотрелось название – черным по желтому – «Сибирский психологический журнал». Появление журнала отметил первый Президент Российской академии образования Артур Владимирович Петровский, он даже составил обращение к читателям, которым мы сегодня и открываем юбилейный номер.

За пятнадцать лет из «гадкого утенка» журнал превратился, не побоюсь сказать, в значительно более симпатичную, как по внешнему виду, так и по содержанию, «птицу». Юбилейный выпуск (40-й) выходит в канун IV Сибирского психологического форума, который состоится 16–18 июня 2011 г. в Томске. В том, что проведение такого Форума стало возможным, немалая заслуга и «Сибирского психологического журнала», и томских психологов, прежде всего профессорско-преподавательского коллектива факультета психологии Томского государственного университета.

С 2000 г. журнал выходит при материальной поддержке ректората. Сегодня это издание известно далеко за пределами Томска, Сибири и

даже России, на него можно подписаться через систему Респечати. Оглавление и резюме журнала представлены не только на русском, но и на английском языке. В 2007 г. «Сибирский психологический журнал» был включен в перечень так называемых ваковских журналов. И в этой связи я хочу выразить большую благодарность за поддержку нашего издания вице-президенту Российской академии образования Д.И. Фельдштейну, а также известным отечественным ученым А.В. Юревичу и В.В. Знакову за высокую оценку журнала в представленной ВАКу рецензии, которая приведена в данном номере.

В нашем журнале можно встретить оригинальные статьи зарубежных коллег-психологов на английском и немецком языках. Среди авторов журнала – ведущие психологи России, некоторые из них являются членами редакционного совета. Разумеется, такие имена, как А.В. Петровский, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьев, В.С. Мухина, А.Г. Асмолов, А.Ш. Тхостов, Ю.П. Зинченко, А.В. Юревич, Ю.Ф. Поляков, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Л.И. Вассерман, Б.А. Вяткин, Д.В. Ушаков, И.А. Коробейников и др., поднимают авторитет журнала, способствуя повышению интереса к нему со стороны широкой психологической общественности в регионе и за его пределами. Это позволило журналу избежать «местечковости» тематики, ее мелкотемности, сохранить свое лицо, не дублируя, но ориентируясь на такие высокие авторитеты, как «Психологический журнал» и «Вопросы психологии».

Однако главными авторами, создающими лицо и авторитет журнала, являлись и являются, конечно, психологи обширного региона от Урала до Дальнего Востока. География публикаций очень широкая, охватывает также и европейскую часть России, ближнее и дальнее зарубежье. Среди авторов журнала – не только маститые ученые и многоопытные практики, но и начинающие психологи – молодые исследователи, преподаватели вузов, аспиранты и соискатели ученых степеней. Журнал предоставляет им возможность публиковать результаты своих исследований, что, с одной стороны, придает ему актуальность, дискуссионность и некоторую новизну, а с другой – позволяет молодым авторам представить свои работы на суд научной общественности, опубликовать их в серьезном, уважаемом издании, а такие возможности для многих авторов сегодня еще довольно ограничены. Свои страницы журнал постоянно предоставляет и для материалов исследований студентов-психологов, занимающихся научной работой, участвующих в научных конференциях, психологических олимпиадах и различных проектах.

«Сибирский психологический журнал» – журнал научно-практический, охватывающий основные области психологической науки и практики. Постепенно откристаллизовалась структура издания, включающая основные разделы: «Общая психология и психология лично-

сти», «Социальная психология», «Генетическая психология (психология развития)», «Клиническая (медицинская) психология», «Педагогическая психология (психология образования)». Это разделы обязательные, представленные в каждом выпуске СПЖ.

В то же время журнал достаточно вариативен по рубрикам и материалу. Почти в каждом выпуске представлена новая рубрика: «Психология психолога», «Из архива», «Вместо рецензии» (вып. 4), «Психологический фольклор» (вып. 5–6), «Психологическая экспертиза и психология экспертизы» (вып. 12), «Психологическая служба» (вып. 11), «Проба пера: материалы студентов-психологов», «Дискуссии», (вып. 13), «В помощь психологу: исследователю и практику» (вып. 14, 15, 27), «Краткие сообщения» (вып. 16, 17), «Психологическая супервизия» (вып. 7–9, 13–17, 30), «Психологический словарь» (вып. 18), «Методы и технологии психологических исследований» (вып. 19), «Теория и методология психологии» (вып. 20), «Психология детской одаренности» (вып. 21), «История психологии» (вып. 24), «Психология здоровья и безопасности» (вып. 36, 37), «Экологическая психология» (38).

Ряд выпусков посвящен знаменательным датам истории психологии: 120-летию со дня открытия В. Вундтом первой экспериментальной психологической лаборатории (вып. 10), юбилеям известных отечественных и зарубежных психологов: 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского (вып. 3); 60-й годовщине со дня смерти З. Фрейда (вып. 11); 85-летию со дня рождения М.С. Роговина (вып. 24), 100-летию со дня рождения Б.Г. Ананьева (вып. 26), 90-летию со Дня рождения Л.М. Веккера (вып. 30) и др.

Разумеется, в каждом номере журнала дается самая разнообразная информация, представляющая интерес прежде всего для психологов региона: о будущих и состоявшихся конгрессах, конференциях, школах, диссертационных советах по психологическим наукам, новых психологических изданиях, о международном сотрудничестве, знаменательных датах и т.д.

«Сибирский психологический журнал» за годы своего существования внес весомый вклад в развитие психологической науки и практики, способствовал тому, что за последние пятнадцать лет выросла целая плеяда кандидатов и докторов наук. Это консолидирующий печатный орган, объединяющий психологов региона, способствующий реализации разного рода научных и прикладных проектов в области психологии.

Демократичная, открытая для дискуссий позиция редакции журнала дает возможность представить на суд профессиональной психологической общественности материалы с разными позициями, что было и остается важным в контексте очередного методологического кризиса психологии, «схизиса» психологической науки и практики.

С момента своего основания «Сибирский психологический журнал» неоднократно менял внешний облик и всегда в лучшую сторону: с вып. 14–15 он начал выходить с обложкой, на которой появилась фотография главного корпуса Томского госуниверситета, затем фотографии менялись в соответствии с временами года, поскольку журнал с 2008 г. начал выходить четыре раза в год; с 2011 г. (вып. 39 и 40 – юбилейный) журнал выходит в новом формате, который стал и более удобным (несколько меньшим по размеру), и более читабельным.

В 2006 г. «Сибирский психологический журнал» был награжден Дипломом и Золотой медалью Сибирской Ярмарки УЧСИБ-2006 «за высокий теоретико-методологический уровень издания», а в 2007 г. отмечен высокой наградой Федерации психологов образования и Министерства образования и науки РФ – Дипломом II степени в номинации «Лучшее периодическое издание по психологии».

С 2010 г. появилась и электронная версия «Сибирского психологического журнала» (psy.tsu.ru/mag.php).

Вряд ли «Сибирский психологический журнал» мог выжить и достичь отмечаемого сегодня читателями высокого уровня по форме и содержанию, получить признание не только в регионе, но и далеко за его пределами, в том числе и у зарубежных коллег, если бы не энергичная, высокопрофессиональная команда заинтересованных томских психологов-энтузиастов, которая неустанно работала все эти годы. Это, прежде всего, Э.В. Галажинский, доктор психологических наук, профессор; В.Г. Залевский, кандидат психологических наук, доцент; С.А. Богомаз, доктор психологических наук, профессор; Т.Г. Бохан, доктор психологических наук; Н.В. Козлова, доктор психологических наук; Т.Е. Левицкая, кандидат психологических наук, и др. Эти люди росли вместе с журналом и выросли от ассистентов до доцентов и профессоров.

Конечно, был и более широкий внешний круг психологов Томска, Барнаула (профессор Л.Д. Демина), Иркутска (профессор А.Д. Карнышев) и других городов региона, которые внесли свою лепту как авторы, члены редколлегии и редакционного совета на разных этапах становления журнала. Хочу также поблагодарить членов редколлегии нынешнего состава, редактора и корректоров, широкий круг рецензентов за их усилия в поддержании высокого содержательного и издательского уровня журнала. Всем им выражаю свою глубокую признательность, большое всем вам спасибо!

Как я уже сказал выше, юбилейный номер «Сибирского психологического журнала» приурочен к началу работы IV Сибирского психологического форума «Ценностные основания психологии и психологии ценностей». Он будет посвящен, несомненно, актуальным проблемам современной психологии – науки и практики. Одной из таких актуальных и, я бы сказал, кардинальных проблем психологической науки яв-

ляется проблема понимания человека как объекта психологии: в чем его человеческая сущность, почему его еще древние греки называли антропос, т.е. «устремленный ввысь (вверх)», и почему он *homo sapiens*?

Иначе говоря, речь идет об антропологической позиции психолога-исследователя и психолога-практика. Трудность понимания человека и его отношения к психике (как бы мы ее ни понимали) приводила нередко, как свидетельствует история психологии, к разным проявлениям редуционизма.

Сегодня, на мой взгляд, наблюдается тенденция, которую я определил бы как «системологический редуционизм», т.е. сведение человека (его сущности) к понятию «система» или «психологическая система». Теперь за человека все решает некая абстрактная, хотя и открытая, система (кстати, все живые организмы являются открытыми системами). С позиции акционального подхода (см.: СПЖ. 2011. № 40. С. 89–100) здесь имеет место тот случай, когда на место цели ставится средство – системный (синергетический) принцип видения психологических феноменов отождествляется с самим предметом познания, с его сущностью. А ведь (психологическая) сущность человека заключается в том, чтобы в своем развитии, росте и становлении вырваться, трансцендировать за пределы самого себя, освободить себя от ограничений системы, устремляясь к реализации своей духовной – ценностно-смысловой – сущности, выступающей уже не системообразующей, а интегрирующей составляющей такой целостности, каковой является человек, человек духовный, человек-личность.

Можно полагать, что в своей сущности человек отличается от любой другой открытой системы тем, что является, скорее, надсистемным феноменом. Возвращение, регресс его в состояние системы, когда он теряет свободу, автономию, способность и готовность к инновациям, когда система управляет им, а не он системой, демонстрируют случаи психо- и социопатологии: все виды аддикций и деликвенций, состояния дистресса (например, патологические аффекты).

Я знаю, что моя антропологическая позиция может не только не совпадать, но является прямо противоположной другим антропологическим позициям, представленным и в ряде статей данного выпуска журнала, и в выступлениях участников Форума, но тем интересней и полезней будут дискуссии.

Все материалы данного журнала, являются ли они извлечениями из прошлых выпусков или специально подготовлены к Форуму, посвящены заявленной тематике. На Форуме предполагается развитие дискуссий прежде всего вокруг вопросов, решение которых психологи всего мира связывают с XXI в.: создание «лучших теорий» и «укрепление связей научной, академической психологии и практической психологии (психологической практики)», высокие достижения психологов, достойные Нобелевских премий, и др. (см.: СПЖ. 2011. № 40. С. 52–59).

В заключение я хочу высказать особую благодарность за высокую оценку и теплые слова поздравления в адрес нашего журнала главному редактору журнала «Обозрения психиатрии и медицинской психологии» им. В.М. Бехтерева профессору Ю.В. Попову и его заместителям профессорам Л.И. Вассерману и Б.Д. Карвасарскому, а также пожелать участникам Сибирского психологического форума и всем нашим читателям успехов в их творческих поисках, эффективности в решении проблем психологической науки и практики, личного благополучия и крепкого физического, психологического и духовного здоровья.

Будьте здоровы!

Г.В. Залевский, главный редактор,
доктор психологических наук,
член-корреспондент РАО,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Томск
Томский государственный университет,
факультет психологии.
Редколлегия СПЖ,
главному редактору чл.-кор. РАО,
заслуженному деятелю науки РФ,
профессору Г.В. Залевскому

Дорогой Генрих Владиславович, дорогие коллеги!

От имени клинических психологов института им. В.М. Бехтерева, журнала «Обозрение психиатрии и медицинской психологии» им. В.М. Бехтерева поздравляем СПЖ с небольшим, но славным юбилеем – 15-летием основания. За это время журнал стал одним из ведущих периодических изданий в нашей стране, освещающих актуальные направления в фундаментальной и прикладной психологии. Став «журналом ВАК», СПЖ существенно укрепил свой авторитет и влияние в психологическом сообществе. Точнее сказать, именно благодаря авторитету журнала и его главного редактора, выверенной и высоко-профессиональной редакторской «политике», прекрасному и современному дизайну издание представляет научную психологию в ВАКе РФ. Мы высоко оцениваем подвижническую работу коллектива журнала в преодолении многих трудностей (о которых нам хорошо известно как издателям «Обозрения...»). Тем весомее вклад СПЖ в наше общее дело. Желаем процветания журналу, а главному редактору и всему коллективу – устойчивости к «издательскому стрессу», дальнейших успехов и всяческого благополучия.

*Зам. директора института им. В.М. Бехтерева
по научной работе, главный редактор журнала
«Обозрение психиатрии и медицинской психологии»,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор **Ю.В. Попов***

*Руководитель отделения неврозов и психотерапии,
соредактор журнала «Обозрение...» им. В.М. Бехтерева,
председатель проблемной комиссии
«Медицинская психология» РАМН,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор **Б.Д. Карвасарский***

*Руководитель лаборатории клинической психологии
НИИ психоневрологии им. В.М. Бехтерева,
соредактор журнала «Обозрение...»,
председатель проблемной комиссии «Нейропсихология»
Межведомственного научного совета по проблемам развития,
обучения и нейрореабилитации, профессор кафедры мед. психологии
психологического факультета СПбГУ **Л.И. Вассерман***

ПО СТРАНИЦАМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ПРОШЛЫХ ЛЕТ

ПРИВЕТСТВИЕ И ПОЗДРАВЛЕНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ И ЧИТАТЕЛЯМ «СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»¹

Уважаемые коллеги и друзья!

Хочу поздравить Вас с появлением в ряду уже существующих и известных периодических психологических изданий «Сибирского психологического журнала». Насколько мне известно, это, по существу, первый в Вашем регионе журнал, посвященный проблемам психологической науки и практики. Его появление – это отрадный факт и, прямо скажем, историческое событие. Тем более, что нашего отечественного читателя никогда не баловали психологической периодикой.

Это, конечно, связано вообще с непростой историей отечественной психологии. Но, несмотря на все ограничения, притеснения и т.д., она внесла и продолжает вносить свой весомый вклад в сокровищницу мировой психологической науки и занимает в ней вполне достойное место. Не забыты и имена и вклад в развитие психологии психологов-сибиряков в прошлые годы – Ю. Шарова (г. Новосибирск), Н.И. Кувшинова (гг. Томск, Омск) и др. И в последние годы отмечается довольно бурное развитие психологии, особенно ее прикладных областей в таких городах региона, как Томск, Новосибирск, Иркутск и др. Хотелось бы надеяться, что и психологическая наука и практика будут «прирастать Сибирью». И в этом важную роль должен сыграть «Сибирский психологический журнал».

Поэтому я хочу пожелать редколлегии журнала и его читателям – профессиональным психологам и интересующимся психологией как одной из центральных наук о человеке, творческих успехов, здоровья и благополучия!

Президент Российской академии
образования, доктор психологических наук,
академик ***А.В. Петровский***

¹ Приветствие было опубликовано в № 1 за 1995 г.

НАСЛЕДИЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО¹

В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов (Москва)

Мы не будем излагать теорию Льва Семеновича Выготского. После выхода шеститомника его трудов (через 50 лет со времени его кончины) с ними может ознакомиться каждый. Здесь нам важно показать, как психологическая теория Л.С. Выготского своими корнями связана с русской культурой первых десятилетий XX в. и что он сам является правомочным и законным представителем важнейшего и замечательного во многих отношениях периода в истории нашей отечественной культуры и науки.

Представления о знаково-символической основе сознания и его смысловом строении, развитые Л.Г. Выготским, связаны с историей и практикой русского символизма, наиболее ярко проявившегося в поэзии, живописи, театре и киноискусстве. Символизм выступил как оппозиция натурализму в искусстве, что отчетливо видно в трудах и стихах А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова, в трудах и спектаклях В. Мейерхольда, С. Эйзенштейна. У Л.С. Выготского – великолепного знатока искусства – эта оппозиция приняла форму научного протеста против натурализма в психологии. Вспомним его пламенную речь на II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г.

Ключевой для теории Выготского является ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ. Замечательные идеи в этой области высказывали современники Выготского – эволюционисты-биологи В.А. Вагнер и А.Н. Северцев. Первый настаивал на том, что у психологии должны быть значительно более тесные связи с общей биологией, с теорией эволюции, и высказывал опасения по поводу того, что слишком тесные связи психологии с физиологией могут деформировать психологическую науку, направить ее поиски по ложному следу (сейчас мы знаем, что эти опасения не были лишены оснований). А.Н. Северцев в то же время обратился к психической реальности для объяснения эволюционного процесса, считая, что психика является фактором биологической эволюции. Похожим можно считать и мнение Л.С. Выготского о том, что биологическое, жизненное значение психики – необходимое условие существования научной психологии.

В те же годы начало формироваться новое антигомеостатическое направление в физиологии. Мы имеем в виду прежде всего работы А.А. Ухтомского и Н.А. Бернштейна. Эти ученые высказывали идеи о том, что имеется особый класс функциональных, а не анатомоморфологических органов индивида. А.А. Ухтомский, чтобы подчеркнуть

¹ Из книги «Человек развивающийся». М., 1994 (статья была опубликована в № 3 за 1996 г.).

различия между двумя типами органов, уподоблял функциональный орган «вихревому движению» Декарта. К числу таких органов они относили доминанту, парабиоз, интегральный образ, движение (О. Манделштам тогда же писал о том, что представление – это такой же орган, как печень и сердце). Перечисленные органы представляют собой новообразования, складывающиеся в процессе индивидуального (онтогенетического) развития. Позже это направление исследований получило название физиологии активности.

Сам Л.С. Выготский рассматривал высшие психические функции и сознание как **ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ИЛИ ОРГАНЫ** индивида. В настоящее же время происходит все более тесное сближение физиологии активности, развиваемой последователями Н.А. Бернштейна, и психологической теории деятельности, развиваемой школой Л.С. Выготского. В последней накоплен и осмыслен опыт формирования функциональных органов индивида (образов, действий, установок, когнитивных схем и карт и т.п.), что и позволило ей составить концептуальную основу современной детской, педагогической, медицинской, инженерной и социальной психологии. Это оказалось возможным, потому что Л.С. Выготский относился к субъективному, психическому как к реальному (ср. с поучительным замечанием А.А. Ухтомского о том, что субъективное во многих случаях оказывается значительно более объективным, чем так называемое объективное).

Большое место в научных исканиях Л.С. Выготского занимали **ПРОБЛЕМЫ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ**, проблемы происхождения и функций **СОЗНАНИЯ**. В этих областях работали М.М. Бахтин, Н.Я. Марр, Г.Г. Шпет. Все они занимались проблемой происхождения языка, справедливо считая его основой сознания. Г.Г. Шпет был одним из первых, кто развивал представления о функциональной структуре слова, о многочисленных фазах понимания его различных слоев и пластов. Выражаясь современным языком, он предложил гетерархическую модель процесса понимания слова, которая учитывала сложность строения его внешней и внутренней форм. Н.Я. Марр исследовал генезис языка и связал его происхождение с осуществлением предметно-практических действий, а также со знаковыми (жестово-кинетическими) формами отображения и выражения этих действий. М.М. Бахтин развивал идеи диалогизма и полифоничности сознания. Знакомство с этими положениями оказало существенное влияние на развитие идей Л.С. Выготского о системном строении и формировании человеческого сознания, **О МЕХАНИЗМАХ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ И О ЗОНЕ БЛИЖАЙШЕГО РАЗВИТИЯ** высших психических функций. Опираясь на эти положения, он успешно развивал исследования внешнего и внутреннего, идею связи действий и знаков в онтогенезе детской психики, представления о том, что бытийные и знаковые слои сознания генетически предшествуют собственно рефлексивным его слоям.

Согласно Л.С. Выготскому, в мышлении и сознании можно выделить два слоя: сознание для сознания и бытие в сознании. Эта идея принципиально важна для нас. Однако обратимся к самому Выготскому: «...в период сильного возбуждения нередко появляется ощущение колоссальной мощи. Это чувство внезапно появляется и поднимает индивида на новый более высокий уровень деятельности. В этих сильных эмоциях возбуждение и ощущение силы сливаются, освобождая тем самым запасенную, неведомую до того времени энергию и доводя до сознания незабываемые ощущения возможной победы» [4. С. 101]. Источником бытийных характеристик сознания является предметное и социальное действие.

Л.С. Выготский развивал представления о единстве аффекта и интеллекта. Он писал, что за мыслью обязательно стоит аффективная и волевая тенденция. Сейчас это единство считается общепринятым и выражается в таких понятиях, как познавательное отношение, личностное знание.

Интересные соображения на этот счет имеются в рукописном наследии ближайшего ученика и последователя Л.С. Выготского – А.В. Запорожца, развивавшего идеи своего учителя об эмоциях: «Обычно люди сетуют на то, что разумные намерения и решения не реализуются вследствие того, что они подавляются аффектом. Однако, при этом забывают, что при чрезвычайной подвижности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно то, что, чтобы приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом, в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого решения для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов» [6. С. 297].

Л.С. Выготский многое сделал для построения КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИИ. Ее прототипом является учение о страстях Б. Спинозы: «Под аффектами, – писал Спиноза, – я разумею состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний» [8. С. 92]. Л.С. Выготский писал, что «в учении Спинозы содержится, образуя ее самое глубокое и внутреннее ядро, именно то, чего нет ни в одной из двух частей, на которые распалась современная психология эмоций: единство причинного объяснения и проблемы жизненного значения человеческих страстей, единство описательной и объяснительной психологии чувств» [4. С. 301].

Характеризуя исследования отношений между страстями и познавательными процессами в современной ему психологии эмоций, имеющей в качестве своего прототипа картезианский дуализм, Выготский писал о полной бессмысленности, абсолютной случайности, со-

вершенной бесструктурности и бессвязности, которые царят в этой области: «Любая комбинация оказывается равно бессмысленной и потому равно возможной, алгебраические комбинации мертвых абстракций празднуют высший триумф, вытравлено последнее веяние живой психической жизни» [4. С. 239].

Л.С. Выготского и его соратников заботила проблема выяснения реальной роли эмоций в жизни и механизма их действия. А.В. Запорожец, развивая идеи о функциональных системах и органах, рассматривал эмоции как орган индивидуальности, ядро личности. Он принимал положение Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта не как данное, а как заданное и пытался понять строение функциональной системы интегрированных эмоциональных и когнитивных процессов, обеспечивающей единую регуляцию поведения и деятельности субъекта. А.В. Запорожец исследовал формирование внутренней деятельности аффективно-образного воображения, которая, согласно Л.С. Выготскому, является «вторым выражением» человеческих эмоций. Включаясь в единую систему, эмоции становятся «умными», обобщенными, предвосхищающими, а интеллектуальные процессы, функционируя в данном контексте, приобретают характер эмоционально-образного мышления, играющего важную роль в смыслообразовании и целеполагании.

А.В. Запорожец применил к изучению эмоций центральные для теории культурно-исторической детерминации психики принципы интериоризации и опосредования. Интериоризация – процесс изначально социальный, имплицитно включающий в себя такие формообразующие факторы, как общение, совокупное действие, совместно-распределенная деятельность и т.д. Сравнивая когнитивную и эмоциональную составляющие регуляции поведения, А.В. Запорожец находил в них сходные и различные черты. Когнитивная регуляция характеризуется согласованием внутренних средств и способов деятельности (сенсорных и перцептивных эталонов, предметных и концептуальных значений, образов, оперативных единиц восприятия и памяти, образно-концептуальных моделей реальности, моторных схем и программ) с целями и задачами деятельности, со сложившимися представлениями об объективном значении проблемной ситуации, ее компонентов и тех ее преобразований, которые должны быть произведены для достижения требуемого объективного результата. В отличие от этого эмоциональная регуляция характеризуется согласованием другого рода внутренних средств (личностный смысл, нравственные ценности, нормы, идеалы, эталоны эмоционального отношения к окружающим, внутреннее аффективные побуждения личности и т.д.) с общей направленностью и динамикой поведения.

Поставив задачу изучения не только отражательной, но и жизненной, регуляторной функции эмоций, Л.С. Выготский и А.В. Запо-

рожец открыли перед психологией увлекательную область исследования **ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ И ФОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ**. Выразительное движение – лишь внешнее проявление уже имеющегося чувства, а не способ его существования, формирования и развития. Они возражали против натуралистического отождествления выразительных движений животных и человека: «Иллюзия тождества создавалась вследствие того, что не учитывался символизм определенных форм выразительности человека, при которых она, обладая внешним сходством с выразительностью животных (оскал зубов, мышечное напряжение, агрессивная поза), может иметь совершенно другой смысл (более глубокий и обобщенный), чем у наших животных предков» [6. С. 295]. Прекрасно об этом писал и Г.Г. Шпет: «Как чумы или глупости, надо поэтому бояться и остерегаться в особенности теорий, похваляющихся “объяснить” одно из другого, “происхождение” смысла разумного слова из бессмысленного вопля, “происхождение” понимания и разума из перепуганного дрожания и ослабленной судороги протоантропоса. Такое “объяснение” есть только занавешение срамной картинки голого неведения» [7. Ч. 2. С. 22–23].

Завершим на этом, конечно же, неполный обзор теорий и идей, которые предшествовали или создавались одновременно с культурно-исторической теорией развития психики и сознания, и перейдем к проблемам сегодняшним, ведь нам важно выявить современное значение этой теории. Важнейшей причиной ее актуальности в наши дни является внимание Выготского к проблемам обучения и развития подрастающего поколения, к формированию сознания и личности. В одной из лекций Л.С. Выготский, рассматривая развитие ребенка в связи с другими типами развития (эмбриональным, геологическим, историческим и т.п.), говорил: «Можно ли себе представить... что, когда самый первобытный человек только-только появляется на Земле, одновременно с этой начальной формой существовала высшая, конечная форма – “человек будущего” и чтобы та идеальная форма как-то непосредственно влияла на первые шаги, которые делал первобытный человек? Невозможно это себе представить... Ни в одном из известных нам типов развития никогда дело не происходило так, чтобы в момент, когда складывается начальная форма... уже имела место высшая, идеальная, появляющаяся в конце развития и чтобы она непосредственно взаимодействовала с первыми шагами, которые делает ребенок по пути развития этой начальной, или первичной, формы. В этом заключается величайшее своеобразие детского развития в отличие от других типов развития, среди которых мы никогда такого положения вещей не можем обнаружить и не находим... Это, следовательно, означает, что среда выступает в развитии ребенка, в смысле развития личности и ее специфических человеческих свойств, в роли источника развития, т.е. среда здесь играет роль не обстанов-

ки, а источника развития» (цит. по Д.Б. Эльконину. Послесловие к [13. С. 395]).

Следовательно, возникает задача анализа культурной и социальной среды развития ребенка с точки зрения того, насколько она может выполнять роль источника развития и задачи определения направления развития, которое этот источник задает. Решение этих задач необходимо прежде всего для того, чтобы ребенок овладевал не миром вещей, а миром созданных человечеством предметов и явлений, т.е. творениями культуры, в состав которых входит и мир человеческих деятельности.

Поясним это. Современная техника создает новые орудия и средства, меняющие привычные формы всех видов человеческой деятельности: трудовой, учебной, управленческой, научной, эстетической и даже «культурно-бытовой». А изменение форм деятельности – это ведь тоже деятельность, которая должна быть сознательной и ответственной.

Новые формы деятельности влияют на психологию и сознание людей. Не только влияют, но изменяют их, более того, формируют, строят, поэтому необходимо самым тщательным образом проследить, а еще лучше предсказать, характер и последствия такого влияния. Его механизм связан с тем, что новые средства деятельности, прежде всего трудовой, не только повышают производительность труда, но и предъявляют новые, нередко чрезмерные требования к человеку, в том числе к его оперативно-технической, познавательной, эмоционально-волевой сферам, к его мотивации, возможностям и способностям, то есть ко всем внутренним средствам деятельности человека.

Тенденции амплификации (усложнения, обогащения) форм деятельности с новыми техническими средствами давно стали предметом внимания всего цикла наук о трудовой деятельности. Значительно меньшее внимание привлекает противоположная тенденция – тенденция симплификации (упрощения) форм деятельности, которая также наблюдается в современном мире. Именно она нас интересует. Современная техника производит все большее число легко доступных для употребления и использования орудий труда, предметов культурно-бытового назначения (своего рода материальных форм). За каждым из них могут скрываться (и чаще всего скрываются) их внутренние, идеальные, культурные формы, которые далеко не всегда легко наблюдаемы и, более того, маскируются обманчивой простотой функционирования, доступностью в употреблении, приятным видом. Сложнейшая деятельность, связанная с их созданием, умерла в готовом техническом устройстве. Обратимся к устройствам, окружающим ребенка. Ребенок свободно пользуется телефоном, телевизором, не зная устройства даже электрического звонка. Кстати, и взрослые нередко водят автомобиль, весьма смутно представляя себе, почему он едет. Дети и взрослые пользуются компьютером, не понимая принципов его работы. С этим, между прочим, связано возникновение психологических барьеров на

пути освоения и использования новой техники на производстве. Разумеется, невозможно знать устройство, принципы работы всех окружающих человека технических объектов. Мы овладеваем родным языком, не зная его устройства. Но потом нас этому все же учат в школе (иное дело, хорошо или плохо). А в уже сложившемся вещном мире слишком многое осваивается без труда и без понимания. По отношению ко многим объектам у ребенка даже не возникает естественного для него желания сломать и посмотреть, что у него внутри. Освоение мира вещей слишком часто начинает ограничиваться уровнем элементарных сенсомоторных координации.

Ребенок даже без помощи взрослого на основе элементарного подражания запоминает последовательность «кнопочно-клавишных движений», но не осваивает предметно-практической деятельности, которая лежит в основе такой последовательности, т.е. не проходит этапа формирования высших психических функций. Возникает парадоксальная ситуация, при которой чрезмерно богатый мир технических объектов ведет к оскудению мира предметной деятельности и, соответственно, к формированию особого типа «кнопочной психологии». Одинаковые кнопки бывают разного назначения. С их помощью, к сожалению, можно включить не только магнитофон или телевизор, но и запустить межконтинентальную ракету. Здесь должны быть воздвигнуты культурные барьеры и нравственные преграды.

Мы далеки от мысли протестовать против обогащения и усложнения мира вещей. Но нельзя забывать о том, что богатству внешних средств человеческой деятельности должно быть поставлено в соответствие еще большее богатство ее внутренних средств или способов, богатство способностей и смыслов их использования, которые даются трудом. Весьма сомнительно, что нарождающийся «деятельностный дилетантизм» будет хорошим помощником в их формировании. Психологам известно, что игровая дистрофия остается на всю жизнь. Плохие чиновники – это те, кто не доиграл в детстве. Это справедливо и по отношению к дистрофии деятельностной. Развлечение может и не стать деятельностью. Для предотвращения этого вещное окружение из самодействующей якобы «обстановки» развития должно быть преобразовано в его действительный источник.

Здесь можно лишь наметить общее направление такой работы: предметом усвоения должны быть не вещи, не обстановка, а смысл деятельности с ними. Напомним гегелевское: «Истинное бытие человека – есть его действие; в нем индивидуальность действительна» [5. С. 172].

Действие – это неисчерпаемый источник духовной жизни человека; оно представляет собой сложнейшую реальность, обладающую своим особым членением и специфическими свойствами. Действие, как и всякая живая форма, содержит в единстве противоположностей

внешнее и внутреннее. Именно поэтому оно составляет фундамент, на котором строятся психологические системы. Последние, согласно Л.С. Выготскому, «возникают первоначально как известные внешние операции, внешние формы поведения, которые затем становятся внутренними формами мышления и действия личности» [3. С. 241–242]. Но действия, как и язык, не изобретаются ребенком. Действия взрослого, равно как и его речь, являются по отношению к действиям и речи ребенка идеальными формами, задающими направление их онтогенеза: «Детская речь не является личной деятельностью ребенка, – пишет Л.С. Выготский, – и разрыв ее с идеальными формами – речью взрослого – представляет грубейшую ошибку. Только рассмотрение индивидуальной речи как части диалога, сотрудничества, общения, дает ключ к пониманию ее изменений. Всякое самое примитивное детское слово является частью целого, внутри которого оно взаимодействует с идеальной формой. Идеальная форма – источник речевого развития ребенка» [3. С. 356].

Приведенные слова в полной мере относятся и к развитию действий, причем не только предметно-практических, но и сенсорных, перцептивных, мнемических, интеллектуальных, эмоциональных, формирование которых изучалось в школе Л.С. Выготского уже после его кончины. Это уже и не вполне действие, а скорее Действо, Деяние, которое, согласно Гёте, основа бытия. Поэтому-то овладение действиями во всем богатстве их идеальных и культурных форм, а не овладение предметами посредством элементарных сенсомоторных операций, представляет собой подлинное обогащение субъекта, развитие не только оперативно-технических способностей, но и его личности, истинно человеческого бытия.

В теории развития психики Л.С. Выготского имеется ПОНЯТИЕ СЕНЗИТИВНОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ тех или иных функциональных систем или органов индивида. Дефицит общения в младенческом возрасте приводит к существенным и крайне трудно компенсируемым задержкам в развитии речи. То же происходит при позднем обучении грамоте или эстетическом воспитании. Видимо, существует определенный сензитивный период и для формирования потребности в новых действиях и деятельности, потребности в обогащении их содержания и совершенствовании способов. Без таких потребностей человек не может выступать в роли активного созидателя не только собственной деятельности, но и собственной личности.

Это следует подчеркнуть специально, поскольку дефицит предметно-практических действий ничем не может быть восполнен и компенсирован. Л.С. Выготский писал: «Практический интеллект генетически древнее вербального; действие первоначальнее слова, даже умное действие первоначальнее умного слова» [8. С. 86]. Иное дело, что затем происходит внутреннее преобразование действия с помощью

слова, что речь поднимает на высшую ступень действие, прежде независимое от нее, подчиняет его власти ребенка, накладывает на действие печать воли. Резюмируя характеристику взаимоотношений слова и дела, Л.С. Выготский пишет: «Если в начале развития стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом. Слово, делающее действие человека свободным» [4. С. 90]. А свободное действие – это уже поступок, т.е. действие личности, а не индивида. (В дальнейшем мы вспомним в этой связи учение о поступке М.М. Бахтина.) Перед современной психологией стоит задача понять слово и образ как внутренние формы свободного действия и понять социальное и предметное действие как внутреннюю форму слова, источник его смысла, который, согласно Г.Г. Шпету, по происхождению предмет и бытие [8. С. 9].

И здесь еще раз следует предостеречь против деятельностного дилетантизма, который для развития личности не менее опасен, чем вербализм. В принципе это вещи близкие. Можно даже сказать, что это две стороны одной медали. Деятельностный дилетантизм сродни пушкинскому «полупросвещению» и по аналогии может быть определен как «полудеятельность». Такая модификация деятельности – плохой помощник в развитии высших психических функций, сознания, личности. Максимум, на что она способна, – это развитие пассивной созерцательности, пустого активизма, беспредметной воли. Психологическое ядро полудеятельности состоит в том, что она совершается по типу управления непонятым и неосмысленным предметным содержанием, в том числе и без размышлений о его последствиях. В ней минимально задействована когнитивная сфера, а эмоциональная – подчинена псевдоценностям, «незрелому самообману». На социологическом языке – это некомпетентное управление, приводящее не к действительным результатам, а к их видимости, которая, впрочем, может быть не лишена приятности или эмоциональной притягательности.

В то же время хорошо известно, что не только труд, но и любая форма деятельности является тем более эффективной, чем полнее вовлекаются в нее деятельные способности и сущностные силы человека, чем большее напряжение духовных и физических сил требуется от него. Именно такая деятельность приносит ему максимальное удовлетворение. Субъективно это выступает не просто как привлекательность деятельности, а как полное слияние с ней, с ее предметным содержанием, что нередко вызывает особые состояния «вне времени». Благодаря этим последним, предельное напряжение ощущается и переживается не столько в самом процессе деятельности и ее актах, сколько накануне и в конце ее, т.е. перед и после получения результатов. В таких случаях деятельность выступает как свободное явление. Например, человеческие способы мышления имеют свою прелесть, несмотря на всю их мучительность, а возможно и благодаря ей, так как результат, полу-

ченный в деятельности, свободной от диктата обстановки, сам является высшей наградой.

Субъективные состояния «вне времени», видимо, представляют собой важное условие объективных вневременных достижений культуры. Нечто похожее описал А. Блок: «Пока не найдешь действительной связи между временным и вневременным, до тех пор не станешь писателем, не только понятным, но и кому-либо на что-либо, кроме баловства, нужным» [1. С. 162].

Вернемся к полудеятельности, являющейся прямым предшественником примитивных форм деятельности, одну из которых сатирики называют «кипучей ленью». Она несвободна, стандартна, суетлива, вся протекает «во времени», лишена естественного развития целей, средств и результатов, лишена аксиологичности и ответственности, а следовательно, индивидуальности и самобытности. Входящие в ее состав действия «одномоментны», имеют короткое дыхание. Тем не менее полудеятельность, порождающая полусознание, получувства, может создавать иллюзию полноты человеческой жизни.

А.Н. Леонтьев как-то заметил, что встреча потребности с предметом – акт чрезвычайный. Столь же чрезвычайной, если не более, является встреча субъекта с полноценной деятельностью, когда не только субъект овладевает ею, но и деятельность овладевает им. Лишь в этом случае человек становится подлинным субъектом деятельности, и тогда естественно развивающаяся деятельность наполняет человеческую жизнь. Конечно, человек может разочароваться в той или иной конкретной форме деятельности, оставить ее. В этом нет трагедии, так как он уже заражен и заряжен деятельностью, а следовательно, найдет, встретит и построит другую. Он приобрел живую от предмета к предмету переходящую свободу. Действительная трагедия наступает тогда, когда он теряет вкус и волю к деятельности, и тогда деятельность, по выражению Н.В. Гоголя, покидает его.

Выше были отмечены лишь некоторые (возможно, даже не самые главные) особенности и положения культурно-исторической теории. Л.С. Выготский начал работать в психологии в переломную эпоху. А. Блок писал о ней: «...мы ругали “психологию” оттого, что переживали “бесхарактерную” эпоху, как сказал вчера в Академии Вяч. Иванов. Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек... Назад к душе, не только к человеку, но ко “всему человеку” – с духом, с душой и телом, с житейским – трижды так» [1. С. 148–149]. Видимо, аналогичные настроения испытывал и Л.С. Выготский, научные интересы и дела которого вышли далеко за рамки академической психологии того времени. С этим связаны его страстная – а следовательно, не всегда справедливая – критика различных направлений психологической науки и его усилия и поиски в области методологии, теории, эксперимента и практики.

Работы Л.С. Выготского и его учеников и последователей следует рассматривать как теоретико-методологический эксперимент, направленный на поиск новой целостности душевной жизни или психической реальности. Можно сказать, что Л.С. Выготский в своих исканиях шел от культурного смыслового образа этой реальности и пытался по-своему наполнить его конкретным содержанием. Слова самого Л.С. Выготского свидетельствуют о том, что его теория полным правом называется культурно-исторической не только по содержанию и способам построения, но и по его отношению к истории и к культуре: «...сама попытка научно подойти к душе, усилие свободной воли овладеть психикой, сколько бы она ни затемнялась и ни парализовалась мифологией, содержит в себе весь будущий путь психологии, ибо наука есть путь к истине, хотя бы и ведущий через заблуждения. Но именно такой нам и дорога наша наука: в борьбе, в преодолении ошибок, в невероятных затруднениях, нечеловеческой схватке с тысячелетними предрассудками. Мы не хотим быть Иванами, не помнящими родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на котором осела пыль веков. Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него» [2. С. 428].

В этих словах выражено глубокое уважение к истории психологической науки и к ученым, которые ее создавали. В таком же уважении нуждается и имя Л.С. Выготского – создателя и главы (каковым он, кстати говоря, никогда себя не считал) ведущей школы российской психологии. Д.Б. Эльконин, анализируя книгу Выготского «Психологии искусства», пришел к заключению, что общий замысел всего творчества ученого состоял в том, чтобы показать, как рождаются аффективно-смысловые образования, весь субъективный мир отдельного человека при его встрече с аффективно-смысловыми образованиями, уже существующими объективно в мире культуры, искусства, религии. Он объединил в себе уважительное отношение к экспериментальному подходу в психологии и тонкое знание нюансов, развития, преобразования человеческой души. Это позволило Д.Б. Эльконину оценить Л.С. Выготского как основоположника неклассической объективной психологии.

Литература

1. Блок А. Собр. соч. Л., 1982. Т. 5.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
3. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 6.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 4.
6. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. М., 1986. Т. 1.
7. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Пг., 1923.
8. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.

У ПОРОГА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

А.Г. Асмолов (Москва)

Поверх барьеров классического рационального мышления в психологии личности

Истоки многочисленных препятствий на пути построения психологии личности связаны прежде всего с надсознательными установками, схематизмами сознания и стереотипами мышления, присущими классической философии и науке конца XIX – начала XX в.

Вспоминая слова Н.Н. Ланге, сравнивающего психолога конца прошлого века с Приамом на развалинах Трои, было бы уместно продолжить эту емкую аналогию и назвать «идеал рациональности» (М.К. Мамардашвили) тем троянским конем, которым одарила классическая философия и физика психологию двадцатого столетия.

В истории попыток преодоления последствий схем научного анализа, заимствованных из классической физики, могут быть выделены следующие вехи:

- выявление феноменов, способов постановки проблем и общих представлений о человеке, вытекающих из развертывания исследований по канонам идеала рациональности;
- рефлексия в психологии методологических предпосылок и постулатов, в обличии которых перед психологами открылись ограничения классического рационального мышления;
- выделение в психологии подходов и концепций, обладающих потенциалом неклассического мышления.

Феномены, логические дихотомии и образы человека

Феномены. В психологии, строящей исследования по образу и подобию классической физики, факты, свидетельствующие об активности субъекта, интерпретировались как «ошибки», артефакты или досадные отклонения от нормы. В качестве примеров можно привести ошибки «ожидания» в психофизиологических экспериментах по измерению порогов чувствительности, «ошибку стимула» (Э. Титченер) и т.п. Практически весь тот долгий путь измерения порогов чувствительности, который проделала психофизика, является дорогой борьбы

¹ Статья была опубликована в № 7 за 1997 г.

с этими «ошибками», борьбы, освященной стремлением к познанию типичных законов сенсорных процессов, очищенных от влияния активности субъекта: его мотивации, установок и, наконец, Деятельности, в которую включены сенсорные или перцептивные процессы. Круг феноменов, не укладывающихся в схемы анализа классического рационального мышления и вытекающую из этой схемы *модель рационального адаптивного действия* (М.К. Мамардашвили), чрезвычайно широк в психологии и родственных ей гуманитарных науках: от упомянутых выше «ошибок» в экспериментальной психологии до отклонений от социальной или клинической нормы, расцениваемых как алогичность мышления, примитивность сознания в других культурах, различное странное поведение в стиле «безумия» Павла I и т.п. Модель рационального предсказуемого адаптивного действия, цели которого всегда представлены, прозрачны и понимаемы, стремится в психоаналитическом смысле слова рационализировать все непредсказуемое, уникальное, непохожее, неутилитарное. И тут уже не столь важно, будет ли это нетипичное и уникальное явление названо, например, «гениальностью» или «безумием». Отметим вслед за М.К. Мамардашвили, что человеческая история, просеянная сквозь фильтр идеала рациональности, избавляется от всего неутилитарного, т.е. от всего неспособного быть полезной вещью, например от произведений первобытного искусства, которых не видят археологи, занятые раскопками понятных и утилитарных орудий человеческого труда.

Образы человека. Модель рационального адаптивного действия в значительной степени определила и «образы человека», которые соответствовали канонам классического рационального мышления. Если огрублять описание «образов человека», так или иначе бытовавших в науках о человеке, то можно выделить три спорящих друг с другом образа: «ощущающий человек» (поздняя проекция этого образа укрепилась в когнитивной психологии в виде компьютерной метафоры «человека как устройства по переработке информации»); образ «запрограммированного человека» (в поведенческих науках – «человек как набор реакций», в социальных науках – «человек как репертуар социальных ролей или сценариев»); образ «нуждающегося человека» – («человек как пучок потребностей, влечений и мотивов»). Эти «образы человека» соответствовали модели рационального действия. И даже приписывание влечениям и мотивам человека атрибута «неосознаваемых», по сути, не меняло положения дел, так как и в психоанализе остается неприкосновенной сущностная характеристика рационального действия – его подчиненность конечной, заранее предустановленной цели.

Логические дихотомии. В самых разных направлениях и теориях психологии личности с редким постоянством возникают «вечные» вопросы, которые по форме строятся как логические дихотомии, яв-

ляющиеся характерным признаком рационального классического мышления. Приведем некоторые из наиболее типичных вопросов такого рода: является ли человек биологическим и/или социальным существом? Определяется ли природа человека средой и/или наследственностью? Выступает ли личность как рациональное и/или иррациональное существо? Управляется ли поведение личности заданной извне программой и/или программа поведения каждый раз строится личностью? Обладает ли личность статичной или динамичной структурой? Какой тип приспособления личности к среде – пассивный (реактивный) или активный – характеризует поведение личности? Был или не был древний грек личностью? За этими вопросами проступает взгляд на личность как «вещь среди вещей», которая, даже если она помещена в центр мироздания, заводится средой, программируется наследственностью, направляется душой или же регулируется взаимодействием этих трех «факторов». Исследуя подобную механику «личностных тел», являющуюся скрытой аналогией механики небесных тел в классической физической картине мира Ньютона, психологи попадают в ловушки логических дихотомий и пытаются дать точные ответы на поставленные в стиле классического рационального мышления вопросы.

Когда же не укладывающиеся в схему рационального адаптивного действия феномены и нерешенные вопросы достигают некоей критической массы, психология обращается к методологии науки и прорывается через барьеры классического рационального мышления.

Постулаты и методологические установки классического рационального мышления в психологии

Классическое рациональное мышление кажется «естественным» до тех пор, пока оно не становится объектом напряженной рефлексии. Именно *рефлексия* постулатов и установок классического мышления выступает как шаг к преобразованию культуры мышления, к его «потенциальной релятивизации» (С.С. Аверинцев), а не просто к обнаружению тех или иных методологических заблуждений. Продуктом преобразующей классическое рациональное мышление рефлексии и стали «постулат непосредственности», «постулат сообразности», различные формы познавательного эгоцентризма («евроцентризм», «лингвоцентризм», «эволюционный снобизм», «антропоцентризм»), а также некоторые методологические предпосылки дуалистических схем детерминации развития личности.

Постулат непосредственности. В традиционной психологии накопленные новые факты, в частности проявления активности человека, его неосознаваемых влечений, вступили в противоречие с *постулатом непосредственности*, согласно которому объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и одно-

значно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения. Постулат непосредственности был выделен Д.Н. Узнадзе в ходе анализа интроспективной психологии сознания и бихевиоризма. В основе постулата непосредственности лежит присущая механистическому детерминизму двучленная схема анализа психики: воздействие на рецепторные системы субъекта – ответные явления (субъективные или объективные), вызванные данным воздействием. Наиболее явно постулат непосредственности был выражен в центральной схеме бихевиоризма «стимул – реакция». Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта либо выпадает из поля зрения психологов указанных направлений, либо объясняется вмешательством особых субъективных факторов, разных проявлений таинственного личностного начала.

Постулат непосредственности и представлял собой надсознательную установку мышления, которая была характерна для мышления естественных наук, в частности для классической физики и традиционной физиологии. Признание схемы механистического детерминизма – постулата непосредственности – определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида или факты поведения, резко обособили сферу психологической реальности от действительности и оказались либо в замкнутом круге сознания, либо в замкнутом круге поведения. В обоих вариантах человек оказывался изолированным от мира. В результате предметом психологического исследования становятся различные замкнутые «миры»: «психика вне поведения» и «поведение вне психики». В отечественной психологии преодоление постулата непосредственности осуществляется в русле теории установки Д.Н. Узнадзе и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Антропоцентризм (антропоцентристская парадигма мышления). Сущность человека предполагается либо в самом человеке, либо в воздействующей на него среде (биологической, социальной или физической). Тем самым разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной *антропоцентристской парадигмы мышления* о человеке, изучающей «человека вне мира», а «мир вне человека». Иными словами, из антропоцентристской парадигмы мышления вытекает дуалистический взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов – полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо.

Абсолютизация филогенетических, социогенетических, онтогенетических закономерностей развития человека. Антропоцентри-

стская парадигма мышления о человеке нередко приводит либо к взгляду на *человека вне истории* его развития, либо к абсолютизации закономерностей какого-либо этапа естественно-исторического процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о «степени животности» или «степени человечности» человека, как правило, начинают свое обсуждение «био-социальной» природы человека с рассмотрения его в онтогенезе либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. При этом изменения человека в ходе эволюции, его образа жизни в антропогенезе и социогенезе сбрасываются со счетов.

Человек – существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложнейший процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о «степени животности» и «степени социальности» человека в обществе некорректна в самой своей основе. Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит конституционная концепция личности У. Шелдона. Беря за основание своей концепции понятие «соматотипия» (тип телосложения), У. Шелдон из трех слоев зародышевых листков в эмбриогенезе выводит разные соматотипы, из них – типы темперамента, из них – характер личности, а затем и закономерности развития общества. Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым разным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. Концепция У. Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности. Она еще в большей степени, чем концепция бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о специфике вида *Homo Sapiens*.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является концепция рекапитуляции С. Холла, который устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида – эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Согласно Холлу, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т.д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование

процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического естественно-исторического процесса развития человечества. Развитие личности опосредовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т.п. упускает из виду тот факт, что человек рождается человеком в мире человека.

«Односторонний» эволюционизм. В позитивистски ориентированной психологии процессы развития часто интерпретировались в духе «одностороннего» эволюционизма. В результате психология, во-первых, оказывалась во власти линейных схем развития, расчленяющих процессы развития на механически складывающиеся друг с другом «стадии», «периоды», «этапы» антропогенеза, социогенеза, онтогенеза или же «блоки» переработки информации в актуальгенезе психического образа. Во-вторых, следуя логике линейного эволюционизма психология выстраивала различные стадии развития человека по формуле: «раньше – примитивнее, позже – сложнее, развитее». Установка «однолинейного» эволюционизма оборачивалась своего рода «эволюционным снобизмом» и приводила к заключениям следующего рода: наглядное мышление – примитивнее логического мышления; «художественный тип» – ниже по уровню «мыслительного типа» (И.П. Павлов); бессознательное в развитии ребенка, проявляющееся в аутистичном характере мышления, слабости интроспекции, нечувствительности к противоречиям, – грубее, архаичнее, «недоразвитее» сознания. Абсурдность «однолинейного» эволюционизма становится очевидной, когда обращаешься к истории культуры и делаешь заключение, что Илья Репин проще и ниже Ильи Глазунова только потому, что он имел несчастье родиться в более «низком» по уровню XIX в., а не «высоком» цивилизованном XX в. В действительности же культуры и психологии предшествующих поколений вовсе не проще, примитивнее, грубее или ниже. Они – *иные*, строящиеся *по иным логикам*, которые могут обеспечить в эволюции полновесный адаптивный эффект. Преодолению одностороннего эволюционизма при изучении социогенеза и персоногенеза способствует положение о *гетерогенности мышления* (Л. Леви-Брюль). Положение о гетерогенности мышления, дающее возможность понять сосуществование в сознании человека определенной культуры одновременно пралогического и логического мышления, в русле культурно-исторической психологии разработано П. Тульвисте. Дальнейшее развитие этого положения приводит к представлениям об *исторической гетерогенности личности* и, тем самым, выступает как еще одно из направлений движения поверх барьеров классического рационального мышления.

Европоцентризм. Исследованию социогенетических и персоногенетических закономерностей развития личности препятствует такая типичная эгоцентрическая установка мышления, как «европоцен-

тризм». Многие кросскультурные исследования грешат европоцентризмом, выдавая образцы видения личности, закономерности ее функционирования и развития в европейской культуре за нечто абсолютное, раз и навсегда данное, а затем избирая эти образцы за единственную систему отсчета при изучении личности в других культурах и цивилизациях. В результате, например, европоцентризм натурализирует логику европейского мышления, придает ей статус «естественной» характеристики мышления, подобной цвету глаз или волос. В действительности же формальная логика представляет собой культурно-историческое изобретение, т.е. она не дана человеку, а задана культурой. В связи с этим вполне оправдано допустить возможность изобретения и существования *иных логик*, среди которых формальная логика как среди разных сосуществующих систем отсчета займет соответствующее место.

Лингвоцентризм. В обширном цикле исследований разных аспектов коммуникации личности господствует лингвоцентризм – *описание закономерностей любого общения по образу и подобию речевого общения*. В результате библейская формула «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках, в том числе и понимание объективного мира как материализации символической деятельности (Л. фон Берталанфи), а также появление образа человека как рационального «символического существа», «языковой личности» и т.п. Свое предельное выражение лингвоцентризм находит в гипотезе «лингвистического детерминизма» (Э. Сэпир). Уязвимость лингвоцентрической установки проявилась при изучении невербальных семиотических систем, в том числе в смешении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации. С особой очевидностью ограниченность лингвоцентризма выступила в многочисленных попытках создания дискретного алфавита языка невербальной коммуникации. Невозможность воплощения симультанных смысловых проявлений личности в дискретных равнодушных знаках заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений и тем самым доказывает необходимость выхода за границы лингвоцентризма в современной психологии личности.

«Искусственные миры» вместо «мира человека в естественно-историческом процессе». Парадоксальность различных представлений о «среде», «культуре» и т.п. заключается в том, что так называемые «среды», например «физическая среда» в понимании И. Ньютона, «геометрическое пространство» Евклида, «система координат» Декарта, являются человеческим деянием, как и любые другие системные проявления предметного мира. В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в «мире необработанного опыта». Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в

психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что «мир необработанного опыта» – это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент ее истории реальность, которая считается «физической средой». Гипертрофия «культуры», в свою очередь, приводила к тому, что воздействующая на развитие человека среда сводилась к «миру безличных социальных норм», которые как платья из дома готовых моделей одеваются на биологическую фигуру индивида. Из реальных фактов существования социальных норм в «мире человека» исследователь, оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров – «мира социальных норм», присущего некоей типичной личности в данной культуре, и «психофизиологического мира» индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам (Р. Линтон).

При анализе «искусственных миров», подчиняющихся повторяемым неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вписать изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то время как некоторые современные химики и математики, например, И. Пригожин, Н.Н. Моисеев, восстали против дегуманизированного мира ньютоновской рациональности. Символом рациональности мирового порядка часто служили часы. И. Пригожин показывает, что взгляды, использующие идеал рациональности на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной механистической картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики «искусственных миров», в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Постулат сообразности. В самом фундаменте различных направлений теории и методологии психологии, явно или неявно выражающей установки классического рационального мышления, лежит «постулат сообразности» (В.А. Петровский). В контексте постулата сообразности любое проявление активности субъекта выступает как восхождение к заранее заданной, предустановленной, конечной Цели, в итоге подчиняющей себе жизненный путь личности. *Подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризующегося как адаптивное.* В.А. Петровским в зависимости от содержательной интерпретации предустановленной цели выделяются три варианта постулата сообразности: гомеостатический, гедонистический и прагматический.

Гомеостатический вариант. Идея гомеостаза досталась психологам в наследство от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспосабливающейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию – вернуть организм в состояние равновесия. В эмпирической психологии этот вариант принимал самые различные формы. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой активность субъекта сводится к поддержанию равновесия со средой. Гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в столь внешне непохожих общепсихологических концепциях, как психоанализ З. Фрейда; динамическая теория личности К. Левина; социально-психологические теории стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л. Фестингера или баланса, соответствия (Ч. Осгуд и др.); в необихевиористских концепциях редукции напряжения потребностей организма человека и животных. В историко-эволюционном подходе показывается, что лишь внешне противоположными, но близкими по содержанию являются концепции личности в гуманистической психологии, в которых идея гомеостазиса противопоставляется идея «стремления к напряжению», к нарушению равновесия как исходная методологическая предпосылка изучения мотиваций развития личности человека (А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс и др.). В тех и в других концепциях личность противопоставляется социальной среде, а ее поведение подчиняется заранее предустановленной конечной цели – обрести равновесие с обществом за счет разрядки потребностей или достичь «равновесия» с самим собой за счет самоактуализации, т.е. стать таким, как предписано природой, как бы ни мешало или ни помогало общество.

Гедонистический вариант. В соответствии с гедонистической предпосылкой анализа поведения человека любые поведенческие акты направлены на максимизацию удовольствия и минимизацию страдания, в частности отрицательных эмоций, огорчений и т.п.

Прагматический вариант. Этот вариант, распространенный в функциональной и когнитивной психологии, выступает в виде положения о том, что любое оптимальное поведение направлено на максимизацию *пользы, эффекта* при минимальных затратах. Прагматический вариант, особенно в той форме, в которой он дается в когнитивной психологии, исходит из определения человека как «человека разумного, рационального», а тем самым любого человеческого действия как рационального и разумного. Отсюда при анализе развития человека в его индивидуальной жизни и в истории общества отбрасываются любые проявления, не вписывающиеся в рамки «разумного действия»: немотивированные поступки в жизни личности, неутилитарные проявления человека в истории общества.

И психологи, и антропологи, и археологи ищут объяснения проявлений сущности личности в ее индивидуальной жизни и в истории

человечества в чисто рациональных приспособительных образованиях – в утилитарной полезной деятельности и ее продуктах. При этом соответствующий прагматическому варианту постулата сообразности образ «разумного человека» достраивается, подтверждается, а многие неутилитарные проявления жизни личности и человечества интерпретируются как недостойные внимания, странные, ненужные и бесполезные.

Среди трех указанных вариантов постулата сообразности наибольшее влияние на понимание развития личности в контексте биогенетической, социогенетической и персонотенетической ориентации в психологии оказала *гомеостатическая модель развития*. Именно гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности. Гомеостатическая модель развития лежит в основе таких столь разных теорий развития, как психоанализ З. Фрейда и генетическая психология Ж. Пиаже. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере изучения психосоматики В.С. Ротенбергом, а в сфере собственно психологии активности личности В.А. Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Так, среди этих не вписывающихся в данную модель фактов следует упомянуть факты падения процента психосоматических и инфекционных заболеваний в экстремальных критических ситуациях, «болезни достижения целей как синдром Мартина Идена» (В.С. Ротенберг), феномен «риск ради риска» (В.А. Петровский). Подобные факты побуждают психологов не только оказаться «по ту сторону постулата сообразности», как точно отмечает В.А. Петровский в своей монографии «Личность в психологии» (1996), близкой по духу работам в сфере неклассической физики, но в целом выйти за пределы описанных выше барьеров классического рационального мышления в психологии личности.

От культуры полезности к культуре достоинства: социальная биография культурно-исторической психологии

Истоки зарождения неклассического мышления в психологии личности теснейшим образом связаны с разработкой проблемы бессознательного в психоанализе (З. Фрейд), теорией установки (Д.Н. Узнадзе), культурно-исторической концепцией развития высших психологических функций (Л.С. Выготский) и деятельностным подходом к изучению психических явлений (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы «постулата непосредственности» и поиске того «опосредующего звена», которое, порождая

дая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало. В психоанализе акцент на таких особенностях бессознательного как «нечувствительность к противоречиям» и «вневременный характер» вызвал страх и отвращение у представителей классического рационального мышления, спешащих рационализировать психоанализ как «не науку», «мифологию» или странное «искусство». Теория установки Д.Н. Узнадзе по своей мировоззренческо-ценностной функции в психологии и культуре изначально выступила с протестом против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира эволюции существа. Сверхзадачей Д.Н. Узнадзе было исследование человека как активного творца «биосферы» (термин использован Д.Н. Узнадзе в 1923 г. независимо от В.И. Вернадского). Отсюда методологии Д.Н. Узнадзе с самых первых этапов становления теории первичной установки присущи положение о целевой детерминации жизнедеятельности и источнике самодвижения деятельности в виде «функциональных тенденций» личности.

Особое внимание в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности уделено тем ценностным *идеологическим установкам общественного сознания*, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии, лежащую в основе культурно-исторической психологии и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Лишь в последние десятилетия имена Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна стали все чаще ассоциироваться со становлением парадигмы неклассического мышления в психологической науке. Среди последователей Л.С. Выготского прямая характеристика идей Выготского как *неклассического подхода* к сознанию принадлежит Д.Б. Эльконину (1981). По сути дела миф о Л.С. Выготском как рационалисте, близком по духу когнитивной психологии или даже необихевиоризму, начинает распадаться на Западе благодаря исследованиям Р. Харре, Дж. Верча, М. Коула, а также группы датских методологов психологии (Н. Poulsen, М. Engelsteol, J. Mamneen et al., 1988), недвусмысленно показавших родство между глубинными установками мышления деятельностного подхода в психологии и неклассической физикой Н. Бора.

В своем бунте против рационализма Р. Харре (1984, 1985) привлекает в союзники Л.С. Выготского и, опираясь на принцип «интериоризации – экстериоризации», совершает два шага:

- изобличение классической психологии в пяти грехах – сциентизме, универсализме, индивидуализме, механистической каузальности и опоре на картезианские оппозиции «внешнее – внутреннее», «субъективное – объективное»;

- построение пространства «истинной» психологии с осями «индивидуальное – коллективное», «социальное – личностное», «публич-

ное – приватное» с прямой опорой на положение Л.С. Выготского об «интериоризации – экстериоризации».

Упомянутые выше датские психологи открывают в деятельностном подходе методологию, снимающую оппозицию «объективное – субъективное» через категорию деятельности и, по сути, использующую при анализе соотношения физического, культурного и психического миров «принцип дополнительности» (Н. Бор).

Для Д.Б. Эльконина переход Л.С. Выготского от трактовки социальной среды как «фактора» к пониманию «социального» в качестве *источника* развития личности символизирует начало *неклассической психологии сознания*.

И не слабость, а сила культурно-исторической психологии Л.С. Выготского заключается в том, что эта теория нередко воспринимается как более близкая по духу *искусству*, чем психологии, опирающейся на классическое рациональное мышление.

Секрет современности Л.С. Выготского в истории науки почти нашли С. Тулмен, А. Пузырей, А. Козулин, которые, говоря о «феномене Выготского» как о загадке XX в., в самих своих характеристиках ученого почти приближаются к ее разгадке. Еще З. Фрейд учил, что переименования, метафоры не являются случайными обмолвками, а имеют потаенный смысл. В образных сравнениях этими авторами Выготского с Моцартом, в уподоблении судьбы психолога судьбам литературных героев Сервантеса, Т. Манна, Г. Гессе и Б. Пастернака – ключ к пониманию «феномена Выготского» и особенности его пути в науке. Выготский всегда, даже когда его тексты транслировались с помощью биехевиористской или рефлексологической научной терминологии, занимал глубинную смысловую позицию Мастера, подлинного художника, занятого строительством культурной конкретной психологии человека. Культурно-историческая психология и стала произведением новой культуры понимания человека, вышедшим из творческой мастерской Л.С. Выготского и его соратников. Если воспользоваться при понимании произведений Выготского условной типологией столь любимого им поэта Осипа Мандельштама, то можно сказать, что он был «смысловиком», а не «рациональным формалистом».

Впоследствии идеи школы Выготского действительно, как отмечают некоторые философы, были погружены в многолетний анабиоз. Но эти идеи вовсе не потому погружались в анабиоз, что относились к сфере логики, философии или культурологии, а потому, что психологи не поняли их значения. Причина задержки движения культурно-исторической теории, ее замедления, разветвления по многим, порой внешне не связанным оттокам от основного русла заключена не в науке, а в социальной истории общества.

Для понимания *социальной биографии культурно-исторической психологии* необходимо прежде всего мозаику культур в ходе челове-

ческой истории расположить как бы у двух полюсов – полюса *полезности* и полюса *достоинства*. В *культуре полезности* господствует представление о том, будто мир – большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размеренно, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е. Замятина «Мы» и в романе-утопии Дж. Оруэлла «1984». Но, как пелось в песне, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сказки-утопии Е. Замятина и Дж. Оруэлла сделались былью, они стали безличной культурой полезности, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры полезности, уже фактом своего существования посягали на устои этой культуры, и тем самым были для нее опасны и избыточны.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека» имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован административно-командной системой тоталитарного социализма.

В 1930-е гг. тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно наползала на генетику, ноосферную философию и педагогику. Наряду с генетикой и философией, проповедующей «принцип солидарности», в культуре полезности подвергается остракизму и человекознание.

Культурно-историческая психология школы Выготского стремительно формировалась в те годы как практическая психология развития, выступая основой педологии – науки об изучении развития и воспитания ребенка. Но в психологических исследованиях развития индивидуальности, диагностике индивидуальных способностей каждого ребенка складывавшаяся в 1930-е гг. командно-административная система не нуждалась. В обстановке всеобщей унификации начала утверждаться педагогика казарменного типа. Тут-то рельефно обозначилось расхождение программы культурно-исторической психологии и программы построения тоталитарного социализма.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать. Резким контрастом по отношению к императивам культуры полезности дышат строчки писем Л.С. Выготского, написанные в 1930 и 1931 гг.: «Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы – а не кто дру-

гой – напишите реакцию выбора, эту главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли...». «...Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе, потому что она поддерживает жизнь в нас... Что может поколебать человека, ищущего истину. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, поддержки! А потом самое главное – сама жизнь – небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы – это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам... к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» (Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь: Письма Л.С. Выготского к ученикам и соратникам / Публ. Л. Пузыря // Знание-сила. 1990. № 7. С. 93–94). Комментировать эти строки, их потрясающую неуместность и нелепость в 1930-е гг. – это все равно, что прозой пересказывать поэзию. И сказанного достаточно, чтобы ощутить драму и судьбы Л.С. Выготского, и всей программы культурно-исторической психологии.

Культуре полезности не нужны личности и науки, ориентированные на судьбы личности, на то, что стоит за каждой личностью, – изменчивость, вариативность, непредсказуемость. Эти науки, будь то культурно-историческая психология Выготского, ноосферная теория Вернадского или генетика Вавилова, опасны для тоталитарной системы, поскольку утверждают право на существование непредсказуемости, изменчивости в обществе. И тем самым ставят под сомнение саму модель прозрачного мира, которым может управлять по плану всевидящий часовщик.

Последователи Выготского как бы отступили после его смерти на территорию «частичных» деятельностей – памяти, восприятия, мышления. Временно затихли разговоры об этих процессах как высших формах поведения. Однако и в исследованиях конца 1930-х гг. проявлялась позиция, которая может быть передана лаконичной формулой: «Вначале было дело» (Л.С. Выготский). Загнанные внутрь идеи культурно-исторической психологии были востребованы в годы Великой Отечественной войны, когда стало не до схоластических ярлыков и идеологических спекуляций. В исследованиях Л.Р. Лурия по восстановлению функций мозга после ранения зарождается новая наука – нейропсихология. Разработка психологии мотивации поведения личности и произвольных высших форм поведения ведется в цикле работ А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца, подытоженных в до сих пор современной книге «Восстановление движения» (1945). Все энергичнее продолжает диалог, начатый еще с Выготским, классик современного человекознания Н.А. Бернштейн, обсуждая с А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия и А.В. Запорожцем результаты исследований по построению дви-

жений. Как и Л.С. Выготский, Н.А. Бернштейн приветствует содержащийся в цикле работ А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца протест против образа «человека-марионетки». Однако командно-административная система лишь временно забывала о «заповедниках», в которых жили идеи культурно-исторической психологии, деятельностного подхода к изучению психических явлений и физиологии активности. Образ «человека-марионетки», действующего по инструкции «нажми», вновь прочно утвердился в науке на печально известной Павловской сессии 1950 г.

Просветление пришло после смерти Сталина, в 1953 г., в эпоху хрущевской «оттепели». В 1957 г., по свидетельству французского психолога Р. Заззо, А.Н. Леонтьев, находясь во Франции, рассказывает своим коллегам А. Валлону и Р. Заззо о том, что «павловская психология» уходит в прошлое, и настоятельно рекомендует опубликовать малоизвестные за рубежом работы Л.С. Выготского. Однако эта попытка А.Н. Леонтьева тогда не увенчалась успехом. Лишь в 1956 г. в СССР вновь появляется книга Л.С. Выготского «Избранные психологические произведения» с предисловием А.Н. Леонтьева и Л.Р. Лурия.

К началу 1970-х гг., пережив трагедию многолетней неволе, культурно-историческая психология вновь начинает прорастать в исследованиях В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.В. Петровского, О.К. Тихомирова и других последователей Выготского, Леонтьева и Лурия. Однако *проблема механизмов преобразования культуры в мир личности и особенно порождения в процессе развития личности иной культуры все еще остается на обочине социальной биографии культурно-исторической психологии.*

Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, явно и неявно переходит от анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. *Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает – увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры.*

Постановка именно этой проблемы была под силу культурно-исторической психологии потому, что она, как это вновь открыли Д.Б. Эльконин, Р. Харре и др. в конце XX в., была в методологическом плане переходом от классического рационального мышления к стилю мышления неклассической психологии; в аксиологическом плане культурно-историческая психология была нравственным императивом, отстаивающим необходимость перехода от культуры полезности к культуре достоинства.

По стилю мышления культурно-историческая психология ближе к искусству, чем к рациональной науке. В связи с этим к школе Л.С. Выготского приложимы слова О.Э. Мандельштама о том, что литературные школы живут не только идеями, но и вкусами. Благодаря школе Л.С. Выготского возник новый вкус, и культурное пространство психологии еще более открылось для социологов (Э. Дюркгейм, Дж. Мид), этнографов (Л. Леви-Брюль, Ф. Боас, Р. Турнвальд), лингвистов (Ф. Соссюр, А.А. Потебня, Р. Якобсон), биологов (В.А. Вагнер, А.Н. Северцов). Подобно тому, как лучшие сатирики вышли из гоголевской «Шинели», из школы Л.С. Выготского с ее стремлением к ломке междисциплинарных границ вышли нейропсихология и нейролингвистика (А.Р. Лурия), психолингвистика (А.А. Леонтьев), психосемантика (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев), психопедагогика в широком смысле слова (П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Н.Ф. Талызина), психодидактика (Л.В. Занков), социоисторический подход к обучению, культурная психология и педагогика «диалога культур» (Дж. Верч, М. Коул, В.С. Библер).

Точно сжатая пружина, распрямилась и заработала в системе образования в 1988 г. педологическая программа Л.С. Выготского, осуществленная в такой проектировочной дисциплине, как практическая психология образования. Приведенный выше цикл работ Р. Харре, датских и других психологов также доказывает, что не только рукописи, но вкусы и идеи неклассической психологии не горят даже на кострах культуры полезности. Наконец, именно вкус школы Л.С. Выготского к системному историко-генетическому анализу развития человека в эволюции природы и истории культуры привел к разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности.

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ¹

А.А. Леонтьев (Москва)

Чтобы рассмотреть этот вопрос, надо сначала ответить на другой: что такое мышление? Я не намерен дать полное и окончательное определение мышления и ограничусь тем, что объясню, что понимается под мышлением в настоящей работе.

Наиболее общий ответ можно найти у Л.С. Выготского: мышление есть система внутренней организации опыта. Или, другими словами, участие всего нашего предшествующего опыта в решении текущей проблемы.

Эти определения Выготского могут служить хорошей основой для нашего дальнейшего рассуждения.

1. Как именно этот опыт может участвовать в решении текущей проблемы, в каких формах?

Во-первых, этот опыт может не быть презентирован субъекту в осознанной форме, но только служить источником стимулов при формировании условных рефлексов. В этом случае проблема в том, чтобы отождествить ту или иную ситуацию как такой источник: если она отождествлена, реакция человека на эту ситуацию будет автоматической. «Пуганая ворона куста боится» – или, что то же самое, «обжегшись на молоке, дуют на воду».

Во-вторых, этот опыт может быть презентирован субъекту в сознательной форме.

Но здесь мы имеем дело с двумя различными ситуациями: а) мы осознаем саму ситуацию как «проблемную ситуацию», но наши действия в ней автоматичны, хотя и произвольны; б) мы осознаем не только саму ситуацию, но и наши действия в ней, т.е. осуществляем сознательный выбор возможных действий или даже заново конструируем оптимальное действие в этой ситуации.

Дальше мы будем рассматривать только второй случай в обоих описанных здесь вариантах.

Что такое в данном случае «осознанность» или «сознательность»? По моему мнению, здесь этот термин должен пониматься как возможность выбора между различными возможными моделями действительности (в частности, моделями проблемной ситуации) и различными моделями поведения (деятельности) в этой ситуации.

Этот свободный выбор определен способностью человека удерживать в своей психике отдельные компоненты опыта, отдельные еди-

¹ Текст лекции, прочитанной в 1992 г. в г. Хельсинки (Финляндия) (статья была опубликована в № 8–9 за 1998 г.).

ницы этого опыта. А это возможно лишь если такие единицы суть одновременно операциональные единицы деятельности субъекта и компоненты социального опыта (социальной памяти) той или иной социальной группы. А.Н. Леонтьев говорил в свое время о «двойной жизни значений» как онтологической характеристике значения – и значение как раз и есть компонент социального опыта, этот опыт может существовать только в форме значений. Другая важная формулировка принадлежит Выготскому: человеческий способ действия в мире связан с «удвоением» этого мира, проекцией социально выработанных значений на мир, на действительность.

Наш опыт (если он не сводится лишь к условным рефлексам) существует в форме значений или более сложных ментальных конструкций, основанных на значениях.

Что такое здесь «значение»? Оно не должно отождествляться с вербальным, словесным значением. Каждая единица сознания, ведущая «двойную жизнь», есть значение. Такова любая социальная норма, любая социальная роль. Наиболее важны для нас вербальное значение и так называемое предметное значение, связанное с различными видами образов – образами восприятия, памяти, воображения.

2. Итак, мы зафиксировали, что наш предшествующий опыт участвует в решении текущей проблемы в специфической форме значений и что эти значения могут существовать в различных формах, в частности в форме предметных значений. Проанализируем теперь различные возможности отношений между нашей моделью действительности (проблемной ситуацией) и нашей моделью действий в этой ситуации.

А. Модель действительности строится из предметных значений, и мы сознательно выбираем способ практического действия в соответствующей ситуации.

Б. Эта модель строится из вербальных значений, и мы осуществляем теоретические, чисто ментальные, словесные действия, которые могут далее быть реализованы и в практических действиях, а могут остаться в вербальной форме.

Остановимся на минуту. Многие философы считают мышлением только случай Б – чисто вербальное, дискурсивное мышление. Но восходящая к Гегелю традиция, включающая в объем мышления и случай А, представляется нам более приемлемой (Э.В. Ильенков).

В. Модель строится из предметных значений, но действия в ситуации – чисто теоретические.

Г. Модель строится из вербальных значений, но стимулирует практические действия в ней.

Весьма существенно, что любое практическое действие в определенной ситуации должно быть спланировано во внутреннем, теоретическом плане. Это – специфическая особенность человека, отличающая

его от других приматов: реальная дефиниция человека – не «животное, делающее орудия» (Б. Франклин), а «планирующее животное».

Соответственно мы можем классифицировать типы проблемных ситуаций в обучении. Для принятия определенных решений достаточно знать алгоритм решения и использовать в процессе этого решения разработанный ранее план. Другие ситуации требуют активного поиска решения средств и способов их применения, здесь недостаточно выбора стереотипного пути решения. Третий случай – когда процесс решения требует разработки принципиально новых средств.

* * *

Теперь мы уже совсем близко подошли к обозначенной в заглавии проблеме. Проанализируем, что такое «развитие мышления».

По Л.С. Выготскому, существуют два различных вида учения: а) спонтанное, когда ребенок действует по собственной программе и берет от среды то, что соответствует его актуальной потребности и б) организованное, в частности школьное. Практически любой процесс учения есть синтез обоих видов опыта. Спонтанное учение – это основной источник практического мышления, практического интеллекта; организованное – основной источник рефлексивного, теоретического мышления.

Обучение, как считает Выготский, ведет за собой развитие, забегают вперед развитию. Психологические условия развития личности детерминированы деятельностью ребенка в образовательной среде. Таким образом, мы в состоянии влиять на процесс психического развития через рациональную организацию учебной деятельности ребенка. Но не только таким путем.

Конечно, уже на ранних стадиях своего развития ребенок способен мыслить. Но на этих стадиях его мышление ограничено элементарными мыслительными операциями, связанными прежде всего со спонтанным учением, корнящимся в практической жизни и практическом опыте активности в непосредственном окружении. Это случай (а) – практическое действие на базе предметных значений, спроецированных ребенком в проблемную ситуацию, или случай (б) – практическое действие на базе вербальных значений, словесных текстов. В обоих случаях ребенок не в состоянии решить новую проблему: он может успешно действовать только в первом виде проблемных ситуаций, когда ему нужно только произвести ориентировку в этой проблемной ситуации и приложить к ней алгоритм операций, чаще всего подсказанный взрослыми.

Первая новая особенность детского мышления – это способность планировать свои действия в особой, вербальной форме с помощью внутренней речи.

Но когда начинается организованное обучение в школе, ребенок получает множество новых возможностей. Формируются специальные мыслительные операции: рефлексия, генерализация, различные операции анализа и синтеза, планирование. В конце первой стадии школьного обучения, в возрасте примерно 11 лет, формируется совершенно новая способность – способность к теоретическому мышлению. Она состоит из двух компонентов: а) способность построить адекватную ориентировочную основу, понять структуру и сущность проблемных ситуаций, классифицировать их и т.д.; б) способность конструировать на этой ориентировочной основе оптимальную деятельность, прежде всего теоретическую.

Для чего нужны эти способности ребенку? Прежде всего для того, чтобы у него сформировалась психологическая особенность, игнорируемая большинством педагогических концепций – а именно Готовность к Дальнейшему Развитию.

Готовность к дальнейшему развитию есть система свойств и качеств личности, обеспечивающих потребность и возможность ее саморазвития в границах определенного возрастного этапа или при переходе от одного такого этапа к другому (здесь и далее мы используем коллективно подготовленные при нашем участии и под нашим руководством материалы конференции по содержанию обучения, состоявшейся в начале 1990-х гг.).

Назовем здесь лишь некоторые компоненты готовности к дальнейшему развитию, непосредственно связанные с мышлением. Ребенок должен быть способен:

а) анализировать словесные тексты и использовать теоретическую деятельность для решения проблем, почерпнутых из этих текстов;

б) анализировать предметную ситуацию соответственно теоретическим моделям, закрепленным в предметной или вербальной форме, чтобы иметь возможность преобразовывать эту ситуацию;

в) находить или создавать средства для разрешения конкретной проблемы (или, лучше сказать, класса проблем) и использовать их для разрешения этой проблемы;

г) осознавать и оценивать свой спонтанный опыт на различных уровнях.

Это и есть психологический, мыслительный аспект содержания школьного образования. Тот самый аспект, который часто сводится к конгломерату знаний, умений и навыков (знаменитые ЗУНы). Об умениях и навыках написано психологами очень много: но что такое в психологическом плане знания?

Во-первых, развитие знаний есть эволюция образа мира ребенка, в формировании которого участвует и спонтанный, и организованный опыт. Это развитие понимания мира и самого себя как части этого мира.

Во-вторых, знания суть ориентировочная основа деятельности ребенка и условие для формирования операциональных средств этой деятельности.

Что должно быть сделано в психологическом плане для того, чтобы была обеспечена готовность к дальнейшему развитию?

1. Для формирования теоретического мышления должны быть разработаны новые учебные материалы (новое содержание образования и новая организация и форма представления этого содержания). Наиболее разработанная в этом плане система принадлежит В.В. Давыдову и его школе.

2. Для стимулирования самостоятельной учебной деятельности мы должны преобразовать процесс учения в систему проблемных ситуаций, а содержание образования – в систему средств, направленных на разрешение этих проблемных ситуаций. Существует множество дидактических концепций такого рода: в качестве яркого примера назовем «метод проектов» в обучении иностранным языкам.

3. Другим условием самостоятельного учения является специфическая мотивация учебного процесса. К сожалению, сегодняшнее образование редко ориентировано на динамическую, внутренне развивающуюся систему мотивов. Некоторые из этих мотивов доминируют в определенных возрастных периодах (в начальных классах – игровые мотивы, в старших – прагматические, «карьерные»); другие не имеют возрастных границ, но качественно различны в разных возрастах (познавательная мотивация); третьи рождаются в самом процессе обучения (мотивация успеха). Учебные материалы должны быть ориентированы на эту развивающуюся систему мотивов, чего сейчас, как правило, нет.

4. Следующий момент – рефлексия ребенка над содержанием образования и своей учебной деятельностью. Очень важно, чтобы ребенок имел полную картину того или иного курса, его внутренних связей и направленности. Вспомним знаменитое сравнение школьника с лошадью, не понимающей, куда она идет и лишь слушающейся вожжей, в «Педагогической психологии» Выготского.

5. Следующая позиция связана с переходом от спонтанного к организованному учению. Не случайно мы так много говорили выше о проблемных ситуациях, основанных на предметных значениях: смысл данного перехода – не только в различии «научных» и «житейских» понятий, как писали Л.С. Выготский, Ж.И. Шиф, А.Н. Леонтьев, но и в различии между предметными и вербальными значениями и в переходе от первых ко вторым. Видеть отношения и зависимости между предметами и быть способным выразить эти отношения в вербальной форме – весьма различные вещи. «Научные понятия» Выготского – это вербальные значения.

6. Последняя позиция тоже коренится в работах Выготского. Каждая высшая психическая функция, говорит он, выходит на сцену дважды

ды: сначала как коллективная или социальная деятельность, потом как способ мышления ребенка. Учить мышлению значит специально организовывать процесс интериоризации. Интересно, что в известной концепции П.Я. Гальперина анализ соотношения предметных и вербальных значений в процессе интериоризации полностью отсутствует.

* * *

Здесь мы остановимся, хотя основные характеристики нового содержания образования заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Остановимся еще только на одной существенной мысли. Когда обсуждается проблема влияния обучения на развитие мышления, чаще всего говорят о специальных разновидностях мышления – математическом мышлении, историческом мышлении, лингвистическом мышлении... Развивать мышление школьника, скажем, в процессе обучения его грамматике родного языка, не означает развивать его мышление «вообще». Но в то же время мы можем и обязаны формировать и развивать существенные общие черты всех этих видов мышления, т.е. теоретическое мышление как таковое.

Как примирить это кажущееся противоречие? Содержание образования не должно априори делиться на несколько независимых ветвей или циклов. Учебный процесс в принципе един и неделим, по крайней мере, в психологическом отношении, это отражение единого и целостного образа мира. Группировка учебного материала, выделение в содержании образования психологически различных предметных областей, обеспечивающих математическое или естественнонаучное мышление, – все это правомерно постольку, поскольку мы начинаем с содержания образования как целостности и приходим к особенностям того или иного предмета (да и вообще к целесообразности или нецелесообразности его выделения) только апостериори, в процессе специального анализа.

Не математическое мышление – то, что развивается на уроках математики. Скорее наоборот: математика – то, на уроках чего развивается математическое мышление!

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ПРАКТИКЕ¹

А.В. Брушлинский (Москва)

В повседневной практической жизни (деятельности и т.д.) людей необходимо возникают и ее обуславливают обобщения разных типов и уровней: житейские эмпирические представления, мифы, религия, научные теории и т.д. Это характерно как для предыстории и истории человечества, так и для индивидуального развития каждого человека. В частности, в процессе исторического и индивидуального развития людей сначала возникает простейшее, непосредственно практическое мышление. Например, человек решает встающие перед ним задачи первоначально в ходе элементарной практической деятельности. Впоследствии на качественно новых этапах эволюции из нее выделяется деятельность теоретическая (соответственно теоретическое мышление). Так, первобытные люди вначале научились практически (шагами и т.д.) измерять земельные участки, и только потом на основе знаний, формирующихся в ходе такой примитивной (дотеоретической) практики, постепенно возникала и развивалась геометрия как особая теоретическая наука. В итоге практическая и теоретическая деятельность неразрывно взаимосвязаны – особенно в наше время (в деятельности учителей, врачей, организаторов производства, государственных деятелей, военачальников и т.д.).

Можно выделить два крайних типа органической взаимосвязи практики и теории (научной): 1) от практики к теории; 2) от теории к практике. В первом случае сама повседневная жизнь властно требует систематически осуществлять необходимые действия по общению, воспитанию, лечению и т.д. людей, по организации общества, охоты, земледелия и т.д. Все это более или менее успешно делалось людьми уже в доисторическую эпоху еще до всякой науки и научной теории. Во втором случае, напротив, только в результате и на основе научной теории можно было широко использовать ее выдающиеся достижения непосредственно в общественной практике. Пример, только в XX в. по мере возникновения и развития ядерной физики (теоретико-экспериментальной) создавалась ядерная техника, которая внесла эпохальные изменения в жизнь всего человечества. В свою очередь, ядерная физика стала возможной лишь благодаря успехам предшествующей науки.

Взаимосвязь теории, эксперимента и практики составляет огромное преимущество науки и вместе с тем одну из ее «вечных» проблем, выступающих по-новому на каждом этапе исторического развития че-

¹ Статья была опубликована в № 10 за 1999 г.

ловечества и, прежде всего, научного познания. Все эти три важнейших компонента последнего все более дифференцируются и вместе с тем интегрируются в единой системе познавательной и непосредственно практической деятельности субъекта. Таков один из примеров общего «механизма» развития – дифференциации через интеграцию (ср. анализ через синтез). Указанные компоненты науки представляют собой различные уровни или виды активности индивидуального и группового субъекта (того или иного ученого, определенного научного сообщества, всего человечества в целом). Именно эта их субъектность и является исходным основанием органического, системного единства теории, эксперимента и практики. Организатор и первый директор Института психологии АН СССР (ныне РАН) Б.Ф. Ломов справедливо полагал, что только такое единство должно определять всю научную деятельность академических психологов, призванных осуществлять главным образом фундаментальные исследования. Мы стремимся поддерживать и развивать дальше эту перспективную традицию. Она конкретизирует старую, очень важную и как будто бы общепризнанную идею о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

На протяжении последних лет в нашей стране в условиях обретенной, наконец, свободы научного творчества и, несмотря на огромные трудности, связанные с сокращающимся бюджетным финансированием науки, энергично развиваются новые отрасли психологической теории, экспериментатики и практики: психотерапия, психодиагностика; экономическая, экологическая, политическая, историческая, юридическая, виртуальная и т.д. психология. Почти все сферы общественной практики (промышленность, образование, здравоохранение, бизнес, управление, психологическое консультирование и т.д.) получают теперь в той или иной степени психологическое обеспечение. Постепенно удастся повышать пока еще невысокий уровень психологической грамотности населения. Во всех этих случаях особенно важно укреплять единство теории, эксперимента и практики.

Психология относится к числу тех наук, которые фундаментально обосновывают необходимость и плодотворность такого единства. Это обоснование дает, прежде всего, психологическая теория деятельности, систематически разработанная С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, а потом и многими другими специалистами. Указанная теория раскрывает важнейшую особенность субъекта: люди и их психика формируются и развиваются, прежде всего, в ходе изначально практической деятельности, а потому объективно могут быть исследованы через проявления в такой деятельности. Мы познаем действительность (людей, предметы и т.д.), *воздействуя* на нее, преобразуя ее в процессе деятельности. Например, соучаствуя в обучении, воспитании, самовоспитании людей, мы тем самым познаем их (обучая изучаем и изучая обучаем). Отсюда и возник, в частности, так называемый формирующий эксперимент.

Таким образом, именно теория деятельности (изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе единой) раскрывает и утверждает органическое единство теории, эксперимента и практики. Более конкретно это сделано и в отношении того главного «инструмента», с помощью которого люди познают действительность (преобразуя ее), т.е. в отношении самого мышления. Известные работы С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова и др., продолженные теперь, в частности, Ю.К. Корниловым, А.В. Карповым и другими ярославскими психологами, убедительно показали, что нет пропасти между практическим интеллектом и теоретическим мышлением. Любое мышление неразрывно связано с практикой – непосредственно в первом случае и опосредствованно во втором. Этот принцип единого интеллекта, разрабатываемый сейчас Д.Н. Завалишиной и др., означает, что при всей специфичности различных видов и уровней мышления (у ученых, мастеров, рабочих и т.д.) сохраняются единые общие закономерности мыслительной деятельности. Это подтверждается и многочисленными исследованиями повседневного мышления (*everyday thinking*), представленными в англо-американской научной литературе.

Соответственно решается более общий вопрос о соотношении фундаментальной и прикладной наук. Вторая из них не просто лишь «прикладывает», реализует те закономерности, которые уже открыты в академических исследованиях; она *продолжает* научное исследование объекта в более конкретных условиях. Посредством анализа через синтез в процессе любого мышления познающий субъект оперирует только познаваемым объектом, а не самими по себе словами, понятиями, знаками, значениями, смыслами и т.д. (в этих словах, понятиях и т.д. выражается, фиксируется все глубже раскрываемое содержание объекта). Тем самым определяется исходная *теоретическая* основа для правильного понимания взаимосвязей между теорией и практикой, для ликвидации разрыва между теоретическим и практическим интеллектом, между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками. Поскольку даже в ходе предельно абстрактного мышления люди уже изначально оперируют *объектом*, оно тем самым всегда и сразу имеет «выход» к реальной *действительности* и потому всегда существенно также и для прикладной науки. Это относится и к любому моделированию: модель не замещает, не «отодвигает» познаваемый объект, а помогает выделять его существенные свойства и взаимосвязи.

Следовательно, и переход от общей психологии к специальным областям психологической науки (к психологии труда, инженерной психологии и т.д.) осуществляется по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Это значит, что не существует двух *обособленных* и рядоположных закономерностей, относящихся соответственно к общей психологии и к ее специальным отраслям. Например, нет такой рядоположности между законами мышления, раскрываемыми

общей психологией, и законами, скажем, оперативного мышления, изучаемыми инженерной психологией и т.д. На самом деле, в первом из указанных двух случаев изучаются наиболее существенные и общие свойства и отношения, фиксируемые в абстрактных определениях, в «чистом» виде, а во втором случае эти абстрактные определения вводятся во все более конкретные условия, соответственно видоизменяясь и получая новую специализированную форму проявления. А потому именно в ходе проведения так называемых прикладных исследований удастся осуществить *наиболее конкретное* изучение того или иного явления, процесса, предмета и т.д.

Например, известные исследования Н.Д. Заваловой, Б.Ф. Ломова и В.А. Пономаренко в области авиационной психологии глубоко раскрыли взаимосвязи между инструментальной и неинструментальной информацией в процессе формирования у летчиков психического образа полета. Тем самым, были непосредственно подтверждены, продолжены и развиты существенные достижения общей психологии, выявляющие соответствующие различия и взаимосвязи между субъектно-деятельностным и знаково-речевым (инструментальным) подходами ко всем психологическим проблемам. Точно так же недавно опубликованная под редакцией В.Д. Шадрикова «Рабочая концепция одаренности» (М., 1998), разработанная группой московских психологов в рамках Президентской программы «Дети России», развивает и конкретизирует психолого-педагогические закономерности одаренности, наиболее существенные для ребенка.

Следовательно, во всех этих и подобных случаях не просто *реализуются* «до того» уже полностью известные закономерности, а, напротив, продолжается изучение последних во все более конкретных жизненных ситуациях. Тем самым подтверждаются и обогащаются результаты экспериментальных исследований мышления как непрерывного *процесса* (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и их сотрудники), согласно которым такой процесс не разделяется на два четко отделенных друг от друга этапа: 1) формирование замысла решения, инсайт и т.д.; 2) последующая *реализация* такого замысла. В действительности, как показали эти эксперименты, само формирование замысла *продолжается* в ходе его реализации и через его реализацию, т.е. столь резкого деления процесса на две стадии не бывает.

Некоторые психологи, считающие правомерным такое разделение надвое мыслительного процесса решения задачи, полагают даже, что первый этап решения относится к творческому мышлению, а второй – к репродуктивному (ср. с фундаментальной и прикладной науками). Но, на мой взгляд, такое «рассечение» мышления на творческое и репродуктивное не подтверждается экспериментальными данными. Ближе к истине другая точка зрения: любое мышление у любого человека всегда хотя бы в минимальной степени является самостоятель-

ным, открывающим нечто существенно новое. А потому творческое и продуктивное мышление – это тавтология (типа «красивая красавица»), а репродуктивное мышление – это противоречие в определении (типа «жареный лед»). С такой точки зрения ясно, что представленная здесь позиция относительно фундаментальной и прикладной наук получает дополнительное подтверждение от психологического исследования самой сущности мыслительного процесса.

Таким образом, фундаментальная наука (теория, эксперимент и т.д.) всегда в той или иной мере неразрывно связана с практикой, вообще с жизнью, а практика в современном обществе необходимо (хотя бы в минимальной степени) связана с теорией.

Например, психологические теории личности создаются, прежде всего, в процессе и на основе психотерапевтической практики (скажем, теория К. Роджерса).

Вместе с тем в своей повседневной жизни огромная часть населения, по крайней мере, цивилизованных стран, не занимаясь профессионально наукой, тем не менее учитывает и как-то использует определенные научные достижения. Ярким примером могут служить *социальные представления* больших масс людей, глубоко изученные Сержем Московичи, его учениками и последователями. Согласно С. Московичи, социальные представления – это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность. Особенно важно социальное происхождение таких представлений, убежденность в их справедливости и их принудительный (для индивида) характер. Наука не вытесняет эти обыденные убеждения, а они, в свою очередь, не обособляются от нее. Напротив, научные представления и здравый смысл в той или иной мере трансформируются друг в друга. Таковы, например, социальные представления о городе, о здоровье, о болезни, человеческом теле, о женщине и детстве и т.д., тщательно изученные школой С. Московичи. Сейчас некоторые из социальных представлений исследуются на российской выборке К.А. Абульхановой-Славской и ее сотрудниками. Тем самым осуществляется кросс-культурное исследование путем сопоставления западно-европейских и отечественных испытуемых.

Другие кросс-культурные исследования, проведенные, в частности, М. Коулом в Африке, показали, что межкультурные различия среди детей и подростков существенно уменьшаются, если последние освоили в школе основные знания и, прежде всего, хотя бы исходные простейшие понятия (арифметические, лингвистические и т.д.). Это означает, что у всех детей, учившихся в школе, их, казалось бы, чисто практическое мышление уже имеет в своем составе некоторые научные знания, понятия и т.д. А потому и в данном случае какие-то ком-

поненты теоретического мышления проникают в повседневное, практическое мышление уже у школьников – независимо от их последующего образования. Стало быть, когда мы изучаем мышление, например, у рабочих в их трудовой деятельности, мы не можем не учитывать и это существенное обстоятельство. Оно становится еще одним аргументом в пользу признания уже упоминавшегося единого интеллекта, в котором повседневная и заводская практика неразрывно связаны хотя бы с некоторыми элементами понятийного мышления

В заключение необходимо отметить, что единство теории, эксперимента и практики выступает в существенно новом качестве именно теперь, когда наша страна осуществляет очень трудный и затянувшийся переход к рыночной экономике, призванной стать не самоцелью, а средством решения огромных социально-экономических, политических, духовных проблем всего нашего общества и государства. Этот переход предельно осложнен криминализацией и «мафизацией» многих сторон жизни в стране. И для него особенно значимо такое единство науки и общественной практики, поскольку указанные проблемы могут быть разрешены лишь на научно-практической основе. А она, как известно, конкретизируется следующей цепочкой: поисковые исследования (осуществляемые фундаментальной наукой или на ее базе), прикладные разработки, опытно-серийное производство и, наконец, рынок. А потому и встает очень актуальная задача пробудить на этом рынке у покупателей интерес к приобретению научной продукции. Психологи начинают все более успешно решать подобные проблемы. Примером могут служить, в частности, фирма ИМАТОН, обеспечивающая психологическую практику (директор А.Б. Валунов). Академия практической психологии (генеральный директор С.Р. Пантелеев) и т.д. Возрастающее количество практикующих психологов в области промышленности, образования, здравоохранения, политики, управления и т.д. – яркое свидетельство развития новых форм единения науки и общественной практики.

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА¹

Г.В. Залевский, В.Г. Залевский (Томск)

Данная статья построена в основном на материалах последнего в этом столетии 27-го Международного психологического конгресса и впечатлениях от собственного в нем участия одного из авторов. Конгресс был организован Шведской психологической ассоциацией под эгидой Международного союза психологической науки (IUPsyS) и состоялся 23–28 июля 2000 г. в г. Стокгольме (Швеция). К началу работы Конгресса был подготовлен специальный выпуск Международного психологического журнала (*International Journal of Psychology*. Vol. 35, iss. 3/4. June–August. 2000), в который вошли свыше 5000 тезисов, представленных психологами из 80 стран. Непосредственное участие в работе Конгресса приняли около 6000 психологов из 66 стран, в том числе и 10 российских психологов из Москвы, Санкт-Петербурга и Томска. Программа этого Конгресса оказалась самой большой и насыщенной в истории Всемирных психологических конгрессов. Кстати, Первый Международный психологический конгресс состоялся в 1889 г. в Париже в рамках Всемирной Парижской ярмарки 1889 г. В нем приняли участие 203 представителя из 20 стран, среди них много известных психологов. Социальная программа этого Конгресса включала также участие в банкете на только что построенной Эйфелевой башне. Уже на этом первом Конгрессе была признана необходимость образования Международного союза психологической науки, но только на 13-м Конгрессе, который при поддержке ЮНЕСКО состоялся в 1951 г. в столице Швеции и в котором приняли участие уже 658 психологов из 30 стран, он был формально узаконен. В августе 1966 г. в Москве (СССР) состоялся 18-й Международный психологический конгресс. В нем приняли участие свыше 4500 психологов из 44 стран (37 симпозиумов и 9 тематических заседаний). Самой большой делегацией на нем, разумеется, была делегация страны-организатора. Очередной 28-й Международный психологический конгресс пройдет в 2004 г. в Китае, делегация участников из которого на 27-м Конгрессе в Швеции состояла из 300 человек!

Какими замечательными/выдающимися достижениями отличилась психология в XX в., с которым мы прощаемся? С чем психология войдет в новое столетие и тысячелетие, что нового произойдет в психологической науке и практике, а что будет препятствовать ее разви-

¹ Статья была опубликована в № 13 за 2000 г.

тию? Что может и должна привнести психология в общество и для развития человека вообще? И какие ожидания-пожелания к психологии в грядущем XXI в.?

По большому счету, вокруг этих и подобных вопросов и попыток ответить на них проходили дискуссии на этом действительно историческом для психологии и психологов Международном форуме, во время огромного количества официальных заседаний и неофициальных встреч.

На некоторые конкретные вопросы в этой связи ответили 30 участников Конгресса – видные психологи европейских стран, включая Россию, что отражено в журнале «European Psychologist», специально изданном к началу Конгресса (Editor-in-Chief Prof. Kurt Pawlik. Vol. 5, № 2. 2000).

Какие три-четыре наиболее значимые достижения психологии, как науки и профессиональной практики, имели место в XX столетии?

1. Находки Пиаже, особенно понятия ассимиляции и аккомодации, как и его исследования по развитию познавательных процессов (когний) и социальных способностей. Вообще его психология развития (Katharina Althaus, Швейцария; А. Брушлинский, Россия; Cigdem Kagicibasi, Турция).

2. Впечатлили работы К. Левина, его полевая теория и его идеи о перцепции (гештальтпсихология) (К. Althaus, Швейцария; Bernhardt Wilpert, Германия).

3. Достижением является теоретическая революция в когнитивной психологии, которая четко отграничила «психологию» от «логики» (ментальная модель, предложенная Phil N. Johnson-Laird). (Jean-Paul Caverni, Франция). Развитие когнитивной психологии, начиная от вклада Отто Зельцера и Карла Дункера в психологию решения проблем и работ в 1960-х гг.: Бродбента, Брунера, Найссера. Ньюелла и Саймона (Rainer H. Kluwe, Германия; Bernhardt Wilpert, Германия). Сдвиг с бихевиорального подхода на когнитивную ориентацию (Pieter J.D. Drenth, Швейцария; Michael W. Eysenck, Англия; Rocio Fernandez Ballesteros, Испания). «Когнитивная революция» (Jukka Huona, Финляндия). Вклад Фрэнсиса Бартлетта в исследование запоминания и рост интереса к когнитивной психологии (Lars-Goran Nilsson, Швеция). Когнитивная психология, коннекционизм и мозговое отображение (Carlo Umiltà, Италия). Смена ортодоксальной бихевиоральной ориентации на понимание человеческого поведения и ментальной жизни (Gery d'Ydewalle, Бельгия; Brigitte Rolett, Австрия). На профессиональное развитие особенно повлияли идеи, связанные с «когнитивным поворотом»: отношения между когнциями и эмоциями (К. Althaus, Швейцария). Инновационные попытки А. Бека посмотреть на депрес-

сию и большинство фобических расстройств через когнитивные понятия (Michael W. Eysenck, Англия).

4. Теория деятельности (субъект-деятельности) С.Л. Рубинштейна и его научная школа (А. Брушлинский, Россия).

5. Гуманистическая психология Карла Роджерса (А. Брушлинский, Россия).

6. Теоретические достижения – при концептуализации биопсихосоциальной модели человеческого функционирования: методологические – с разработкой психометрии и психологического тестирования, и профессиональные – отражающие рост ориентирующей роли психологии в различных сферах практики (Dana Castro, Франция; Jean-Paul Caverni, Франция; Rainer Cluwe, Германия).

7. Первым достижением является открытие И.П. Павловым обусловливающих принципов, которые стали одним из шагов придания психологии статуса науки (Jean-Paul Caverni, Франция; Jan Strelau, Польша, также упоминает и И.М. Сеченова).

8. В сфере социальной психологии с пониманием, что человеческий разум структурирован культурально и социально (Jean-Paul Caverni, Франция).

9. Ничего более значимого из достижений психологии, чем Фрейд и его теории, трудно назвать. (Arza Churchman, Израиль; Cigdem Kagitcibasi, Турция).

10. К достижениям, хотя и на другом уровне, можно отнести исследования в сфере экологической психологии и феминистских исследований (Arza Churchman, Израиль).

11. Достижения в научной методологии, интеграции взглядов на сознаваемые и бессознательные информационные процессы (Mario von Cranach, Швейцария; Brigitte Rolett, Австрия).

12. Применение психологии в практике, против чего был В. Вундт, но с которым не согласились его известные ученики (Уолтер Дилл Скотт, Гуго Мюнстенберг, Джеймс Маккин Кэттелл) (Pieter I.D. Drenth, Нидерланды), особенно после Второй Мировой войны (Ingrid Lunt, Англия).

13. Развитие психологии в США в связи с эмиграцией видных психологов из Германии и вообще Европы (Pieter J.D. Drenth, Нидерланды).

14. Усиление образования психологов с большей ориентацией на единство теории и практики (Gery d'Ydewalle, Бельгия).

15. В профессиональной психологии – развитие клинической психологии как профессии (Michael W. Eysenck, Англия; Rocio Fernandez Ballesteros, Испания).

16. Среди психологических конструктов «общественным/публичным лицом» психологии стали интеллект и тестирование интеллекта (Rocio Fernandez Ballesteros, Испания); роль Спирмена в этом (Jan Strelau, Польша).

17. Психоанализ, бихевиоризм и когнитивная психология – три главных теории, которые определяют научное и практическое развитие психологии в XX столетии (James Georgas, Греция).

18. Гештальтпсихология, которая очистила путь для современной психологии восприятия, социальной психологии и частично для когнитивной психологии (Stefan Jem, Швеция).

19. Социо-историческая школа Выготского способствовала принесению «культуры» в психологию (Cigdem Kagitcibasi, Турция).

20. Подчеркивание роли мотивации как процесса, а не как состояния (Claude Levy-Leboyer, Франция).

21. Теоретический и практический интерес в понимании развития психологии человека вообще – от рождения ребенка до взрослого его состояния; роль отношений родителей и детей в проспективном, а не в ретроспективном смысле (аналитик на кушетке). (Claude Levy-Leboyer, Франция; Arne Ohman, Швеция). Выявление значения общения матери с ребенком и окружением (Tuomo Tikkanen, Финляндия).

22. Бихевиоральная революция, давшая возможность развития на научной основе клинической психологии, понимания психических расстройств. Заслуги Толмена, Скиннера, Вольпе и Айзенка (Arne Ohman, Швеция).

23. Успехи психотехники и психотехников (Jose M. Prieto, Испания).

24. Исследования и практика оценки и лечения «анормального поведения» и выдвижение на первую роль психотерапии и психопатологии (Jose M. Prieto, Испания).

25. Широкая представленность психологов в образовании, школах (Jose M. Prieto, Испания).

26. Фрейд, Выготский, Пиаже и Скиннер, а также философ Людвиг Виттгенштейн (Carlos Rodrigues Sutil, Испания). Такие имена как Фрейд, Юнг, Выготский, Дюркгейм и Пиаже (Velko S. Rus, Словения). Открытия и теории Вундта, Фрейда, Уотсона, Келера, Пиаже, Gordon W. Cattell, Raymond Cattell, Hans J. Eysenck, Gordon Allport (Jan Strelau, Польша).

27. Профессионализация психологического сервиса; проникновение психологии в различные сферы жизни (Brigitte Rollett, Австрия; Salli Saari, Финляндия).

28. Развитие психологии как относительно сбалансированной теоретической, эмпирической (включая экспериментальную, с четкими критериями для исследовательской работы), прикладной и антропологической науки. Относительно открытой для изменений и независимой от идеологического пресса (Velko S. Rus, Словения).

29. Развитие новых научно фундированных областей психологии как, например, нейропсихология, психология здоровья, психология кризисов и острых травм (Salli Saari, Финляндия; Tuomo Tikkanen, Финляндия).

30. Оперантный анализ поведения – это самое значительное достижение (Terje Sagvolden, Норвегия).

31. Другое достижение в психологии – это реализация пластичности мозга (Terje Sagvolden, Норвегия).

32. Связь психотерапии с биохимическими процессами в мозге (Terje Sagvolden, Норвегия).

Если бы у Вас было три желания относительно будущего психологии как науки и профессии, то какими они были бы?

1. Чтобы были хорошие отношения между наукой и практикой, взаимное уважение и взаимное стимулирование. Устранена пропасть между практиками и исследователями, между академическим исследованием и каждодневной практикой. Необходимо развивать синергическую, а не антагонистическую комбинацию. Исследователи и практики должны научиться слушать и слышать друг друга. Больше научного плодотворного взаимодействия между учеными и практиками. При тесной связи теории и практики психология может много дать обществу вообще и в решении проблем человеческого здоровья в частности.

2. Больше уверенности в себе, даже гордости за то, чего психология достигла, повышение самооценки, активного отстаивания своего достойного места в обществе.

3. Оказания содействия в достижении удовлетворительного существования человека. Продолжить генерировать новые знания и пути помощи людям. Психологическое исследование должно становиться все более прикладным и полезным обществу, чем это имеет место сейчас.

4. Когнитивная психология должна стать более гуманистичной и быть подальше от компьютерной метафоры.

5. Западные психологи должны лучше познакомиться с трудами С.Л. Рубинштейна и его последователей.

6. Последователи Л.С. Выготского должны, наконец, вступить в диалог и ответить на критику, которая звучит вот уже 40 лет, в том числе со стороны Ж. Пиаже, П. Зинченко, П. Гальперина, С. Рубинштейна и др.

7. Я хотел бы пожелать психологии того, что Дидро пожелал философии: «Будь, научная психология, популярной!». Смелее включаться в решение проблем общества сегодня и в будущем, чтобы попытаться сделать мир несколько лучше. Больше внимания проблемам в контексте социальной и культурной реальности. Повышения статуса психологии.

8. Психологии как науке желаю больше теоретической интеграции разных ее сфер, систематического обмена между различными исследовательскими областями, больше баланса между теоретическими и методологическими требованиями к исследованию. Больше объективности в оценке субъективных состояний. В будущем должен более серьезно

восприниматься вопрос об экологической валидности. Психологи должны продолжить успешно начатое развитие чувствительных и тонких методов изучения разума. Больше интеграции между университетами и «полями» вне их, точками зрения и теориями, разными тренинговыми программами. Больше междисциплинарных исследований человеческого разума и поведения. Психологическое исследование должно быть более кумулятивным. Научное исследование в психологии должно следовать, как и в физике, биологии, медицине, высоким стандартам и этическим принципам. Академическая психология должна быть единой в понимании психологии как естественной науки, более тесно связанной с биологическими, чем с социальными науками. Психология должна понимать себя, включая человеческое сознание, в терминах нейронных механизмов. Делать результаты исследований более доступными людям, не писать их на псевдонаучном языке.

9. Прежде всего, лучших теорий.

10. На научном уровне больше исследований, интегрирующих поведенческие находки с лучшим знанием функционирования мозга (нейронауки).

11. Я надеюсь, что правители во всей Европе осознают, что психология должна перестать быть дешевой наукой, в том числе относительно материально-технического обеспечения, чтобы успешно конкурировать с американскими психологами в исследованиях.

12. Лучшего и более корректного отношения между психологией и массмедиа.

13. Политикам заботиться об обеспечении проведения фундаментальных исследований в области психологии, как и в других науках. Больше ресурсов для науки, фундаментальных исследований и практики.

14. Нобелевской премии по психологии! (Stefan Jern, Швеция).

15. Стимулирование молодых исследователей.

16. Психология должна быть более интернациональной и более серьезно относиться к культуре.

17. Борьба с шарлатанами, которые используют наш вокабуляр и наши идеи.

18. Профессиональные психологи должны больше опираться на очевидное, чем на интуицию и общие понятия.

19. Больше психологических ассоциаций и обществ в каждой стране.

20. Необходимо, чтобы психологи становились политиками, членами парламента, руководителями фирм и т.п. Это стратегически важно. Более активно участвовать в публичных дискуссиях и принятии решений, избавиться от пассивности, осторожности, даже страха, когда речь идет о публичности.

21. Университеты должны улучшить подготовку хороших научных профессиональных психологов; включить в эту подготовку доста-

точно биологии, нейронаук, фармакологии, чтобы психологи могли стать партнерами других специалистов по проблемам здоровья, например врачей.

22. Должна постоянно во всем мире расти роль психологов как определенная необходимость.

23. Мы – психологи, должны лучше понять нашу задачу.

24. Требуется новая организация нашего аккумулированного опыта, больше синтеза; прикладная психология должна стать похожей на клиническую медицину (классификация проблем, симптомов, диагнозов, прогноз, интервенция).

25. Больше открытий, связанных с биоэнергетикой, ее транспортированием, проблемами боли, иммунного статуса организма, новыми возможностями гипноза и обратной связи, связи между микро-/макробиологией и психологией, а также вклада в разрешение конфликтов в различных частях света и повышение качества жизни людей.

26. Развитие деонтологии, профессиональной этики, профессиональных умений и навыков в диагностике и интервенции.

27. Я желаю психологии стать частью образования в старших классах школы.

28. Пожелал бы новых открытий в XXI в. в области механизмов человеческого поведения, факторов, обеспечивающих условия для эффективного развития человека.

29. Желаю, чтобы мы, наконец, преодолели редукционистские тенденции (в сторону естественных или социальных наук), мешающие психологии как независимой науке.

30. Я хотел бы, чтобы психология стала «твердой» наукой. Это может быть достигнуто при ее интеграции с нейронауками.

Разумеется, что ответы на первый вопрос имеют, скорее, исторический интерес. Что же касается ответов на второй вопрос – относительно ожиданий и пожеланий к психологии и психологам XXI в., то они, во-первых, говорят о недостигнутом психологической наукой и практикой в прошлом, во-вторых, о нерешенных или недостаточно решенных проблемах в настоящем и, в-третьих, о перспективных направлениях их развития в следующем столетии. Все это темы, обсуждавшиеся как в рамках так называемой регулярной программы Конгресса, так и за ее пределами. А за пределами много внимания было уделено двум темам, ставшим, по мнению членов Оргкомитета и участников Конгресса, «заметными характеристиками 27-го Международного психологического конгресса»: «здоровье» и «политика, в том числе дипломатия, проблемы профилактики межэтнических конфликтов, войны и мира».

Тему здоровья с акцентом на ментальном его аспекте вел с большим вводным докладом в виде пленарного заседания и ряда симпозиумов, круглых столов и т.д. известный деятель ВОЗ Норман Сарториус, а вторую тему – Государственный секретарь по международным делам

(министр иностранных дел) Швеции Джен Элиассон. И вообще, внимание со стороны руководителей Швеции к Международному психологическому конгрессу – король Швеции был патроном Конгресса, один из его министров участвовал непосредственно в работе Конгресса, а мэр столицы страны – г. Стокгольма, открывал Конгресс и приветствовал его участников от имени короля, – все это очень обнадеживает, являясь хорошим примером высокого интереса к психологии для правителей и политиков всех государств. Можно надеяться, что будут услышаны обращения к ним психологов, высказанные выше относительно будущего психологии. А психологам лишь надо будет постараться, чтобы было создано больше «лучших теорий», чтобы «произошла большая интеграция между психологической наукой и практикой», «чтобы психология послужила развитию и повышению благосостояния человека», чтобы «психологи стали признанной необходимостью» и «повысился статус самой профессии психолога». Надо надеяться, что в результате этого сбудется и пожелание шведского психолога Стефана Джерна о присвоении в следующем столетии Нобелевской премии по психологии. Вселила надежду на это не только напряженная работа участников Конгресса в пленарных заседаниях, в более чем сотне симпозиумах, секциях и семинарах, круглых столах, в 2000 интерактивных стендовых докладах, многочисленных выставках психологической литературы и оборудования и т.д., свидетельствующая о творческих поисках психологов практически всего мира, но и, несомненно, стимулирующие их великолепные приемы, организованные правительством, мэрией г. Стокгольма в известной во всем мире Городской Ратуше, где проводятся ежегодные Нобелевские банкеты. Нам только остается присоединиться к пожеланию и надежде нашего шведского коллеги.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹

Л.Д. Демина, Н.А. Лужбина (Барнаул)

Среди основных современных тенденций изменяющейся социокультурной действительности можно выделить неустойчивость и неустроенность социальной жизни людей, утверждение нового характера отношений и деятельности. При этом все более настойчиво и активно выражается стремление людей к социальной доминантности, самовыражению и комфортности во всех сферах жизнедеятельности. Также встает проблема развития и использования человеческого потенциала, предъявляются более высокие требования к самостоятельности, инициативе, предприимчивости человека, к его способности понимать и интерпретировать не только происходящие социальные изменения, но и собственное поведение, и поведение других людей.

Все это вызывает к необходимости формирования психологической культуры личности, которая, по мнению ряда ученых, определяет вектор эффективного самоопределения и самореализации личности в жизни, способствует успешной ее адаптации и саморазвитию (Б.Г. Ананьев, Б.С. Братусь, Л.Д. Демина, Л.С. Колмогорова, О.М. Краснорядцева, А. Маслоу, К. Роджерс и др.).

Однако проблема заключается в том, что в психологии долгое время отсутствовали системные исследования, посвященные феномену психологической культуры личности. В некоторых исследованиях изучались лишь отдельные ее составляющие: компетентность в общении (Ю.Н. Емельянов, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская), интеллектуальная компетентность (М.А. Холодная), социальная компетентность (В.Н. Куница, Р. Хинтч, Р. Ульрих) и др. Не было его определения во всех словарях в области наук о человеке и обществе. В отдельных работах психологов это понятие все же использовалось, но трактовалось противоречиво (А.А. Бодалев, Е.А. Климов, О.И. Мотков, Н.Н. Обозов и др.).

По мнению Е.А. Климova, психологическая культура – это «часть общей культуры человека (как члена семьи, гражданина, специалиста), предполагающая освоение им системы знаний в области основ научной психологии, основных умений в деле понимания особенностей психики (своей и окружающих людей) и использование этих знаний в обыденной жизни, в самообразовании и профессиональной деятельности» [3. С. 287].

¹ Статья была опубликована в № 19 за 2004 г.

Определяя сущность данного понятия, О.И. Мотков считает, что «психологическая культура включает комплекс активно реализующихся культурно-психологических стремлений и соответствующих умений» [7. С. 15]. С точки зрения ученого, психологическая культура высокого уровня включает в себя комплекс: развитых специальных стремлений, ориентаций, изначально присущих человеку в виде особых мотивационных тенденций; природных способностей, обеспечивающих реализацию культурно-психологических стремлений; соответствующих этим стремлениям и способностям прижизненно развитых умений и устойчиво и ежедневно проявляющихся видов поведения.

Становление психологической культуры автор понимает как актуализацию культурно-психологического потенциала. Раскрывая функции исследуемого феномена, он отмечает, что культура помогает человеку создавать реалистичную Я-концепцию, находить свой жизненный путь, организовывать свою деятельность, успешно преодолевать стрессы.

Н.Н. Обозов в понятие «психологическая культура» включает 3 компонента: понимание и знание себя и других людей; адекватную самооценку и оценку других людей; саморегулирование личностных состояний и свойств, саморегуляцию деятельности, регулирование отношений с другими людьми [8. С. 6].

По мнению И.А. Ральниковой, специфику психологической культуры личности во многом определяют субъективные представления об окружающем мире, жизненном пути в его временном контексте, жизненной перспективе и др. [2].

Л.С. Колмогорова предложила следующее определение: «Общая психологическая культура человека – это составная часть базисной культуры человека, являющаяся сложносконструированным образованием, позволяющая ему понимать внутренний мир человека, эффективно решать жизненные психологические проблемы, адаптироваться и самоопределиваться в социуме, способствующая самореализации, саморазвитию, гармонизации внутреннего мира и отношений с окружающими, порождающая состояние внутреннего благополучия» [4. С. 11–12]. В структуре психологической культуры человека она выделяет следующие компоненты: знания и умения, психологическую компетентность, ценностно-смысловой, рефлексивно-оценочный, культуротворческий.

Итогом теоретико-экспериментальных исследований, выполненных под руководством Л.С. Колмогоровой, направленных на реализацию концептуальных основ психологического образования и изучения возрастных возможностей учащихся в освоении психологического опыта, является общее представление о генезисе психологической культуры на следующих возрастных этапах: от момента поступления ребенка в школу до окончания начальной школы и затем – выпускника средней общеобразовательной школы.

Все вышеперечисленные подходы раскрывают существенные характеристики психологической культуры личности, но не являются всеобъемлющими и, соответственно, могут быть дополнены. Таким образом, в нашем понимании, психологическая культура личности – это системное образование, включающее не только информированность о законах функционирования психического мира, способах и приемах управления внутренней и внешней активностью, но и их практическое использование в повседневных жизненных ситуациях [2, 5]. К таким поведенческим проявлениям относятся:

- конструктивное общение с близкими и дальними людьми, различающимися по национальным, возрастным, половым и др. признакам, что обеспечивает продуктивное разрешение личных, деловых и общественных вопросов;

- сознательное «построение» своей жизни, судьбы, возможность быть полноценным «хозяином» своей жизни, что позволяет ставить осуществимые цели и задачи;

- реализация единства внешней и внутренней деятельности человека, направленной на решение проблем, саморегуляцию, самореализацию, саморазвитие на основе имеющегося жизненного опыта, образованности, развития всех психических процессов, свойств и состояний;

- достаточно гармонично организованное творчество – наличие своего интересного творческого дела, выполняемого чаще всего в игровом и процессуальном стиле, с умеренным вложением усилий и времени;

- конструктивное ведение дел, для чего характерно реалистическое планирование, как правило, доведение начатого дела до конца, умение, если это соответствует изменившимся условиям, отказаться от нереальной цели и сформулировать новую, более осуществимую цель и т.п.;

- гармонизация своего внутреннего мира – обеспечение полноценной духовной жизни, создание целостной непротиворечивой Я-концепции, наличие целей и деятельности по самовоспитанию личностных установок и поведения, гармонизирующих чувства, мысли и представления о себе, окружающих людях и т.п.

Несмотря на отдельные экспериментальные исследования, проблема определения составляющих психологической культуры, ее системообразующих оснований остается недостаточно разработанной. Все это ограничивает возможности теоретического и практического изучения психологической культуры в целом и обуславливает необходимость обращения к проблеме ее системообразующих факторов в частности.

В структуре психологической культуры личности мы выделяем когнитивный, ценностно-смысловой, рефлексивно-оценочный, креативный и поведенческий компоненты и предполагаем, что в качестве ее системообразующего фактора, вступающего во взаимодействие и опосредующего развитие других составляющих психологической культуры личности, выступает социальный интеллект.

Термин «социальный интеллект» был введен в психологию в 1920 г. Э. Торндайком, который определил его как «способность к пониманию и управлению людьми, способность действовать мудро в межличностных отношениях» [9. Р. 227–235], после этого он получил широкое распространение среди зарубежных (Г. Айзенк, Дж. Гилфорд, Дж. Кильстром, Н. Кэнтон, Г. Олпорт, Р. Стернберг и др.) и отечественных (Н.А. Аминов, М.И. Бобнева, Ю.Н. Емельянов, М.Л. Кубышкина, Н.А. Кудрявцева, В.Н. Куницына, Е.С. Михайлова (Алешина), М.В. Молоканов, А.Л. Южанинова и др.) психологов.

В настоящее время многие исследователи особо отмечают концепцию социального интеллекта, разработанную Дж. Гилфордом, на основных положениях которой построено данное исследование. Ученый сосредоточил свои исследования на познании поведения и выделил следующие факторы этой способности: познание результатов поведения, познание классов поведения, познание преобразований поведения и познание систем поведения. Исходя из этого, социальный интеллект – это способность, определяющая успешность оценки прогнозирования и понимания поведения людей [1]. С целью проверки данного предположения в период с 1999 по 2002 г. нами было проведено психологическое исследование [5]. В нем участвовали старшеклассники гимназии № 25 и колледжа социальных наук АлтГУ на базе школы № 27 г. Барнаула (общее количество обследуемых – 101 человек).

Теоретико-методологической основой исследования явились идеи системного подхода (Л.С. Выготский, Б.Ф. Ломов, В.Е. Ключко, К.К. Платонов и др.), непротиворечащие теоретические положения, имеющиеся в психологии, к определению понятия «психологическая культура личности» (Л.Д. Демина, Е.А. Климов, Л.С. Колмогорова, О.И. Мотков, Н.Н. Обозов и др.), а также концепции социального интеллекта (Г. Айзенк, М.И. Бобнева, Дж. Гилфорд, Ю.Н. Емельянов, В.Н. Куницына, Е.С. Михайлова и др.).

Методический блок представлен следующими методиками: методика Дж. Гилфорда и М. Салливена по диагностике социального интеллекта (адаптация Е.С. Михайловой [6]), тест «Психологическая грамотность» Л.С. Колмогоровой, тест «Смыслоразножизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; тест-опросник Л. Михельсона «Коммуникативная компетентность» (адаптация Ю.З. Гильбуха), тест В.В. Бойко «Уровень эмпатических способностей», «Тест описания поведения» К. Томаса и «Самоактуализационный тест» Э. Шострома (адаптация Л.Я. Гозмана). Для обработки и анализа полученных данных использовался корреляционный анализ с помощью компьютерной программы «Statistica».

Для выявления взаимосвязей между факторами, композитной оценкой социального интеллекта и показателями компонентов психологической культуры использовался корреляционный анализ, по результатам которого были выявлены следующие особенности.

«Познание результатов поведения» положительно коррелирует, во-первых, с познанием классов поведения ($r = 0,49$ при $P = 0,001$), познанием преобразований поведения ($r = 0,29$ при $P = 0,001$), познанием систем поведения ($r = 0,62$ при $P = 0,001$); во-вторых, с компетентной реакцией в общении ($r = 0,42$ при $P = 0,03$), стратегией поведения «сотрудничество» ($r = 0,41$ при $P = 0,05$), способностью к эмпатии ($r = 0,44$ при $P = 0,01$) и психологической грамотностью ($r = 0,42$ при $P = 0,03$), а также имеет отрицательную взаимосвязь со спонтанностью ($r = -0,42$ при $P = 0,03$). Можно заключить, что способность к предвидению последствий поведения в определенной ситуации положительно взаимосвязана с когнитивным, поведенческим компонентом и имеет обратную связь с рефлексивно-оценочным компонентом психологической культуры личности.

«Познание классов поведения» положительно коррелирует, во-первых, с познанием преобразований поведения ($r = 0,53$ при $P = 0,001$), познанием систем поведения ($r = 0,42$ при $P = 0,001$); во-вторых, с компетентной реакцией в общении ($r = 0,50$ при $P = 0,001$), способностью к эмпатии ($r = 0,52$ при $P = 0,001$), поддержкой ($r = 0,42$ при $P = 0,03$), ценностными ориентациями ($r = 0,44$ при $P = 0,02$), осмысленностью жизни ($r = 0,51$ при $P = 0,001$), компетентностью во времени ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), самоуважением ($r = 0,49$ при $P = 0,001$), сензитивностью к себе ($r = 0,42$ при $P = 0,03$), психологической грамотностью ($r = 0,49$ при $P = 0,001$) и креативностью ($r = 0,48$ при $P = 0,01$). Следовательно, способность к логическому обобщению, выявлению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека положительно взаимосвязана с когнитивным, ценностно-смысловым, рефлексивно-оценочным и креативным компонентами психологической культуры личности.

«Познание преобразований поведения» положительно коррелирует, во-первых, с познанием систем поведения ($r = 0,44$ при $P = 0,001$); во-вторых, со способностью к эмпатии ($r = 0,48$ при $P = 0,01$), сензитивностью к себе ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), психологической грамотностью ($r = 0,41$ при $P = 0,05$). Из этого можно сделать вывод о том, что способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации положительно взаимосвязана с когнитивным и рефлексивно-оценочным компонентами психологической культуры личности.

«Познание систем поведения» положительно коррелирует со стратегией поведения «сотрудничество» ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), со способностью к эмпатии ($r = 0,44$ при $P = 0,001$), гибкостью поведения ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), спонтанностью ($r = 0,40$ при $P = 0,05$) и креативностью ($r = 0,40$ при $P = 0,05$). Значит, способность к пониманию логики развития ситуаций взаимодействия, значения поведения людей в этих ситуациях положительно взаимосвязана с поведенческим, когни-

тивным, рефлексивно-оценочным и креативным компонентами психологической культуры личности.

Социальный интеллект положительно коррелирует, во-первых, с образующими его факторами: познание результатов поведения ($r = 0,79$ при $P = 0,001$), познание классов поведения ($r = 0,64$ при $P = 0,001$), познание преобразований поведения ($r = 0,63$ при $P = 0,001$), познание систем поведения ($r = 0,65$ при $P = 0,001$), а во-вторых, с компетентной реакцией в общении ($r = 0,49$ при $P = 0,001$), стратегией поведения «сотрудничество» ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), способностью к эмпатии ($r = 0,52$ при $P = 0,001$), осмысленностью жизни ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), самоуважением ($r = 0,40$ при $P = 0,05$), сензитивностью к себе ($r = 0,40$ при $P = 0,05$) и психологической грамотностью ($r = 0,49$ при $P = 0,001$). Из этого следует, что социальный интеллект, безусловно, взаимосвязан с факторами, его образующими, а также с когнитивным, ценностно-смысловым и рефлексивно-оценочным компонентами психологической культуры личности. Взаимосвязь с креативным компонентом психологической культуры опосредуется через способность к выявлению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека (познание классов поведения) и способностью к пониманию логики развития ситуаций взаимодействия (познание систем поведения) (рис. 1).

Рис. 1. Корреляционная плеяда факторов, композитной оценки социального интеллекта и компонентов психологической культуры личности

По результатам корреляционного анализа можно сделать вывод, что социальный интеллект является особым феноменом, объединившим вокруг себя все компоненты психологической культуры личности, а также входящим в них «отдельными гранями». Следовательно, социальный интеллект выступает системообразующим фактором психологической культуры личности.

Таким образом, рассмотрение социального интеллекта в качестве системообразующего фактора психологической культуры личности позволяет понять и объяснить многие феномены гармоничного функционирования личности, которые проявляются, например, в преобладающем хорошем самочувствии; глубоком понимании и принятии как себя, так и других людей; конструктивном общении и ведении дел; в саморегуляции своих желаний, эмоций и действий, привычек и т.д., что является залогом психологического здоровья личности.

Литература

1. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965. С. 433–456.
2. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическая культура личности: контекст субъективного переживания времени жизни // Вестник алтайской науки: Проблемы социологии и психологии. 2001. № 1. С. 78–87.
3. Климов Е.А. Основы психологии: Учебник для вузов. М., 1997. 295 с.
4. Колмогорова Л.С. Возрастные возможности и особенности становления психологической культуры учащихся: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 45 с.
5. Лужбина Н.А. Социальный интеллект как системообразующий фактор психологической культуры личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002. 22 с.
6. Михайлова (Алешина) Е.С. Тест Дж. Гилфорда и М. Салливена по диагностике социального интеллекта. Методическое руководство. СПб., 1999. 52 с.
7. Мотков О.И. Психология самопознания личности. М., 1993. 96 с.
8. Обозов Н.Н. Психологическая культура взаимных отношений. М., 1986. С. 6.
9. Thorndike E.L. Intelligence and its uses. Harper's Magazine, 1920. P. 227–235.

ВОСПРИЯТИЕ БАЙКАЛА И СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ¹

А.Д. Карнышев (Иркутск)

В конце прошлого века автору данной статьи посчастливилось общаться на Байкале с тогдашним ректором Монгольского педагогического университета Чулуун-доржем. Когда речь зашла об особенностях восприятия природы представителями разных национальностей, он сказал: «Вы – русские, люди запада, вы никогда не поймёте восточного человека, у него совершенно другая психология. Например, монгол или бурят считают, что природа – его мать. Она выше человека. Последний – только один из представителей природы. Вся живая природа – это высшее». Споры по этой проблеме были довольно-таки острыми, но конкретных фактов не хватало, и они завершились общими рассуждениями.

Заинтересованность в данном вопросе побудила нас в 1994 г. при опросе жителей прибайкальских деревень включить в анкету о Байкале вопрос, касающийся рассматриваемых мировоззренческих позиций. В реальном, образном выражении их можно определить в трёх важнейших выражениях:

1. *Человек – ничем и никем не ограниченный преобразователь природы*, его предназначение – использовать её в своих прагматических интересах, изменять и совершенствовать её по своим замыслам («человек над природой»).

2. *Природа для человека мать* – он лишь один из элементов её гармонии и совершенства («природа над человеком»).

3. *Природа и человек едины в своём бытии и предназначении, их ни в коем случае нельзя противопоставлять* («человек в единстве с природой»).

Прежде чем приводить данные исследования 1994 г., отметим, что в 2004 г. мы в опроснике «Байкал» повторили общий вопрос о взаимодействии человека с природой. Сведём в таблицу результаты того и другого исследований (см. таблицу).

Прокомментировать таблицу можно в разных отношениях, мы же остановимся на следующих моментах.

Во-первых, данные 1994 г. (начало «постсоветского» периода) показывают, что установки бурят и русских были максимально сближены в связи с общими условиями жизнедеятельности и унифицированной направленностью идеологических институтов воспитания в социалистическом обществе.

¹ Статья была опубликована в № 21 за 2005 г.

Во-вторых, заметна динамика позиций по варианту ответа «человек в единстве с природой» по представителям обеих национальностей. Десятилетие развития демократических институтов в России совпало со временем обострения борьбы за защиту природы, которые вели представители разных общественных организаций. Именно понимание ущербности противостояния человека и природы, возможность его весьма негативных последствий привели, на наш взгляд, к такому существенному изменению экологических позиций у россиян.

В-третьих, таблица даёт право говорить об определённой *тенденции*, характеризующейся более выраженными темпами возвращения к традиционным «восточным» взглядам на взаимодействие человека и природы у бурят. Если вспомнить, что соответствующие тенденции у монголов, японцев, некоторых других азиатских народов являются давно установившимися реалиями, то можно предположить, что они, скорее всего, овладевают этническим самосознанием бурят. Последние два обстоятельства, как и результаты исследования в целом, показывают значимость этнопсихологического подхода к пониманию проблематики взаимодействия человека и природы.

**Оценка характера отношений между человеком и природой
у представителей разных национальностей**

Вариант ответа	Буряты		Русские	
	1994 г. (94 чел.)	2004 г. (52 чел.)	1994 г. (510 чел.)	2004 г. (271 чел.)
Природа над человеком	40,4	32,7	44,1	22,5
Человек в единстве с природой	27,8	57,7	23,9	57,6
Человек над природой	26,6	0,0	25,6	7,4
Затруднились ответить	4,3	9,6	6,4	12,5

То, что определённые объекты природы несут в себе национальный колорит, подмечено многими людьми. Так, довольно-таки распространены выражения «русская берёза» или «японская сакура», «канадский клён», причём такие понятия ничуть не отрицают значения и красоты этих деревьев в других странах. Более того, отдельные исследователи связывают духовное состояние некоторых народов со своеобразием их природной среды. Н.О. Лосский, известный российский философ и психолог, эмигрировавший из страны в 1922 г., писал по этому поводу: «Отличие от нашей душевной жизни окажется ещё более глубоким, если мы примем в расчёт, что государство – нация – состоит не только из социальной личности и подчинённых ей человеческих особей, но имеет ещё, как свой орган, и какую-либо территорию. Поэтому ландшафт в двух соседних национальных государствах имеет индивидуальную, отличающуюся друг от друга физиономию. Это резко бросается в глаза, например, при переезде из Германии во Францию» [4. С. 210].

Психологически интерпретируя данную философскую мысль, следует, по-видимому, сказать, что и восприятие особенностей природных ландшафтов несёт в себе определённую «масштабность» отражения окружающей среды, свойственную конкретному народу, привыкшему к опять-таки конкретным образам «своих» родных мест. Об этом красноречиво говорит восьмистишие японского поэта Торики Такарабе «Пролетая над Сибирью»:

Внизу немыслимый простор
Тайги – лесного океана,
Как много островерхих гор!
И все, должно быть, безымянны.
У нас – не то, моя страна
Иначе видится в полёте,
У всех пригорков – имена,
Любая кочка – на учёте.

Людам, привыкшим к положению, когда в окружающих ландшафтах «любая кочка на учёте», дорожке становятся милые сердцу картины, возрастает стремление тщательно оберегать их от разрушения и опустошения. Именно в этом, на наш взгляд, одна из причин благоговейного и трепетного отношения народов, имеющих незначительные территории, к своей земле. Японцы в ходе промышленного «бума» уже в 70-х гг. XX в. поняли его пагубное влияние на природу и человека и приняли экстренные и действенные меры по её защите. И то, что русские, осознавшие безграничность просторов своей страны, нередко бездушны и расточительны по отношению к окружающей флоре и фауне, также является некоторым следствием масштаба восприятия окружающего мира. Подспудная мысль «у нас всего и всем хватит» на уровне подсознания формирует психологию разбазаривания и транжирства природных ресурсов, отсутствия должной заботы о них.

Характер отношения человека к природе не может не нести на себе и некоторую окраску религиозных взглядов. Тот же «восточный человек» часто «замешан» на философии буддизма, а последний в качестве древней и самостоятельной конфессии всегда благословлял трепетное отношение к окружающей среде, учил своих адептов мирному сосуществованию и взаимопомощи между всеми живыми существами, минимальному причинению вреда любому из них. Первейшим грехом в буддизме считается необоснованное уничтожение всяческих земных «тварей», жестокое обращение с ними.

Своей психологией «встроенности» человека в природный мир отличались религия аборигенных народов и шаманизм, точка зрения которого на возможность происхождения человека от тотемного животного и соответствующий «обратный процесс», его обожествление отдельных

растений и сакральных мест работало, говоря современными понятиями, на эффективное экологическое сознание и поведение человека. На наш взгляд, вряд ли целесообразно относить приверженность к положительным шаманистским традициям только к коренным обитателям Сибири. Данные традиции и по сей день существуют в массовом сознании любого народа. Это можно проследить на примере «пришлых» в далёкие края людей. Конечно, первопроходцам, как иногда говорят – колонизаторам диких таёжных и степных мест, приходилось решительно вторгаться в девственность окружающего мира, осуществлять над ним определённое насилие. Это порождало психологию естественного господства человека над природой, вносило сомнение в понимание единства с ней. Но всё же некоторые политеистические взгляды русских и их определённый мистицизм (вера в леших, домовых, поклонение разного рода «волхвам») органично вплетались в шаманистско-экологические нормы исконных жителей Сибири: бурят, эвенков, тофаларов и т.д. Русские отдавали дань бурханам, почитали святые места аборигенов, бережно относились к тем объектам природы, которым они поклонялись. Данное взаимопроникновение обычаев, обрядов, верований положительно отражалось на отношении к природе.

Конечно, несколько специфичны позиции по вопросу со стороны христианской религии. Среди современных экологов нередко звучит выражение «библейское отношение к природе», которое в целом наполнено негативным смыслом. Дело, прежде всего, в том, что Бог, создавая объекты живой и неживой природы, определил человеку статус повелителя и потребителя животного и растительного мира на земле. «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех чад земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле. И сказал Бог: вот я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам *сие* будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся на земле, в котором душа живая, *дал* я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог, что он создал, и вот, хорошо весьма» [Ветх. Зав. Бытие. Гл. 1. Абз. 25, 27–31].

Но и в христианстве всё было не так однозначно. Полностью подчинив живую природу человеку, Бог всё же оставил ему право и обязанность думать о последствиях собственной деятельности по преобразованию окружающей действительности. И это налагало свои особенности на поведение русского (и иже с ним) человека. При этом надо помнить, что православное христианство в своих истоках было соеди-

нено с древними культовыми обрядами и обычаями жителя стародавней Руси, которые были также «шаманистскими» в своей основе, и также, как у аборигенных народов, имели позитивные взгляды на благодатное единство человека, бога и природы.

По-видимому, одно из первых зафиксированных свидетельств о влиянии природы Байкала на духовно-нравственные размышления о сути человеческого бытия надо отнести к религиозному лидеру раскольничьего движения Руси – протопопу Аввакуму. В описании своего трагического, подневольного путешествия в Сибирь в 1650-х гг. он отводит красоте Байкала заметное место: «Около его горы высокия, утесы каменные и зело высоки, – двадцать тысяч верст и более волочился, а не видал нигде таких гор. На верху их полатки и повалуши, врата и столпы, и ограда – все богоделанное. Чеснок на них и лук растет больше романовскаго и слаток добре. Там же растут и конопли богарасленные; а во дворах красны и цветны, и благовонны зело. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, яко снег, плавает». Выразив свое впечатление, Аввакум обратился к философскому суетумудрию: «А все то у Христа наделано человека ради, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек суете который уподобится, дние его, яко сень, преходят, скачет, яко козел, раздувается, яко пузырь, гневается, яко рысь, съестъ хочет, яко змия, ржет зря на гужую красоту, яко жребя, лукавствует, яко бес, насыщаяся невоздержно, без правила спит, Бога не молит, покаяние отлагает на старость, и потом исчезает, и не вем, намо отходит – или во свет, или во тьму, день судный явит коегождо. Прости мя, аз согрешил паче всех человек» (выделено мной. – А.К.) [1. С. 40].

Философские размышления Аввакума на лоне Байкала о грешности и бесплодной бренности человека высвечивают главный смысловой стержень его позиции: человек должен быть благодарен Богу за ту красоту и прагматическую ценность природных явлений, которые он ему дал; но одновременно каждый должен думать о божественном и природном естестве своего бытия, быть благодарным всевышней силе, не предавать божественной сути ради низменных повседневных потреб.

Читая и осмысливая данные рассуждения Аввакума, осознаешь, что он отразил в них вековые мысли человечества об отношениях в триаде Природа – Бог – Человек, что особенно актуально для современной гуманистической мысли. Чтобы не быть голословными, обратимся к позиции литературного критика Стопфорда Брука, который, рассуждая о творчестве Вордсворта, писал: «Тот же, кто через страстную любовь к Природе отстранится от самого себя, заглянет в душу Природы и увидит её такой, как она есть, узрит Бога не только как личное, но и как безличное, не только как очеловеченного Бога, но и как выходящего далеко за пределы человеческого; и он поймёт, что существует бесконечная величественность, вечное спокойствие, великолепие порядка, красоты и разнообразия, чему он не осмелится дать имени или наделить человечески-

ми качествами, но он воистину поймёт, что это – действующая и любящая, мудрая и невыносимая сила. Наша современная теология остро нуждается в такой теории. Она бы смогла отказаться от бесконечного и болезненного акцентирования только на человеческом и позволила бы нам немного освободиться от самих себя» [3. С. 138].

Духовное созвучие рассуждений, которые разделяет почти трёх-вековая история, ещё раз подтверждает, что человеку ни при каких условиях нельзя отходить от Природы и Бога, понимаемых прежде всего как ориентиры нравственного совершенства, возвеличиваться над ними, ибо это не может кончиться ни чем иным, как падением его самого. При этом нельзя не учитывать специфику этноконфессиональных взглядов на проблему. Возрождение таких взглядов, их разумная интеграция будут способствовать взаимопониманию разных народов в их подходе к экологическим реалиям.

Всё, о чём мы говорили выше, отражает наиболее общие позиции возможных вариантов этнического подхода в отношении человека к Природе и Байкалу. Но в психологическом исследовании никак нельзя уйти от некоторых «тонкостей» в восприятии окружающей среды, которые определяют особенности более глубинного, индивидуального её отражения. Философские установки в своём рождении обязаны скорее всего сенсорной восприимчивости конкретного человека к своеобразию флоры и фауны, им трудно, а подчас и невозможно «вызреть» на односложном, грубом, недифференцированном отражении действительности. Не случайно многие известные мыслители, показывающие тонкое проникновение в суть природных явлений, отличались одномоментно изысканностью своих вкусов и чувств к прелестям природы. Но такие нюансы остаются до сих пор малоизученными в психологическом плане. В качестве иллюстрации индивидуальной утончённости восприятия мы остановимся на двух-трёх моментах, понимая, что это пока лишь *постановка вопроса* и она нуждается в дополнительной проверке на основе тщательных исследований.

Оговорим сразу тот момент, что этнопсихологическое исследование по проблемам Байкала замыслилось нами как широкий кросс-культурный анализ экологических взглядов и особенностей восприятия природы. Для этого был разработан опросник «Байкал», который в настоящее время переведён на четыре языка (английский, немецкий, японский, китайский) и в скором времени поступит соответствующая информация об исследуемых феноменах в отражении разных «субъектов», побывавших на берегах священного моря. Мы считаем, что избрание Байкала в качестве частного объекта восприятия и понимания для людей разных национальностей несёт в себе весьма важный «плюс»: оценкам подвергается некое единое природное явление со своими конкретными наблюдаемыми характеристиками. Позиции людей здесь будут более определённые и однозначные, нежели в исследо-

ваниях, в которых оценивается «природа вообще», как нечто абстрактное, расплывчатое и неоднозначное для представителей разных этнических групп.

Поскольку цвет и цветовые гаммы играют значительную роль в осознании красоты и символики природы, обратимся к данной стороне вопроса. Согласно некоторым представлениям Макса Люшера и других психологов, по своему содержанию восприятие цвета должно быть адекватно у представителей разных национальностей. Но, как показывают современные данные, психофизиологическое отражение и восприятие различных цветов сформировано одинаково далеко не у всех народов, что находит подтверждение в языковых средствах. Обозначение цветов, как выяснили учёные, проходит определённую динамику развития у разных народов. Исследователи Берлин и Кэй, изучив 78 языков, пришли к выводу, что 11 основных цветов стали кодироваться в истории любого языка в фиксированном порядке, а стадии появления терминов представляют собой ступени эволюции языков: от закрепления в словах «белого» и «чёрного» до самых разных оттенков красного, синего цвета, зелёного цвета (см. [6. С. 76]).

В условиях Сибири хорошей иллюстрацией данным закономерностям служат наблюдения В.Л. Серошевского за цветовым восприятием якутов. Он писал, что для якутов трудно выучиться различать цвета. Даже интеллигентные якуты смешивают оттенки цветов. Особенно путают они голубые, синие, фиолетовые и зеленые. Для всей этой группы цветов у них есть общее название *кюох*, и хотя глаз их уже научается отличать зеленый от голубого и синего, но язык еще не выработал особого для него названия; фиолетовый все еще им не дается. Радуга (кустук) считается у якутов трехцветной (см. [5. С. 244]).

Различия в восприятии цветов встречаются даже у разных племен одного народа. Так, в языке верхнеколымских юкагиров нет названий зеленого и синего цветов; у нижнеколымских юкагиров обозначены зеленые и синие цвета, но нет слова «желтый»; у алазейских юкагиров встречаются слова «зеленый» и «желтый», но нет слова «синий». Исследователи считают этот факт свидетельством происхождения племен юкагиров от разных этнических предков.

Наша дипломница Е.Н. Мареева в своей работе «Влияние особенностей цветовых ощущений представителей этнических групп Восточной Сибири на восприятие рекламы» провела контент-анализ бурятских, русских и эвенкийских сказок на предмет выявления тех цветов, которые использовались народами для описания разных образов. Оказалось, что русские употребляли в сказках восемь названий цветов (располагаем их по частоте применения): красный, чёрный, белый, серый, зелёный, синий, жёлтый, голубой. Буряты в своих сказках применяли семь цветов в следующей последовательности: чёрный, красный, белый, синий, серый, зелёный, жёлтый. Эвенки для

разных описаний пользуются шестью цветами: чёрный, красный, белый, зелёный, синий, жёлтый, т.е. по сравнению с русскими отсутствуют голубой и серый цвета. В то же время эвенки различают цвета по яркости (интенсивности отражения света), поэтому в прямом переводе наблюдаются ассоциации с названиями цветов: серебряный, золотой, рыжий.

«Местные» примеры рассматриваемых учёными закономерностей восприятия цвета имеют прикладное значение. В частности, уверенно можно говорить о необходимости дифференциации цветовых оттенков рекламы, направленной на конкретные национальные «аудитории». И здесь надо иметь в виду не только продемонстрированные особенности восприятия цвета, но и, в большей степени, его символику.

Дело в том, что существуют также определенные культурные и национальные различия в смысловой интерпретации цветов. Специалисты исследовали влияние цвета на восприятие человека, ассоциации, вызываемые им в национальных средах разных стран. Оказалось, что цвет символизирует:

- *зеленый*: в Америке – надежду, в Китае – роскошную жизнь, в Индии – мир и надежду, в Малайзии он ассоциируется с тропической лихорадкой;

- *голубой*: в Америке – веру, в Индии – правдивость, в Китае – один из траурных цветов;

- *фиолетовый*: в Индии – печаль и утешение, в Бразилии – печаль;

- *белый*: в Америке – чистоту и мир, в Китае – подлость, опасность, траур; в Европе – молодость, непорочность.

Мы сделали попытку анализа данной проблемы на примере символики цветов у русских и бурят. На основе анализа соответствующей литературы и экспертного опроса были отобраны свыше 50 смысловых ассоциаций, которые вызывают те или иные цвета.

В нашем опроснике данный аспект отражался в трёх конкретных частностях восприятия цветов, которые: а) бросаются в глаза на Байкале; б) наиболее значимы для респондентов; в) лучше отражают символику Байкала.

В пределах нашей статьи остановимся на вопросе о цветах, символизирующих Байкал и тех основных ассоциациях, которые они вызывают у респондентов двух национальностей, влияя на рационально-чувственное, психологическое отражение образа священного моря.

Среди первых пяти цветов (свыше 30% ответов) респондентами в целом и по национальностям были выделены:

- голубой – 78,8% (у бурят – 80,8%, у русских – 81,9%);

- синий – 66,8% (у бурят – 75,0%, у русских – 67,2%);

- зелёный – 62% (у бурят – 71,2%, у русских – 63,1%);

- светло-зелёный – 39,4% (у бурят – 42,3%, у русских – 38,7%);

- белый – 31,4% (у бурят – 38,5%, у русских – 31,4%).

Поскольку для учёта в рекламной и экологической деятельности важны конкретные характеристики восприятия цветов и их символики, покажем их на примерах данных цветов.

Синий цвет, как и голубой, по мнению психологов, в первую очередь в своей символике навеян самой природой: прозрачная вода, чистое небо, линии горизонта. Его основные психологические свойства – успокоение и удовлетворение, как считается, лежат в основе таких вызываемых им ассоциаций, как освобождение (добровольный отказ) от желаний и действий, мир, спокойствие [2. С. 84].

В нашем опросе синий цвет на Байкале вызывает хотя и созвучные, но во многом своеобразные ассоциации у респондентов:

- холод – 17,8% (у бурят – 13,5%, у русских – 20,3%);
- мощь – 16,1% (у бурят – 13,5%, у русских – 17,0%);
- достоинство – 11,6% (у бурят – 13,5%, у русских – 11,1%);
- мир и согласие – 8,2% (у бурят – 3,8%, у русских – 8,9%);
- стабильность – 8,2% (у бурят – 5,8%, у русских – 8,9%);
- покой – 7,1% (у бурят – 11,5%, у русских – 5,9%).

Психологическое ассоциирование Байкала с синим цветом вполне понятно. Те, кто видел, как «штилевой» Байкал в связи с поднимающимся ветром становится сердито-синим, какие синие островерхие горы поднимаются к небу на его берегах – тот хорошо понимает ассоциацию слова «мощь» с синим цветом. А достоинство, точнее его ощущение на берегах священного моря, желание жить в стабильности, мире и согласии – это неперенные чувства, посещающие нас на Байкале.

Считается, что символика *зелёного цвета* основана на психологическом ощущении внутренней силы и равновесия, слияния с Природой. Этот цвет повышает тонус и успокаивает, создаёт ощущение отдыха, вызывает чувство удовлетворённости.

В нашем опросе зелёный цвет занимает второе место после голубого по значимости и своей впечатляемости в гамме цветов Байкала, но как символ священного моря он уступает синему, стоящему на втором месте. Но в целом приоритет зелёного с его оттенками больше выражен у бурят – людей, в силу своих традиционных деятельности находящихся ближе к природе. Ассоциации, которые в большей мере вызывает зелёный цвет, у представителей этносов следующие: у бурят – покой (15,4%), равновесие (13,5%), оптимизм (11,5%), жизнелюбие (11,5%); для русских символика цвета близка к указанной, но всё же отличительна: жизнелюбие (15,9%), мир и согласие (11,8%), равновесие (9,6%), достоинство (8,9%). В *светло-зелёном* варианте цвет вызывает ассоциации нежности, доброты (больше выражены у русских) и лёгкости (сильнее выражена у бурят). Если обратиться к конкретным образам природы, например «кедры и сосны, любующиеся на себя в воды Байкала», «изумруды байкальских струй», то именно они отражают квинтэссенцию зелёного цвета.

Особо можно выделить этническую символику жёлтого цвета. Она выражена следующим образом:

- *роскошь*: у бурят – 13,5%, у русских – 4,4%;
- *мир и согласие*: у бурят – 13,5%, у русских – 4,1%;
- *ясность*: у бурят – 11,5%, у русских – 6,6%;
- *лёгкость*: у бурят – 11,5%, у русских – 6,3%.

Два первых символа, на наш взгляд, могут иметь достаточно простое объяснение. Для бурят жёлтый цвет – это прежде всего цвет буддийской религии: он освящен ею. Более того, ламы Востока обычно рядились в жёлтые одежды. А буддизм всегда проявлял себя в качестве миролюбивой концепции, зовущей к терпимости и согласию между всеми живыми существами. Вместе с тем звание ламы в жёлтых одеждах всегда ассоциировалось с богатством, многие культовые служители буддийской религии в бурятских родах и племенах, в религиозных дацанах были материально хорошо обеспеченными людьми.

Таким образом, даже краткий анализ особенностей восприятия некоторых цветовых образов и цветовой символики наводит на мысли о некоем этническом своеобразии отношения к окружающему миру, о том, что в казалось бы одинаковых картинах природы немалое количество этнических представлений имеют свои специфические детали и нюансы. Мы уже не говорим о восприятии цветового фона и гаммы цветов, здесь опять-таки можно найти уникальность отражения и осмысления, но это требует дополнительных исследований.

Обосновывая необходимость этнопсихологического подхода к изучению проблем отношения к природе в целом и к Байкалу в частности, рассмотрим ещё один возникающий резонный вопрос: что даёт такое изучение людям, «стоит ли овчинка выделки» и можно ли с практической выгодой использовать его результаты. Попытаемся каким-то образом осветить эти моменты.

Во-первых, этнопсихологический подход уточняет и расширяет историю становления мировой экологической мысли, показывает этапы и особенности развития её не только в общих тенденциях, но и в их конкретных национально-культурных вариантах, что, вне всякого сомнения, обогащает любую теорию.

Во-вторых, такой подход приводит к пониманию разнообразия отношений человека к природе, своеобразного «плюрализма экологического сознания» при единых общечеловеческих позициях и критериях. При этом очень важно возникновение осознанности, что не только в психологическом осмыслении, но даже в восприятии внешних атрибутов окружающей среды есть своя специфика.

В-третьих, при анализе многогранного и многостороннего влияния природы на людей всегда можно обнаружить факты, когда детали и нюансы образов и ассоциаций представителей других этносов, например о прелестях тайги, рек, озёр или байкальских берегов, осмыслива-

ются, в чём-то заимствуются членами «моего» этнического сообщества. Положительный эффект такого заимствования может быть налицо: не только видение своеобразных оттенков окружающих природных явлений, но и обогащение собственного внутреннего мира новыми, оригинальными впечатлениями и образами, его более красочная расцветка неожиданными и привлекательными ассоциациями. Богатство образов внешнего и внутреннего мира представителей другого народа становится «моим», как и своеобразие моих разноплановых ощущений может получить своё воплощение в психике «других» – такова самая желанная динамика взаимодействия разнообразного мира природы и разноликого мира людей.

Последнее размышление наталкивает на мысль об использовании этнопсихологической информации в практических целях в области экологического туризма. Остановимся на одном злободневном и своеобразном примере. В журнале «Гео» на немецком языке опубликованы статьи из серии «Путешествие по Сибири»: «В царстве духов, богов и шаманов» и «Знаешь ли ты страну, где цветут ледяные узоры» (автор – Andrea Bohm). Названные публикации хорошо иллюстрируют то специфическое стереотипное восприятие и тот интерес, которые наблюдаются у немцев (конечно, не только у них) к природе наших мест и его жителям. Приведём некоторые оригинальные высказывания об этом (перевод Н. Васильевой). «Метафорически Сибирь обозначает “окраину земли” или, точнее говоря, окраину Европы. С одной стороны, там живут забытые богом люди на этой земле, и цивилизация так далека отсюда, как нигде в другом месте. С другой стороны, именно эта окраина земли подаёт большие надежды». «Сибирь большая, холодная, пустая и, несмотря на это, Сибирь – это возжеленная мечта каждого немца, это одно из тех мест на земле, которое немец непременно хочет посетить». «Сибирь считается в современной цивилизации убежищем, неисполненным притягательной привлекательностью, местом, где сохранилось понятие человечности, как один из последних нетронутых уголков земли». «Даже влияние таких событий, как переселение русских немцев, военнопленных, не способно омрачить образ Сибири в сознании немцев. Как это ни парадоксально, но бывшие немецкие военнопленные сохранили вполне позитивные воспоминания о Сибири. Многие до сих пор ощущают на себе её влияние, рассказывают о своих впечатлениях, о русской сплочённости и о том, как мирное население помогало выжить» (см.: «Гео». 2005. Март. С. 80–108).

Обобщая и развивая высказанные позиции немецкого автора, подчеркнём прикладное значение этнопсихологического подхода в области развивающегося быстрыми темпами международного туристического бизнеса.

Туризм – это сфера, в которой необходимо учитывать по меньшей мере три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это выделение в тури-

стических «объектах» тех самобытных национальных компонентов, которые могут стать предметом интереса и особого внимания среди туристов из разных стран (приведённые высказывания немцев хорошо иллюстрируют это). Во-вторых, при приёме конкретных туристических групп необходимо знать специфику их национальных запросов, претензий и требований в подаче услуг, чтобы максимально лучше обеспечить обслуживание клиентов. В-третьих, для российского туристического бизнеса остро стоит вопрос о правильном, толерантном общении с представителями разных стран, об учёте их коммуникативных и лингвистических особенностей. В свою очередь, аналогичными этническими навыками должна обладать и «приезжающая сторона». Обеспечить должным образом каждый из трёх названных нюансов можно лишь на основе этнопсихологических исследований.

Любой научный подход должен развивать связь теории с практикой, внутренних позиций с реальными делами. И в этом плане этнопсихологический анализ помогает увидеть у каждого народа эффективные традиции, обычаи, привычки и навыки, посредством которых он, этот другой народ, эффективно защищает свою природную среду, обеспечивает её благополучие, развитие, украшение. Остановимся опять-таки на примере отношения к природе в Германии – стране со специфическими этнокультурными установками, острее воспринимаемыми в связи, как мы говорили выше, с незначительными (по сравнению с Сибирью) масштабами её территории. В статье «Они и мы» Б.В. Раушенбах показывает некоторые экологические традиции современных немцев, на которых, как он утверждает, они буквально помешаны: «Стремление сохранить природу, её первозданность принимает совершенно необычные, порой, казалось бы, гипертрофированные формы» (см. [7. С. 199]). С интересным подтверждением данного факта встретила наша аспирантка Н. Васильева при апробации перевода опросника «Байкал» на немецкий язык. Женщина-немка, рассматривая варианты ответов на задание («Постарайтесь, пожалуйста, оценить объективно своё отношение к природе»), сказала, что все варианты ответов, кроме первого («Искренне восхищаюсь природой, всемерно стремлюсь заботиться о ней»), будут совершенно не понятны для жителя Германии (а среди вариантов, к примеру, был такой, рассчитанный на россиянина: «Природу люблю, но без особых восторгов и желаний улучшать её»).

Б. Раушенбах приводит некоторые примеры трепетного отношения к окружающему миру: в Германии уже никто не пользуется одноразовыми вещами, потому что их надо потом, как всякие отбросы, перерабатывать, а это удар по природе. Поэтому вновь перешли на стеклянные стаканы, бутылки и тарелки, которые можно многократно мыть и полоскать. Здесь не выпускается больше некоторых типов пластмассовых бутылок, а пластмассовые мешочки, хотя и сохранились, *но на них пишется (!)*, что они «предназначены для многократного пользова-

ния и, пожалуйста, из соображений экологической культуры просим Вас не выбрасывать данную авоську, а пойти с ней за покупками второй, третий, четвёртый раз» [Там же. С. 200, 202]. Как таких простейших мер не хватает на Байкале и в целом у российских жителей!

Заканчивая перечень плюсов в этнопсихологическом подходе к рассмотрению и анализу проблем окружающего мира, природы и Байкала, подчеркнём, что национально ориентированный взгляд не может не учить толерантности, терпимости к различию этнически обусловленных личностных позиций не только к природе, но и ко всему своеобразию человеческой жизни. «Я не могу видеть окружающий природный и социальный мир точно таким же, как его видит «другой». Но я могу и должен принимать и понимать любые различия в восприятии и интерпретации увиденного как неизбежные, естественные и даже обязательные», – в этом суть формируемой самой природой человеческой толерантности. В ней несхожесть становится точкой отсчёта, причём точкой, максимально положительной, поскольку она стремится на разнообразии, неоднородности, пестроте взглядов строить единство людей. Отсюда весьма важный факт: отношение к природе может стать объединяющей силой (и этот процесс мы уже видим в цивилизованных странах на примере «зелёных») межнационального согласия, фактором, который снимает барьеры непонимания между людьми.

Литература

1. *Житие* протопопы Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 336 с.
2. *Бреслав Г.Э.* Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб., 2000. 212 с.
3. *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. М.: Наука, 1988. 303 с.
4. *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. М.: Традиция, 1998. 416 с.
5. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
6. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2004. 368 с.
7. *Этнопсихологические* проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. Минск: Харвест, 2004. 496 с.

М.С. РОГОВИН: ФИЛОСОФ ПСИХОЛОГИИ¹

В.А. Мазиллов (Ярославль)

27 октября 2006 г. Михаилу Семеновичу Роговину исполнилось бы 85 лет. Уже больше 12 лет его нет с нами. Но эта статья не «юбилейная», хотя 85 лет – дата довольно «круглая». Сам Михаил Семенович, будучи человеком чрезвычайно скромным, юбилеев не любил. Поэтому настоящий текст представляет собой беглый эскиз, попытку очертить вклад выдающегося психолога в развитие методологии психологии. Эту статью никоим образом не следует расценивать как анализ методологических исследований М.С. Роговина. Несомненно, такого рода работа будет выполнена в дальнейшем: прошедшие годы показали, что его идеи не теряют актуальности, они по-прежнему перспективны, многие из них развиваются (хотя часто и без ссылок на работы исследователя, который высказал их первым). Впрочем, к этому у Михаила Семеновича отношение было «философское»... Будучи знатоком истории психологии, он часто говорил о том, что «все уже было»... Через 12 лет после ухода Учителя можно констатировать: его идеи живут, его ученики работают в Москве и Петербурге, Томске и Ярославле...

Михаил Семенович Роговин (1921–1993) принадлежит к числу замечательных отечественных ученых, сделавших для развития психологической науки в нашей стране чрезвычайно много. Его имя никогда не было громким. Но оно всегда было авторитетным. М.С. Роговин оставил многочисленные научные труды и своих прямых учеников, продолжающих развивать его психологические концепции. В Ярославле вышли два сборника научных трудов, посвященных памяти выдающегося ученого, чья творческая исследовательская и педагогическая деятельность в течение ряда лет была тесно связана с Ярославлем [3, 4].

Нам хотелось бы обратить внимание читателя на один из аспектов исследовательской деятельности М.С. Роговина, который, по нашему мнению, не получил до настоящего времени адекватного отражения в психологической литературе. Речь идет о том, что М.С. Роговин был в первую очередь методологом психологической науки. В то время занятия методологией совсем не приветствовались. Считалось, что главное сказано марксистско-ленинской философией, а методологические принципы психологии должны «вытекать» из «основополагающих положений».

Методология психологической науки понималась М.С. Роговиным не традиционно. Это важно подчеркнуть. В 1960-е гг. многие ис-

¹ Статья была опубликована в № 24 за 2006 г.

кренне полагали, что существуют уровни методологии: философская методология, общенаучная, конкретно-научная. При таком подходе о сколь-нибудь выраженной специфике психологического знания речи быть не могло; марксистско-ленинская философия выступала методологической основой психологии. Различия между отдельными дисциплинами могли описываться преимущественно в связи с некоторыми особенностями исследовательских процедур в данной предметной области. У М.С. Роговина был совсем другой взгляд...

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 г. в Москве. Поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Был призван в армию, прошел Великую Отечественную войну, участвовал в войне с Японией. Был командиром танка, затем, после ранения, инструктором, военным переводчиком. После войны М.С. Роговин окончил Военный институт иностранных языков, поступил в аспирантуру в МГИИЯ к известному отечественному психологу В.А. Артемову. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема понимания». В конце пятидесятых – начале шестидесятых работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР, преподавал на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина; в семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни Михаил Семенович заведовал кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете.

За это время им были написаны и опубликованы книги и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и другие. Всего в его библиографическом указателе около трехсот пятидесяти работ. «Основы лингвистической психологии» Михаил Семенович закончить не успел. В сентябре 1993 г. его не стало...

Итак, М.С. Роговин был в первую очередь методологом психологии. Слова Л.С. Выготского, сказанные некогда о К. Коффке, могут быть отнесены к Михаилу Семеновичу: «Он был прежде всего и до конца последовательным методологом». Эти слова, конечно же, надо отнести и к самому Л.С. Выготскому, который во всем стремился дойти «до самой сути», «до сердцевины», как было замечательно сформулировано великим поэтом.

Методология психологии в России складывалась как методология на исторической основе. Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн неоднократно подчеркивали, что подлинная

методология может существовать лишь на исторической основе. Замечательная книга М.С. Роговина «Введение в психологию» (1969) продолжала эту традицию. Михаил Семенович был исключительным знатоком истории психологической науки, что в значительной степени способствовало продуктивности его методологических исследований.

В наше непростое время часты ламентации: за годы господства коммунистической идеологии отечественная психология выпала из традиции, из мировой психологической науки. В значительной степени это так... Но были и такие люди, как М.С. Роговин. Прекрасное знание языков и любовь к науке позволяли ему «оставаться в традиции», прекрасно ориентироваться в зарубежной психологической науке, в тенденциях ее развития. Его многочисленные аналитические обзоры в журналах «Вопросы философии», «Журнал невропатологии и психиатрии» позволяли российским психологам приобщиться к научным поискам «буржуазных» ученых.

Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и др. [6], мастерски выполненные М.С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию современной зарубежной психологии. Его любимец – Пьер Жане – стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М.С. Роговина [5, 7, 8]. Джордж Келли – автор широко известной ныне теории личностных конструктов [14] и еще более широко используемой техники репертуарных решеток [13] – открыт нашей публике М.С. Роговиным. Его аспирантка И.Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов [2].

Научные интересы Михаила Семеновича отличались разнообразием: психология понимания и теория памяти, патопсихология и медицинская психология, история психологии и ее теория, сравнительная психология и этология, теория личности и когнитивная психология, структурно-уровневый подход к психике... Но главный его интерес составляли – я в этом убежден – методологические проблемы психологии. Его исследования были посвящены самым разным аспектам методологии психологической науки. В рамках небольшой статьи невозможно сколь-нибудь полно отразить его методологические поиски, поэтому ограничусь лишь упоминанием отдельных моментов.

В книге «Введение в психологию» М.С. Роговин утверждает, что есть три вида психологического знания, три психологии, – донаучная, философская и собственно научная. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного: трехчленные деления всегда были популярны. Достаточно вспомнить знаменитый контовский закон трех стадий, предполагающий наличие мифологического, метафизического и научного этапов в развитии знания. Однако, по мнению М.С. Роговина, донаучная, философская и научная психология не сменяют одна другую, а сосуществуют, образуя сложное единство, которое и является психологи-

ческим знанием. Взаимодействие этих составляющих, их взаимное влияние во многом объясняют специфику психологических концепций. М.С. Роговин отмечал: «В этой истории науки особое русло остается за развитием психологических понятий. Здесь донаучная и философская психология не сменяются научной психологией, а порождаемые повседневной деятельностью людей продолжают существовать и развиваться наряду с нею» [7. С. 377]. И далее: «С того момента, когда психология декларативно отделяется от философии и становится самостоятельной экспериментальной наукой, ее дальнейшее развитие, казалось бы, должно укладываться в схему тех закономерностей, которые устанавливаются и для других наук. Но этому препятствует особая линия развития систем психологических понятий, обусловленная сложным взаимодействием и взаимообуславливанием всех трех психологий (донаучной, философской и научной. – *В.М.*). Вследствие этого психологические понятия выступают как средство выражения особенностей человеческой деятельности, как средство фиксации и передачи опыта и вместе с тем как предпосылка и результат специально психологического исследования» [7. С. 378]. Роговину удастся создать завораживающую картину, отображающую проникновение познающего разума в тайны психического. Вся история психологии представлена как последовательность теоретических моделей, которые все более точно отражают сложнейший психический механизм.

Эта методологическая традиция была продолжена в небольшой, но чрезвычайно глубокой книге «Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы)». Понятие уровневой структуры, как представляется, недостаточно осмыслено самими психологами. Тем не менее все наиболее яркие достижения психологии двадцатого века были связаны с использованием понятий уровня и структуры.

В книге «Психологическое исследование» (1979) М.С. Роговин делает предметом анализа сам процесс психологического исследования. Особенно важным, на наш взгляд, является анализ проблемы объяснения в психологии. М.С. Роговин дает критический анализ известной работы Ж. Пиаже, показывая ограниченность схемы и типологии объяснения, предложенной выдающимся швейцарским психологом.

В монографии «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования», написанной в соавторстве с Г.В. Залевским, сделана попытка рассмотреть структуру психологического и психопатологического исследования, что является значительным шагом на пути построения общей методологии наук о психическом. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях – «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике –

«знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [12. С. 8].

Классификация методов (альтернативная известной ананьевской) была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским [12]. Авторы рассматривают метод «...как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» [12. С. 72].

Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический метод – выделение целостного объекта познания в науках о психике. Третий – метод наблюдения, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый метод – самонаблюдение: на основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический метод: субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания с максимальной активностью противостоит объекту, кроме того, учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез [12. С. 72–73].

Эта классификация интересна тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось, а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии «теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования» [12. С. 16]. М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что «сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода» [12. С. 16].

Мне кажется, что самое плодотворное время пришлось на семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда М.С. Роговин работал в Ярославле на кафедре общей психологии. Хорошо помню первое впечатление от лекций Михаила Семеновича, от общения с ним. Прошло много лет, но по-прежнему трудно назвать кого-либо, кто мог бы сравниться с ним в эрудиции, широте взглядов. Кстати, это едва ли не

единственный человек, который легко произносил слова, застревающие в горле у большинства вузовских преподавателей: «Ты знаешь, я этим никогда специально не занимался... Не знаю... Впрочем, посмотри там-то...». Сделанное Михаилом Семеновичем для Ярославского университета переоценить невозможно...

...И все-таки среди его научных увлечений главным было занятие методологией. Его первая большая книга «Введение в психологию», в сущности, является методологической. Но как же она не похожа на другие книги по психологии, выходившие в то время! В ней почти ничего не говорится про деятельность, про ее единство с сознанием... А описываются различные подходы, различные теории, за которыми можно увидеть единственный настоящий объект психологии [7]. Я помню то наивное, студенческое впечатление более чем тридцатилетней давности: значит, психология не может быть безнаказанно уложена в прокрустово ложе «одномерных» подходов советской психологии... Мне кажется, что книга «Введение в психологию» до сих пор не оценена по заслугам. Так бывает, когда исследование опережает время... *Geistzeit* иногда резвится...

Помню, Михаил Семенович рассказывал о трудной судьбе этой книги. Один из рецензентов – очень известный психолог, академик – вместо рецензии заявил: «Я читал, но ничего не понял». Для пособия, предназначенного студентам-психологам, согласитесь, рекомендация не лучшая. Тогда мне это казалось лишним подтверждением коварства академиков. А теперь я думаю, что, может быть, рецензент был искрен – новые идеи с трудом прокладывают дорогу. Во всяком случае, «Введение в психологию» до сих пор остается одним из немногих методологических исследований, раскрывающих всю сложность, многоплановость и неоднозначность психологической науки.

Историко-психологическое знание представляет собой важнейшую часть корпуса современного психологического знания. Согласно известной позиции, сформулированной в работе М.С. Роговина и Г.В. Залевского, могут быть выделены три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [12]. Еще раз подчеркнем: **знание историческое, согласно этой позиции, это единство знания предметного и знания методологического**. Без методологии слепа история, а без истории методология пуста.

Имре Лакатос, несомненно, прав. История психологии действительно позволяет – в полном соответствии с известным афоризмом Роберта Коллингвуда – узнать, что сделано, и тем самым понять, что представляет собой субъект деятельности. «Идея» истории справедлива не только по отношению к отдельному человеку, но и к науке в целом: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет».

Методологические поиски привели М.С. Роговина к разработке структурно-уровневого подхода к пониманию психики. Подхода, в котором удалось объединить в рамках единого исследования структурный, функциональный, генетический, клинический... Здесь нет возможности анализировать концепции, разработанные М.С. Роговиным. Скажу только об одном. Мне кажется, что главной целью Михаила Семеновича было создание такой теории, которой можно было бы пользоваться (именно не излагать, а использовать на практике). Поэтому он всегда с недоверием относился к отвлеченным построениям, высоко ценил клинический метод, позволявший работать с человеком в целом. «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из вида ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [7. С. 5].

М.С. Роговин был чрезвычайно скромным человеком. Тем не менее он прекрасно осознавал масштаб своего вклада в психологию. Структурно-уровневая концепция, которую М.С. Роговин со своими учениками разрабатывал в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия, осталась недооцененной... Как и многие методологические идеи, содержащиеся в работах М.С. Роговина. Психология XXI в. требует разработки новой методологии. Представляется, что работы М.С. Роговина могут оказать существенную помощь...

И, конечно, нельзя не вспомнить мудрость, оптимизм, неистощимый юмор Михаила Семеновича. Именно мудрость, а не умудрен-

ность. Я помню, что совсем не был удивлен, когда узнал, что его отец Семен Миронович Роговин был историком философии, профессором Московского университета, известным переводчиком (переводил Марка Аврелия и Спинозу, Канта и Юма, Макиавелли). Было что-то в М.С. Роговине от философа-стоика...

Конечно, хорошо бы завершить воспоминание на оптимистической ноте. Действительно, М.С. Роговин сделал очень много. Но я хочу сказать о том, чего он не сделал. Да, остались лекции, в частности по истории психологии. Но в лекциях Михаил Семенович раскрывался не полностью, из методических соображений он часто адаптировал учебный материал к уровню подготовленности студента. Его лекции всегда были ясными и понятными, какой бы проблеме ни посвящались.

Главной же для него была его научная деятельность. Бесконечно жаль, что он так и не написал свою историю психологии. Какая это могла бы быть история психологии, знают все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, работать вместе с ним, пользоваться его консультациями, читать его книги, наконец, просто иногда бывать у него в кабинете в доме на Университетском проспекте, где рядом со старенькой пишущей машинкой обязательно «находилась в работе» «свежая» монография на английском, французском или немецком языке...

Я уверен, что все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, помнят мудрого, знающего человека, психолога потрясающей эрудиции, автора многих книг по различным проблемам психологической науки, просто настоящего профессора...

Михаил Семенович Роговин опередил свое время. Точнее всего было бы назвать его не методологом, а философом психологии. Мне кажется, пройдет совсем немного лет, и в отечественной психологии появится полноценный раздел «Философия психологической науки». И тогда создатели новой философии психологии обязательно вспомнят Михаила Семеновича Роговина, одного из выдающихся философов психологии.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Сочинения: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
2. *Козлова И.Н.* Личность как система конструкторов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1975.
3. *Познавательные процессы и личность в норме и патологии.* Ярославль, 1995.
4. *Психотехнологии в социальной работе.* Ярославль, 1997.
5. *Пирковский С., Роговин М.* Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. С. 449–456.
6. *Развитие ребенка / Пер. М.С. Роговина.* М., 1968.
7. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М., 1969.
8. *Роговин М.С.* Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100–110.

9. *Роговин М.С.* Изменения семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
10. *Роговин М.С.* Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
11. *Роговин М.С.* Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
12. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
13. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
14. *Kelly G.A.* The Psychology of Personal Constructs. Vol. One: A Theory of Personality. N.Y.: W.W. Norton & Company Inc., 1955.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. – 460 с.

ISBN 5-94621-92-0

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системного структурно-уровневого подхода. Дается классификация широкого спектра фиксированных форм поведения персеверативного, стереотипного и ригидного. В центре экспериментально-психологического анализа находятся ригидность – гибкость в континууме predispositional-

ного фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируется дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значение проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межнациональных отношений.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ФИКСИРОВАННЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО¹

Н.В. Козлова (Томск)

Оценивая творчество Л.С. Выготского, А.Г. Асмолов отметил, что он оставил в наследство открытое пространство для творчества. Мы оцениваем таким же образом теорию фиксированных форм поведения Г.В. Залевского, которая стала для нас ориентиром, открывшим перспективы для научно-исследовательских и практических задач.

Г.В. Залевский относится к той плеяде психологов, которые умело сочетают в своем лице методолога и педагога, теоретика, экспериментатора и практика. Широта его научных взглядов, творческий потенциал, высокий полемизм и способность последовательно и многогранно разбираться в сложных проблемах определили две линии эволюционного развития теории фиксированных форм поведения. Первая – расширение пространства исследования феноменологии и природы психической ригидности, вторая – развитие психологических и психопатологических направлений исследований. В 80-х гг. прошлого века сформировалось научное сообщество, предметом внимания которого явились идеи Г.В. Залевского о роли ригидности и фиксированных форм поведения в различных сферах жизнедеятельности человека. Согласно Г.В. Залевскому, проблема фиксированных форм поведения является сложной, комплексной, относящейся к различным областям знаний, в связи с чем требует рассмотрения на уровне индивидуальных (личности) и групповых (семьи, профессиональных сообществ и организаций, этноса и общества в целом) систем, проявляемых в культурном и кросскультурном пространстве, образовании, науке, в норме и патологии [9].

Взгляды Г.В. Залевского на психическую ригидность как фактор, вызванный душевными, психологическими и физиологическими причинами, и на возможности ее ослабления, компенсирования или нейтрализации определили комплекс изучения психологических механизмов, ограничивающих поведение, вызывающих заболевание и снижающих эффективность восстановительной терапии. На этой основе разработаны научнообоснованные психодиагностика и практики профилактики и реабилитации больных нервно-психическими расстройствами [8, 10].

Я.В. Варлакова (Красноярск) определила психологические, психофизиологические и астенические составляющие психической ригид-

¹ Статья была опубликована в № 27 за 2008 г.

ности в патогенезе и психотерапии ишемической болезни сердца (ИБС). Ей удалось разработать комплексный диагностический подход к исследованию психической ригидности, определив ее психофизиологические составляющие, проявляющиеся в повышении или снижении значений омега-потенциала правого и левого полушарий головного мозга, скорости нивелирования межполушарной асимметрии функционального состояния головного мозга в ходе психотерапевтического сеанса, нарастании неврологической астении, неадаптивных личностных особенностях [14]. При этом ею показано отражение типа психической ригидности в клинико-патогенетических проявлениях ишемической болезни сердца. Реализация же программы снижения психической ригидности сопровождалась выздоровлением, коррекцией личностных отклонений, снижением астенизации, нормализацией нейрофизиологической реактивности. Данное направление изучения психической ригидности способствовало целенаправленному созданию специализированных лечебно-профилактических и реабилитационных программ, реализуемых в практиках лечения ИБС.

С позиции теории психической ригидности в работах Н.А. Зыковой (Екатеринбург) изучены основные психокоррекционные подходы в рамках терапии сердечно-сосудистых заболеваний детского и подросткового возраста, что позволило представить динамику изменений таких компонентов личностной сферы подростков, как актуальная ригидность, степень невротизации и наличие «опасных» моделей поведения [12]. Снижение уровня актуальной ригидности (до умеренного) привело к расширению эффективных моделей поведения, спектра эмоциональных переживаний, установочных реакций, повышению способности к более гибкому и адаптивному поведению. Особенности сано- и патогенеза, выявленные в ходе исследования, стали основанием объединения усилий врачей-кардиологов и клинических психологов для создания комплексной программы терапии и профилактики функциональных нарушений сердечного ритма.

О.А. Сагалакова (Барнаул) особое внимание уделила выявлению алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации с учетом индивидуально-типологических особенностей больных, страдающих социальной фобией [22]. Ею дана клинико-психологическая характеристика социальных фобий как психического расстройства, при котором формируется эмоционально-мотивационный конфликт между желанием удовлетворить значимую потребность, реализация которой возможна только в социальных ситуациях, и субъективной опасностью участия в ней. О.А. Сагалаковой выявлены основные характеристики алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации: высокий уровень психической ригидности как состояния и сенситивной ригидности, фиксированные формы поведения при осознании их иррациональности и преобладание ги-

постенических черт характера. Полученные данные стали основой психодиагностического обследования пациентов в сложных дифференциально-диагностических ситуациях, а также профессиональных практик клинических психологов и психотерапевтов.

Взаимосвязи между особенностями психологических защит, совладания и травматическим событием, пережитым личностью, стали предметом изучения С.А. Ошаева (Томск) в русле структурно-уровневой концепции психической ригидности [21]. Разработана комплексная интегративная модель влияния травмы на личность, учитывающая нозологические особенности, психологические защиты и стили совладания в процессе социальной адаптации лиц с пограничными нарушениями. Выделены различные варианты переработки интрапсихического конфликта с учетом характера травматического события у пациентов пограничного спектра. Раскрыты общие закономерности формирования вариантов личностного реагирования на травму с учетом психологических защит и стилей совладания. Обосновано применение сравнительного анализа психологических защит и стратегий совладания, а также сочетания методов психодиагностики.

Опора на теорию психической ригидности, в частности на ее структурно-уровневый характер, позволила Е.Н. Дмитриевой (Томск) выявить и обосновать особенности (общие и специфические) взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в структуре временной перспективы у детей и подростков с ДЦП [7]. Подобранный и адаптированный диагностический материал для изучения временной перспективы позволил автору разработать программу развития, формирования и коррекции с учетом формы заболевания и возрастных особенностей.

В этом же ключе представлено клинико-психологическое исследование А.К. Суровцевой (Томск), направленное на выявление особенностей субъективной оценки качества жизни депрессивных больных, которая не имеет линейной взаимосвязи с тяжестью заболевания, а определяется совокупностью факторов, связанных с личностными особенностями, социальными факторами и с биологическими механизмами патогенеза депрессивных расстройств [24]. Среди личностных особенностей автор особо выделяет психическую ригидность, которая определяет возникновение иррациональных мыслей, неадекватных когнитивных схем, страхи и депрессии. Полученные результаты, наряду с применением клинических шкал по оценке степени выраженности депрессии, активно используются в клинической практике стандартизированной самооценки уровня качества жизни, дают более полное представление о выраженности психического расстройства, позволяют провести динамическую оценку эффективности проводимой терапии.

Применение системного структурно-уровневого подхода явилось методологической основой для изучения формирования материнской функции, реализованного И.Л. Шелеховым (Томск). Им проведено

системное исследование влияния типа акцентуации личности, структуры ценностей и родительских установок беременных женщин на формирование материнской функции [17]. Результаты проведенных исследований позволили выработать эффективные методы профилактики, своевременной диагностики и коррекции нарушений материнско-детского взаимодействия, включая девиантные формы материнского поведения. А.Э. Карасева (Барнаул) рассматривает вероятность развития аномалий родовой деятельности в зависимости от особенностей темперамента и характера женщины, таких как нейротизм, экстраверсия, возбудимость, дистимность, гипертимность, застреваемость, ригидность [4, 13].

И.Я. Стоянова (Томск), базируясь на концепции фиксированных форм поведения, на выводах Г.В. Залевского о том, что психологическое содержание феномена ригидности проявляется в неспособности личности изменить свое поведение в связи с изменением ситуации, приверженности к однотипному образу действий, показала, что снижению эффективного взаимодействия и порождению психического заболевания способствует психическая ригидность, закрепленная в фиксированных (ритуальных) формах поведения [23]. Этот феномен может проявляться в преморбиде в особенностях реагирования личности на травму и в низком уровне поисковой активности. В качестве причины усиления психической ригидности у человека выступают фрустрация, тревога, страх, шок. При этом психическая ригидность может иметь различную направленность и интенсивность: проявляться у людей без нарушений здоровья, быть составляющей патопсихологического симптомокомплекса, а также характеризовать социальные взаимодействия, основанные на архаических представлениях и стереотипах. Социальное окружение может способствовать формированию фиксированных форм поведения, порождающих ограничения личностных ресурсов и возможностей саморазвития, поэтому выраженность психической ригидности как состояния либо личностной черты становится фактором, усиливающим архаические аспекты взаимодействия с реальностью.

Т.Г. Бохан (Томск) впервые установлена роль психической ригидности как общесистемного свойства в качественной динамике психологического стресса. При этом ею выявлено место психической ригидности в психологических условиях преобразования культуры в жизненный мир человека, обуславливающих подвижность многомерного мира и устойчивость человека как открытой психологической системы в трудных ситуациях у юношей народов Сибири, а также у пациентов с клиническим диагнозом «расстройства адаптации, связанные со стрессом» [2].

На теоретико-методологическом уровне (системная структурно-уровневая концепция психики) на значительном материале Г.Г. Буторин (Челябинск) проведено целенаправленное клинико-психологи-

ческое изучение донозологических психических состояний депривационного генеза и их динамики у учащихся начальных классов из родительских семей двух моделей (дисфункциональных и мигрантов) [3]. Полученные данные, уточняющие факторы риска возникновения и формирования депривационных психических состояний, их клинико-психологические особенности и личностные особенности детей, склонных к различным формам дезадаптивного поведения, используются сегодня для своевременного предупреждения и коррекции различных депривационных воздействий как в условиях семьи, так и в макросоциальном окружении.

Полученные учеными и практиками в ходе клинико-психологических исследований данные закрепляют аргументированные утверждения Г.В. Залевского, что фиксированные формы поведения, как неадаптивные по своему существу, при нервных и психических расстройствах приводят к исчезновению детерминации психической деятельности внешним миром. А это, в свою очередь, выступает фактором человеческих аномалий во всех сферах жизнедеятельности.

Положения теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского определили направления научных исследований и в области современного образования [9]. Сам автор теории отмечает, что произошел взрыв «закрытой» образовательной системы как части общего закрытого пространства, из которого вырвалась образовательная инициатива. Это, в свою очередь, породило жесткое столкновение традиционных и инновационных процессов. Исследования в этом контексте в рамках структурно-уровневого акционального анализа представлены на уровне средств (способов, методов, технологий) и на уровне целей (фактически на уровне парадигм).

Так, Т.Г. Гадельшина (Томск) вводит понятие и разрабатывает теоретические основания ресурсосберегающей стратегии обучения на основе структурно-уровневого подхода к пониманию психической адаптации учащихся [5]. Исследователем изучено влияние технологии концентрированного обучения на состояние психической адаптации как показателя ресурсосбережения у подростков и дана оценка эффективности применения ресурсосберегающей стратегии обучения в условиях концентрированного обучения, а также предложено методическое обеспечение ресурсосберегающей стратегии. Предложенный способ оценки педагогической технологии, основанный на динамическом сопоставлении факторов образовательной среды и индивидуально-психологических особенностей учащихся, способствовал использованию технологий реабилитации отдельных показателей здоровья и выработке единой концепции, что позволяет системно подойти к проблеме здоровья учащихся.

Опираясь на положения теории фиксированных форм поведения, в частности на выводы Г.В. Залевского, раскрывающего ригидность

как проявление индивидуальных черт субъекта, как содержательную характеристику внутреннего строения познавательной деятельности, О.В. Макаренко (Новосибирск) обратилась к феномену ригидности с позиции категории «способность» [14]. Рассматривая ригидность как относительную неспособность личности реорганизовать в определенной ситуации проблемный материал, она изучила влияние когнитивного стиля «ригидность – флексибельность» на стратегии, выбираемые учащимися в процессе решения творческих задач естественно-научного цикла [16]. В процессе исследования был обнаружен признак – «разрешение – неразрешение себе» решать эти задачи и, таким образом, показана роль флексибельности (личностный уровень) в когнитивном процессе.

С позиции структурно-уровневого подхода (как теоретико-методологической основы исследования) А.В. Воронина (Иркутск) провела оценку психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы. Это дало возможность в качестве показателя, позволяющего выявить «благополучную», «неблагополучную» и «группу риска» среди учащихся, рассматривать уровень психологического благополучия [25]. Понятие «психологическое благополучие» было определено как системное качество, к анализу которого был применен структурно-уровневый подход. В результате была разработана уровневая модель психологического благополучия. Полученные результаты позволяют преодолеть существующие расхождения во взглядах и терминологическую неоднозначность психологического благополучия через определение его как системного качества человека, а также найти путь к оценке психологического благополучия учащихся в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы.

Опора на теорию фиксированных форм поведения позволила Н.М. Заяц (Горно-Алтайск) как психологическую проблему рассматривать переход от социального статуса «выпускник школы – абитуриент» к статусу «студент вуза» молодых людей, поступающих в вуз. Данный переход определяется автором не только как закономерный возрастной этап развития личности, но и как жизненно важное событие, во многом определяющее ее (личности) развитие. Выход на новый социальный статус изучался с точки зрения актуализации внутренних потенциалов, которые определяют успешность поступления в вуз [11]. В качестве ресурсов личности выделены умеренная психическая ригидность, структурированность и гибкость ценностных ориентаций в отношении к новым условиям развития личности.

На материале образовательной среды высшей школы Т.Ю. Осипова (Кемерово) рассматривает единство коммуникативной флексибельности и коммуникативной компетентности как условий развития коммуникативной креативности студентов [19]. Это позволило соз-

дать методики по определению уровней развития креативности в межличностном общении и получить новые данные по связям между уровнями коммуникативной креативности и вторичной коммуникативной компетентностью, а также гибкостью у студентов. Коммуникативная компетентность и коммуникативная гибкость являются психологическими условиями, определяющими развитие коммуникативной креативности, что обеспечивает, как полагает Г.В. Залевский, «обобщенную готовность к восприятию перемен, характеризующих современную социальную ситуацию развития российского общества» [9].

Н.В. Серкова (Северск) изучила динамику психической ригидности в условиях дистанционного обучения [20]. Полученная структура внутрифункциональных связей свойств внимания при умеренном уровне актуальной и установочной ригидности показывает, что свойства внимания выступают в виде функционального единства, а это свидетельствует о хорошем состоянии внимания. В условиях компьютеризированной среды отчетливо проявляются нелинейные зависимости между уровнем психической ригидности и свойствами внимания, которые в обычной (некомпьютеризированной) среде не проявляются. При этом выявлены особенности взаимосвязи внимания и психической ригидности студентов и на этой основе выделены психолого-педагогические принципы дистанционного обучения.

Исследование особенностей личностно-профессионального становления студентов высшей школы, проведенное Н.В. Козловой (Томск), построено на рассмотрении этого процесса как формы проявления самоорганизации потенциально открытой системы [10]. Ею выявлены существенные характеристики личностно-профессионального становления в условиях реальной жизнедеятельности человека (в условиях высшего профессионального образования), раскрывающиеся в ценностно-смысловых измерениях многомерного мира и проявляющиеся в конструировании профессионального образа мира. Выявлено, что психическая ригидность, которая рассматривалась как показатель открытости/закрытости системы, представляет собой акмеологический инвариант профессионализма (т.е. обладает свойством универсальности и инвариантности), что обеспечивает активное саморазвитие специалиста вне зависимости от специфики профессиональной деятельности [10]. Кроме того, ригидность является наиболее информативным признаком выраженности уровня профессионального образа мира студентов, сложившегося у них в ходе профессионального образования.

Примечателен тот факт, что идеи Г.В. Залевского об открытости/закрытости систем определили значительный объем исследования высших проявлений психической организации человека. Как следствие реализации теории фиксированных форм поведения Э.В. Галажинским (Томск) предложено новое решение проблемы детерминации саморе-

ализации личности, позволяющее преодолеть сложившееся противоречие, суть которого заключается в том, что одни ученые продолжают считать самореализацию явлением, обусловленным присущей природе человека предопределенностью быть самоактуализирующимся существом, а другие, отрицая эту предопределенность, предпочитают говорить о процессуальной детерминации [6]. В результате решения этой проблемы общая теория ригидности получила определенное развитие за счет того, что континуум «ригидность – гибкость» выступил в новом качестве, а именно в качестве непринципиальных детерминант самореализации, обуславливающих степень открытости человека как самоорганизующейся системы. Динамизирующая непринципиальная детерминация является внеситуативной, определяется степенью «открытости – закрытости» человека как системы и обеспечивает устойчивость системы и ее подвижность, легкость или трудность ее выхода «за пределы», особенности перестройки поведенческих стереотипов и выработку новых норм. Этим условиям соответствует континуум «ригидность – гибкость».

Е.П. Федорова (Чита), используя структурно-уровневый подход к рассмотрению психической «ригидности – гибкости» во взаимосвязи личностных особенностей, поведения, комплекса характеристик ее феноменологии, установила факты взаимосвязи показателей континуума «ригидность – гибкость» с факторами, характеризующими процесс жизненного самоопределения [27]. Ею доказано, что наряду с «ригидностью – гибкостью» существуют другие «сквозные» (интегративные, общесистемные) характеристики открытости человека, в том числе смысловые ориентации, влияющие на процесс жизненного самоопределения. На основе полученных данных разработана модель факторной структуры самоопределения и самих факторов («активность в самоопределении», «ригидность – гибкость», «смысловые ориентации»), позволяющих определить содержательные характеристики процесса жизненного самоопределения.

И.Н. Чикишева (Томск) показала роль психической ригидности как одной из основных характеристик жизненной стратегии в процессе совладания управленцами с проблемными ситуациями [28]. В ее исследовании определены личностно-ситуационные «эталон-ресурсы» и «мишени-препятствия» профессионального развития управленцев среднего звена. Выявлен характер синергичности взаимосвязи основных характеристик жизненной стратегии и копинг-стратегии, где психическая ригидность оказывает влияние на особенности этих взаимосвязей. Установлено, что психическая ригидность выступает основной характеристикой жизненной стратегии управленцев среднего звена. Полученные данные стали основанием для разработки теоретической концепции проблемы совладающего поведения в трудных ситуа-

циях и для понимания субъективных факторов, определяющих характер кризиса в возрасте зрелости.

На основе методологии структурно-уровневой концепции психики И.М. Трофимовой (Кемерово) исследованы особенности динамики креативности и флексибильности молодых руководителей в условиях применения групповых активных методов обучения [26]. Объектом экспериментально-психологического исследования стали творческие способности молодых руководителей в виде таких составляющих, как креативность и флексибильность, исследованные в специально организованных условиях творческой активности. Установлено, что креативность входит в структуру личностной флексибильности молодых руководителей, являясь ее когнитивной составляющей. Она имеет многоуровневую структуру, низший уровень которой определяет поиск новых средств достижения поставленной цели, а высший – новых целей. Выявлена позитивная роль групповых активных методов обучения в динамике креативности и флексибильности как форм спонтанного проявления творческих резервов личности молодого руководителя.

В значительном количестве публикаций Г.В. Залевского отражен интерес к среднему возрасту, который определяется рядом обстоятельств: спецификой возрастных особенностей людей этого периода; наличием определенного «провала» в научных знаниях о нем; переживаниями людьми этого возраста в условиях нашей страны того, что автор обозначил как «второй экзогенный удар» – ломка привычных стереотипов и новые социально-экономические условия существования, поскольку первый «удар» связан с началом «инволюционной» фазы (псевдопубертантностью) и необходимостью в связи с этим оказания людям этого возраста социально-психологической помощи, учитывая при этом как социально-профессиональную стратификацию, так и их половые особенности. Л.Н. Антропьянская (Томск), опираясь на эти представления и идеологию структурно-уровневого подхода, создала уровневую модель адаптации человека среднего возраста к современному социуму [1].

В.А. Непомнящая (Томск) считает важным для понимания становления человека как психической системы свойство ригидности, которое может способствовать игнорированию возможностей саморазвития и самореализации [18]. Акциональная теория ригидности и фиксированных форм поведения, с ее точки зрения, определяет способ изучения многомерного мира посредством выявления особенностей взаимосвязи субъективного качества жизни со смысложизненными ориентациями и психической ригидностью. Введение данных параметров позволило определить уровни становления многомерного мира человека в период молодости и обосновать возможность использования категории «субъективное качество жизни» в психологии развития. Ею показана роль психической ригидности как системного свойства, обуслов-

ливающего неприятие нового как ценности, что препятствует оптимизации смысложизненных ориентаций и субъективного качества жизни на этапе смены социальной ситуации развития. Установленные зависимости актуального субъективного качества жизни во взаимосвязи с особенностями смысловой сферы и психической ригидностью стали основанием для прогнозирования вариантов индивидуального развития в молодости.

Автором теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевским отмечалось, что учение о психической ригидности развивается в направлении феноменологии самоидентичности, структурирования практики психологической помощи [9]. Именно в этом направлении проведено исследование О.В. Лукьянова (Томск) [15]. Учение о психической ригидности развивается им в аспекте своевременности и современности человеческого поведения. Автор доказывает, что фиксированные формы поведения, кроме своей предметной фиксированности, проявляют и временную, темпоральную, и транстемпоральную фиксированность. Это особенно важно при изучении сферы возможного, потенциального, сферы становления человеческого бытия, экзистенции. Психическая ригидность изучается не только как проблема, но и как критерий понимания динамических проблем становления и бытия личности, критерий понимания форм экзистенциального опыта. Автором феноменологически описаны смыслы, качества психической ригидности. Полученные результаты используются при построении концепций социальных и психологических практик, таких как экзистенциальная социотерапия, управление образовательными рисками и др.

Опираясь на теорию фиксированных форм поведения, В.Г. Залевский (Барнаул) сделал вывод о необходимости выделения особой предметной области психологической науки – фиксированных форм экономического поведения [9]. Он ввел понятие «фиксированные формы экономического поведения индивидуальных и групповых систем». Это поведение, реализуемое относительно базисных экономических категорий, к которым относятся как собственно «опредмеченные» феномены, так и феномены «ментальные». К первым он причисляет деньги и их эквиваленты (ценные бумаги, акции...), собственность (имущество, средства производства...); ко вторым – такие понятия (или, более того, архетипы), как «богатство – бедность», «заработок – прибыль». Суть его исследования состоит в том, что социоэкономическая среда, имманентно характеризуясь высокой степенью подвижности, изменчивости, требует от системы любого типа высокого уровня развития адаптационных способностей и, в самом широком, интегральном смысле, психической флексибельности. Таким образом, в подобных исследованиях подтверждаются идеи Г.В. Залевского о тотальных проявлениях ригидности как на уровне индивида, так и на уровне больших и малых групп («физическое» и «юридическое» лицо).

Проведенный анализ современных исследований, опирающихся на теорию фиксированных форм поведения и направленных на анализ и поиск путей оптимального развития человека в различных сферах жизнедеятельности, свидетельствует об их перспективности и высокой результативности. Отмеченные работы имеют иллюстративный характер и являются наглядным примером развития теории Г.В. Залевского, которая может служить своеобразным ориентиром в проблемном поле современной психологии. Кроме того, сам Г.В. Залевский продолжает развивать свои представления о природе и сущности фиксированных форм поведения. Он систематизировал имеющиеся в мировой психологии представления о феномене фиксированных форм поведения в виде системно-сетевых моделей фиксированных форм поведения и предложил концепцию избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем, которые стали методологическим основанием многих современных исследований томской психологической школы [8–10].

Подводя общий итог, нужно отметить, что столь широкие, глубокие и последовательные исследования напрямую связаны и с самим ученым – профессором Г.В. Залевским, создавшим принципиально новое направление фундаментальных и прикладных исследований феномена фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем.

Литература

1. Антропьянская Л.Н. Особенности социально-психологической адаптации людей среднего возраста (45–60 лет) в зависимости от их профессиональной принадлежности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 21 с.
2. Бохан Т.Г. Психологические характеристики в системе детерминации совладающего поведения в трудных ситуациях подростков и юношей народов Сибири // Психическая и социально-психологическая адаптация: проблемы теории и практики. Челябинск, 2005. С. 12–16.
3. Буторин Г.Г. Психология депривационного дизонтогенеза в детском возрасте. Челябинск: АТОКСО, 2001. 236 с.
4. Ветчанина Е.Г., Залевский Г.В., Мальгина Г.Б. Значение психической ригидности при психоэмоциональном стрессе беременных // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. по перинатальной психологии. СПб., 2002. С. 163–164.
5. Гадельшина Т.Г. Ресурсосберегающая стратегия концентрированного обучения учащихся 7–11 классов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2003. 22 с.
6. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 43 с.
7. Дмитриева Е.Н., Левицкая Т.Е. Гибкость мышления как личностный ресурс детей и подростков, страдающих ДЦП // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность (Электронный вариант). Томск, 2004. С. 411.
8. Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Иркутск, 2005. С. 40–45.
9. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Москва; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 460 с.
10. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность – флексибельность как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2006. № 22. С. 146–149.

11. Заяц Н.М. Психическая ригидность – флексибельность как психолого-педагогическая проблема // Развивающее образование XXI века. Горно-Алтайск: Школа развивающего образования А.В. Петрова, 2003. С. 78–85.
12. Зыкова Н.А. Психокоррекционная работа в комплексной антиаритмической терапии функциональных нарушений сердечного ритма подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 22 с.
13. Карасева А.Э. Психологические особенности женщин с перенесенной беременностью // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 3 (21). С. 108–111.
14. Кожевников В.Н., Варлакова Я.В., Карташева К.С. Психическая ригидность в этиопатогенезе невротических расстройств в кардиологической клинике // Вестник РГМУ. 2006. № 2 (49). С. 78–79.
15. Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник ТГУ. 2007. № 298. С. 179–186.
16. Макаренко О.В. Динамика когнитивного стиля «ригидность – флексибельность» посредством решения творческих задач естественно-научного цикла учащимися // Педагогическое обозрение. 2003. № 33. С. 11–12.
17. Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л. Материнство в зеркале невротического конфликта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 1 (45). Серия: Психология. С. 91–94.
18. Непомнящая В.А. Особенности становления личности в молодости на этапе изменения социальной ситуации развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2005. 21 с.
19. Осипова Т.Ю. Возможности развития коммуникативной компетентности студентов технического вуза // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 11. С. 47–52.
20. Серкова Н.В. Особенности динамики развития внимания и психической ригидности студентов в дистанционном и традиционном обучении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2000. 23 с.
21. Ошаев С.А., Стоянова И.Я. Сравнительный анализ механизмов совладания и архаических форм психологической защиты у больных с невротическими нарушениями // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 10. С. 77–80.
22. Сагалакова О.А. Социальная фобия: психосемантический анализ устойчивых алгоритмов реагирования на социальные ситуации // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 62–69.
23. Стоянова И.Я. Психологические особенности системно-уровневой модели адаптации у больных с расстройствами психологического спектра // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3. С. 94–98.
24. Суровцева А.К. Особенности социальной адаптации при депрессивных расстройствах // Сб. материалов международной научно-практической конф. / Под ред. Н.А. Корнетова. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2003. С. 218–321.
25. Тирещенко А.Г., Воронина А.В. Индивидуально-типологические свойства в контексте проблемы психического здоровья // Stadium I: Материалы ежегодной науч.-практ. конф. студентов и соискателей. Иркутск, 2000. С. 160–163.
26. Трофимова И.М. Возрастные и профессиональные факторы трансформации личности молодых руководителей // Проблемы психологии и эргономики. Ярославль; Тверь: МАПН, 2000. С. 45–50.
27. Федорова Е.П. О возможностях исследования проявлений личностной ригидности в процессе профессионализации // Психосинергетика и образование: Материалы I Забайкальской межрегиональной школы молодых ученых. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. С. 81–85.
28. Чикешева И.Н. Личностно-ситуационные предпосылки профессионального развития управленцев среднего звена (на примере управленцев нефтегазодобывающего комплекса): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 21 с.

МАТЕРИАЛЫ К IV СИБИРСКОМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ФОРУМУ

УДК 159

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: «СХИЗИС» И КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ

А.В. Юревич (Москва)

Аннотация. Рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии, «схизис» между которыми традиционно удручает психологов. Автор показывает, что их расхождения сохраняются, несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о «схизисе» во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки.

Ключевые слова: исследовательская, академическая и практическая психология; «схизис»; социальная релевантность; социальные функции; фундаментальная и прикладная наука; технологии.

Расхождения и сближение

Прошло более 15 лет с тех пор, как один из наиболее известных представителей исследовательской и практической отечественной психологии Ф.Е. Василюк охарактеризовал взаимоотношения между ними как «схизис» [3], подчеркнув, что «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [4. С. 26]. Ранее Р. Ван дер Влейст сетовал на то, что исследовательская и практическая психология используют разные «языки», «единицы» анализа и «логики» его построения [46]. А еще раньше озабоченность взаимоотношениями исследовательской и практической психологии выражали Л.С. Выготский [7] и другие классики психологической науки, причем под каж-

дым их словом наверняка подписался бы любой современный психолог, и не потому что они – классики, а потому что с тех пор, вроде бы, ничто не изменилось.

В конце истекшего столетия регулярно констатировались не только сохранение, но и возрастание разрыва, причем, по мнению ряда авторов, оно было связано с тем, что психологическая практика активно впитывала методологию и культуру постмодернизма, в то время как академическая психология не освободилась от влияния позитивизма. Например, Д. Полкинхорн выделял такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, неопрагматизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависимого от контекста. Он подчеркивал, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, правда, признав, что «близкие к практике» психологи-исследователи тоже преуспевают в ее освоении и распространении, и констатируя появление в психологическом сообществе нового «слоя», служащего связующим звеном между двумя его полярностями – «чистыми» практиками и «чистыми» исследователями [38]. Л. Сасс уловил в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымышленность, акцентировав их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии¹ [40]. А К. Герген отметил, что, в отличие от академической психологии, современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате, по его мнению, теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте психолога [32].

На взаимоотношения исследовательской и практической психологии сказывается изменение количественных пропорций между ними. Так, М. Розенцвейг констатирует, что интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 50-х гг. прошлого века, является стремительный прогресс практической психологии на фоне замедления в развитии традиционных, академических областей исследования. Розенцвейг показывает интернациональный характер этой тенденции, проследив ее в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. [39].

¹ При этом Л. Сасс полагал, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред терапевтической практике [40].

При этом в индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как «плато», в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте [Ibid.]. А В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение: подобная тенденция может привести к тому, что мы будем иметь «психологию без науки» [41. С. 476].

Быстрое возрастание количества психологов-практиков на фоне стабилизации численности академических психологов² обостряет и без того непростые отношения между ними, а в некоторых странах приводит к расколу психологических ассоциаций [39]. На подобные проблемы накладываются сложности, обусловленные спецификой практической психологии в разных странах. Например, в нашей стране психологическая практика страдает неупорядоченностью, отсутствием лицензирования и сертифицирования, переполнена сомнительными личностями, не имеющими психологического образования, и т.п. В.Б. Хозиев отмечает, что, в отличие от академической психологии, «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» [21. С. 190]. «Теневой» характер этой ниши дополняется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний «консультативных случаев» в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» [Там же. С. 190].

В то же время при всех расхождениях между академической и практической психологией можно разглядеть и некоторые тенденции к их сближению. К примеру, признание значимости «единичных случаев» и изучение уникальных жизненных ситуаций, в котором обычно видится одна из главных особенностей практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде установок последней. Скажем, Л.С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» [7. С. 405], при этом констатируя, что «засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии» [Там же. С. 402]. А в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (case studies) и сопутствующий его применению качественный анализ получают все большее распространение³.

² Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук. Как отмечает Б.И. Пружинин, в течение всего XX столетия удельный вес прикладного исследования нарастал, а доля чистой науки сокращалась [17]. Но особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время.

³ То же самое происходит в социологии и других смежных с психологией науках.

Можно разглядеть и встречный вектор – погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениями самих сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование – в контексте их изучения – опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями [42]. В качестве формы сближения исследовательской и практической психологии можно трактовать и тот очень характерный для современной России факт, что многие психологи, занимающиеся психологической практикой в различных организациях, «без отрыва от производства» пишут диссертации, которые оформляются в соответствии с канонами академической психологии, а необходимый для этого материал набирают в процессе своей практической деятельности. В результате традиционное разделение *исследовательской* и *практической* психологии во многом утрачивает смысл, поскольку практическая психология тоже имеет исследовательскую составляющую, что, впрочем, не означает, что стираются ее базовые отличия от академической психологии как не просто исследовательской, а *фундаментальной* науки.

Наметились и другие направления сближения. Например, *теории*, ставшие одним из символов академической психологии и традиционно отвергаемые практической психологией как чрезмерно «академические», сейчас тоже адаптируются к потребностям практики. В частности, на психологических конференциях, в особенности на «научно-практических», которые сами по себе стали знаковым явлением, знаменуя стремление объединить психологическую науку и практику, «большие» психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно эксплуатируются «малые» теории и теории «среднего ранга», позволяющие упорядочить ту или иную сферу реальности. Нередко подобные теории и рождаются в процессе практической деятельности психологов⁴, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить ее. В качестве «академической» формы деятельности практических психологов можно рассматривать и осуществляемый ими *методологический анализ* психологической практики, явившийся естественной реакцией на ее разрастание и усложнение [5, 10 и др.].

Таким образом, исследовательская психология постепенно осваивает направления работы, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология – характерные для исследовательской, что неизбежно порождает их когнитивное сближение. Однако, пожалуй, еще более заметно «наведение мостов» между ними в со-

⁴ Т.В. Корнилова называет их «особыми практико-ориентированными теориями» [12].

циальной плоскости, т.е. сближение соответствующих страт психологического сообщества.

Во-первых, в этом сообществе всегда существовали его представители, подобные цитируемому выше Ф.Е. Василюку, которые сочетали успешные занятия академической и практической психологией, при этом, если вновь обратиться к его цитате, зная фамилии и директоров академических институтов (которых, кстати, совсем немного), и «звезд» психологической практики, к числу которых сами и принадлежали. Так что социальный «схизис» между двумя видами психологии всегда носил относительный характер.

Во-вторых, в начале 1990-х гг., когда на зарплаты академических психологов нельзя было прожить (в дальнейшем ситуация улучшилась, но не принципиально), начался их массовый отток в практику, а еще более характерной стала их двойная занятость, сочетание хорошо вознаграждаемых занятий практикой с принадлежностью к академическим и образовательным учреждениям. В результате и в нашей стране разрастался тот слой «близких к практике» исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн [38], а также, наоборот, «близких к исследованиям» практиков.

В то же время если не «схизис», то, употребляя другой термин Ф.Е. Василюка, «диссоциация» между исследовательской и практической психологией по-прежнему сохраняется. Сообщества психологов-исследователей и психологов-практиков хотя во многом и пересекаются, в своей основной части достаточно далеки друг от друга. Главное же – практическая психология по-прежнему опирается преимущественно не на то знание, которое генерирует исследовательская психология, использует иной терминологический аппарат, свои объяснительные принципы и т.п. То есть разобщенность «двух психологий» сохраняется как в когнитивном, относящемся к психологическому знанию, так и в социальном, выражающем состояние психологических сообществ, ракурсах, и пока трудно уловить какие-либо тенденции к радикальному изменению ситуации. При этом наблюдаются рассогласования между ними и в образовательной сфере. Например, выпускники психологических вузов вынуждены, в силу существующих образовательных стандартов, писать дипломы, представляющие собой мини-диссертации, построенные в соответствии с классическими стандартами академической науки (обзор исследований проблемы, гипотезы, эмпирическое исследование, статистический анализ полученных данных и т.п.) и тестирующие их способность заниматься академической наукой, в то время как подавляющая их часть идет в практику и заниматься наукой никогда не будет. А многие из них, получив классическое психологическое образование, затем направляются получать второе образование в учреждения, «доучивающие» их практической психологии.

Подобная ситуация вызывает неудовлетворенность обеих сторон, причем наиболее заметно ее проявляют представители практической

психологии, систематически обвиняющие психологов-исследователей в том, что вырабатываемое ими знание в основном носит «бумажный» характер (научные статьи, книги, диссертации) и мало полезно или вообще бесполезно для практики. Против этого трудно возразить, поскольку, скажем, главный продукт эмпирических исследований в психологии – коэффициент корреляций между изучаемыми переменными – действительно очень далек от того, что востребовано практическими психологами.

Х. Куликан, например, задается вопросом: «Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?» [29. С. 170]. Данное обстоятельство отмечается также Р. Харре [33] и многими другими авторами. М. Бунге констатирует: «Предельная точность, являющаяся целью научного исследования, в большинстве случаев оказывается бессмысленной или даже мешает при практической деятельности» [28. С. 335].

Принцип «воплощения»

В то же время уместен вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения между практической и академической психологией *в идеале*, который, как и всякий идеал, в реальности недостижим, но может задавать полезные ориентиры. При этом целесообразно сразу же вынести за скобки вопрос о том, кто – «гора», а кто – «Магомед», и в каком направлении должно строиться взаимодействие между исследовательской и практической психологией: должны ли психологи-практики читать академические журналы, посещать академические конференции, чего они в своем большинстве не делают, впитывать в практику то знание, которое вырабатывает исследовательская психология, или, наоборот, психологи-исследователи должны быть более чувствительны к запросам психологической практики и производить знание в соответствии с ними. Во втором случае уместно вспомнить Г.П. Щедровицкого, который еще в начале 1980-х гг. писал: «Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы» [23. С. 140].

Наверное, у каждого психолога, озабоченного проблемой взаимоотношения «двух психологий», имеются и свои представления об идеальной модели. При всем разнообразии этих представлений они,

как и многое в психологии, формируются на основе видения психологами ситуации в «благополучных» – естественных – науках. Например, представления о том, что физики вырабатывают некоторое знание, с помощью которого изобретаются автомобили, самолеты, телевизоры и холодильники, биологи открывают законы, на основе которых медики лечат своих пациентов, открытия химиков ложатся в основу пластмасс и других полимеров и т.п. Но так ли это в действительности, не подменяется ли реальная картина происходящего в естественных науках упрощенными бытовыми представлениями?

Известный социолог науки М. Малки пишет: «...если мы обратимся к релевантным эмпирическим данным, то обнаружим мало указаний на существование явной или тесной связи между фундаментальными научными исследованиями и большей частью технологических разработок» [14. С. 99]; он считает проблематичной упрощенную точку зрения, согласно которой «передовая технология индустриальных обществ является непосредственным продуктом растущего корпуса фундаментального научного знания» [Там же. С. 102]. Это выражается, в частности, в минимальном количестве перекрестных ссылок и различии паттернов внутреннего цитирования в научной и технологической литературе: «Насколько можно судить по результатам анализа цитирования, наука обращается к предшествующей науке, а технология – к предшествующей технологии» [Там же. С. 100].

Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х гг. под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что *во всех* рассмотренных случаях инновации не были следствием достижений фундаментальной науки, а непосредственно «вытекали» из предшествующей технологической деятельности [36]. Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии: «Мы обращали особое внимание на связь фундаментальной науки с инновацией... То, что нам удалось обнаружить лишь незначительное количество случаев такой связи, тем более удивительно, что мы специально ее искали» [34. С. 12]. Е. Лейтон, обобщивший подобные исследования, пришел к выводу, что «прежняя точка зрения, согласно которой фундаментальная наука производит все знание, затем использующееся в технологических разработках, явно не способствует пониманию современной технологии» [35. С. 210].

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что взаимодействие фундаментальной науки с практикой строится в соответствии с так называемым принципом «воплощения»: новое научное знание «воплощается» в определенной процедуре или некотором устройстве вро-

де транзистора, которое в дальнейшем используется при производстве новой техники, а ее последующие поколения вырастают не из исходного научного знания, а из внутренней логики развития техники [14]. То есть из науки в практику переносится некоторая фундаментальная идея, которая обретает там свою новую жизнь и развивается в соответствии с запросами самой практики.

Много аналогий подобной ситуации можно обнаружить и в психологии: «Всякий раз как фундаментальная наука используется в качестве основания для технологической науки, она требует значительного переформулирования» [Там же. С. 102]. Так что «расхождение языков» академической и практической психологии тоже представляет собой вполне естественное и не специфическое для этой науки явление.

М. Малки идет еще дальше, на ряде примеров показывая, что связь современной технологии не только с фундаментальной, но даже с *прикладной* наукой, а стало быть, и с наукой вообще, отнюдь непростая. Он пишет: «...даже если мы на время оставим в стороне фундаментальную науку и сосредоточимся на вкладе в технологию прикладной науки, все же представляется сомнительным, что большая часть современной технологии вытекает более или менее непосредственным образом из научного знания» [Там же. С. 103]. То есть если бы «схизиса», который так удручает психологов, скажем, сообщества физиков-фундаментальщиков с сообществами конструкторов самолетов, автомобилей, компьютеров, не существовало, если бы «фундаментальщики» попутно усовершенствовали все это, а техники параллельно занимались фундаментальной наукой, это выглядело бы очень странно и не пошло на пользу тем и другим. Подобное часто случалось во времена Архимеда или формирования науки Нового времени, но сейчас если и происходит, то в виде исключений из общего правила, диктуемого элементарным *разделением труда*.

На описанную ситуацию, демонстрирующую неадекватность ожиданий в отношении фундаментальной науки, накладывается их особый характер в нашей стране. «У нас вечно путают чистую науку с прикладной» (цит. по: [17. С. 113]), – писал П.Л. Капица в те годы, когда в нашей стране науку еще чтили и уважали. В частности, академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика – чинить телевизоры и холодильники. Подобные неадекватные ожидания предъявляются и к представителям других социогуманитарных наук, в связи с чем социолог М. Задорин подчеркивает: «Строго говоря, настоящий служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике» [9. С. 69].

Еще одно обстоятельство, связанное с подобным кругом проблем и тоже опровергающее распространенный в психологическом

сообществе стереотип, состоит в том, что практика вовсе не обязательно является критерием истины, а *практическая эффективность представлений, генерируемых практическими психологами, не служит подтверждением их адекватности*. М. Малки отмечает: «При рассмотрении тех практических применений, которые действительно вытекают из научных исследований, важно помнить о том, что большая часть (если не все) систем знания дала успешные практические применения – даже такие системы, как вавилонская мифологическая астрономия, общие принципы которой мы теперь считаем явно ложными» [14. С. 103].

Здесь уместно провести аналогию с психоанализом. «Явно ложной» эту систему взглядов в психологии не считают, но нередко характеризуют как набор «психотерапевтических мифов» [16] и подчеркивают: «Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор» [1. С. 191]. Вместе с тем психологическая концепция, имеющая в практической психологии наиболее широкое применение, это, несомненно, психоанализ, а эффективность основанной на нем психологической практики есть свидетельство его адекватности *в качестве теории*. Рассматривая подобные случаи, М. Бунге приходит к симптоматичному выводу: «...теории, являются ли они научными или технологическими, сущностными или операционными, проверяются в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке» [28. С. 336]. Это звучит и как антитеза кондовому марксизму: практика *не* является критерием истины. Отсюда же можно вывести и ответ на броский тезис Ф.Е. Василюка о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики», в свою очередь сформулированный как антитеза догмату советских времен: «нет ничего практичнее хорошей теории». С этим можно согласиться, да и то с оговорками (думается, что хорошая теория все же «теоретичнее» хорошей практики), только в том случае, если онтологическая достоверность теорий не особенно важна.

Социальная релевантность психологии

Уместен и еще один вопрос: а что вообще представляет собой практика применительно к психологической науке, какова область практических приложений этой дисциплины? Естественно, проще всего на него ответить, указав, что это и есть практическая психология в ее нынешнем виде; то, чем она занимается, охватывает *всю* область практического применения психологии. Но так ли это?

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия – участие в социальном конструировании порядка и контроля; 2) осмысление, прояснение и объяснение происходящего в обществе; 3) политическая мобилизация – созда-

ние основы для политических действий масс [25]. Отметим, что подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от их типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно *когнитивных, а не социальных функций*: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т.д.⁵ Но можно ли утверждать, что, например, психоанализ – не только как практика, но и как *теория*, который иногда характеризуется как «новая религия современного западного общества» [2], и теперь уже не только западного, выполнял и выполняет только когнитивные функции? Подчеркнем и то, что, во-первых, представления Б. Адама и Ю. Ван Луна о социальных функциях научных теорий могут быть как расширены, так и скорректированы в отношении психологии⁶, во-вторых, распространены не только на теории, но и на другие виды знания.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть *социально релевантной* наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо больше, нежели активную вовлеченность в практику [37]. Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении важнейших *социальных проблем*, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение ею *мировоззренческой функции* – выработку и трансляцию в массовое сознание образа общества и происходящего в нем [Idid.]. При этом, несмотря на то, что, по словам Г. Башляра, «психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все» (цит. по: [6. С. 42]), Московичи характеризовал уровень социальной релевантности психологии как довольно низкий.

Показательны и другие подобные идеи известных ученых. А. Бандура подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в «изменении функционирования социальной системы» [26. Р. 323]. Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед ней Б.Ф. Скиннер, такие, например, как реформа пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии [43]. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», – писал А. Маслоу (цит. по: [22. С. 521]). Один из классиков отечественной методологической мысли – Г.П. Щедровицкий – говорил, что «психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном поворо-

⁵ В то же время существуют и исключения из этого правила. Например, А. Бандура писал: «О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения» [27. С. 4].

⁶ В частности, третья функция более характерна для политически релевантных теорий, но на ее месте в контексте психологии возникают другие, не менее существенные.

те, ракурсе» [23. С. 141]⁷. Ф. Риф подчеркивал, что к середине XX в. доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического [20]. М. Розенцвейг в 90-е гг. прошлого века констатировал: «Сейчас психологическая наука – это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся» [39. С. 82]. И не случайно с 1980 по 1991 г. количество психологов в мире удвоилось главным образом за счет психологов-практиков [Ibid.].

Приведенные высказывания не следует воспринимать как «романтические призывы», имеющие отделенное отношение к реальной жизни. Они отражают тот очевидный, но иногда забываемый факт, что главная задача любой социогуманитарной науки – *сделать человека и общество лучше*, и это – отнюдь не романтическая, а вполне практическая цель, которая придает главный социальный смысл и академической, и практической психологии.

Как с этих позиций выглядит отечественная практическая психология? С большим огрублением ее можно разделить на две части: 1) ориентированную на интересы конкретных клиентов и 2) удовлетворяющую потребности общества в целом. Конечно, можно задать вопрос, кто решает, в чем состоят интересы общества; при этом следует указать, что интересы клиента и интересы общества часто совпадают. И действительно, психологи, работающие в таких структурах, как МЧС, оказывая помощь жертвам катастроф и терактов, не только помогают конкретным людям (хотя в данном случае такие люди – не «клиенты» в традиционном смысле слова), но и решают важнейшие общесоциальные задачи. Однако большая часть коммерческой психологии обслуживает конкретных клиентов с презумпцией о приоритете их интересов и в отсутствие заботы о том, как эти интересы соотносятся с интересами общества. Иногда отчетливо проявляется и конфликт интересов, например, в случае психологов, обслуживающих политиков. В.Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли, что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле – людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» [19. С. 42]. Скорее всего, ведают, но руководствуются характерной для нашего бизнеса формулой: клиент всегда прав.

«Клиент» же академической психологии – это общество в целом, а немалое количество академических психологов, работающих «на себя», принципиально не изменяет ситуацию: наука в любом обществе выполняет социальный заказ, транслируемый в исследовательскую практику через соответствующую сеть институтов. Так что психологи-

⁷ Р. Коллигвуд выразил похожую мысль менее лестным для психологии образом, определив ее как «модное наукообразное мошенничество эпохи» [11. С. 376], вместе с тем подчеркнув, что «она и есть то знание, которого ищет мир» [Там же. С. 376].

ческая практика в масштабах академической науки соразмерна глобальным психологическим проблемам нашего общества, которыми практическая психология не занимается, что порождает неизбежное расхождений адресатов «двух психологий».

В таблице перечислены некоторые показатели состояния современного российского общества, свидетельствующие о том, что это – тяжело больное общество, а его социальные болезни имеют непосредственное отношение к психологии. Естественно, и практические психологи должны вносить и вносят свой вклад в его «излечение». Но все ли перечисленные в таблице проблемы могут быть если не решены, то хотя бы смягчены ими?

Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2009 г.

Показатель	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100 000 жителей	15,1	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100 000 жителей	26,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 000 жителей	15	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 жителей	14,5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	68,67	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Естественный прирост населения на 1 000 жителей	–1,8	9-е место с конца в Европе
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100 000 жителей	80,8	3-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии и Латвии
Количество разводов на 1 000 жителей	4,9	1-е место в Европе
Число аборт на 1 000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	34,2	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке, %	26,1	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место в Европе
Индекс коррупции 2010 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,1	154-я позиция в мире (наряду с Кенией, Лаосом, Таджикистаном и Камбоджей) из 178 возможных

Примечание. Источники: [8, 18, 30, 31, 44, 45].

Например, огромное ежегодное количество жертв ДТП превышает наши потери в Афганской войне (для сравнения: в Швейцарии в 2010 г. в ДТП погибло 8 чел). Общеизвестно, что основными причинами являются не столько плохие дороги и автомобили, сколько психологические особенности наших автомобилистов: их повышенная аг-

рессивность, пониженное чувство социальной ответственности, привычка пить за рулем и т.п. Чтобы улучшить ситуацию, необходимо, в частности, изменить *практику* выдачи водительских удостоверений, их лишения, других форм наказания нерадивых водителей, оценки их психологической адекватности и т.д. То же самое относится к существующим у нас правилам выдачи лицензий на оружие и к другим *социальным практикам*, оптимизация которых является одной из главных задач психологии [24]. Но подобную задачу вряд ли можно отнести к области собственно практической психологии, поскольку ее решение предполагает анализ ситуации в *обществе* и определение путей ее улучшения, а не работу с теми «клиентами» – индивидуальными или коллективными, с которыми имеют дело психологи-практики. Можно назвать очень много таких общесоциальных задач – от разработки стратегий повышения рождаемости до мониторинга законов, которые являются не просто формальными юридическими императивами, а наиболее общими правилами социальной жизни, предполагающими активное участие психологов.

Очень важным представляется также участие психологии в решении принципиальных для нашего общества вопросов о том, как следует понимать свободу и в какой мере мы можем себе ее позволить, каким вообще быть этому обществу, какое воздействие на него могут оказать введение прогрессивной шкалы налогообложения, налога на роскошь и т.п. Это – задачи *практические*, но не решаемые средствами самой практической психологии, а требующие вмешательства психологов-исследователей.

Подобный социальный заказ психологии как науке и как практике вынуждает скорректировать традиционное противопоставление исследовательской и практической психологии на обоих «полюсах». То, что вторая не является «чисто» практической, имея и исследовательскую составляющую, было показано выше. Но и первая не является «чисто» исследовательской. Фактически любое *макропсихологическое* (см.: [13]) исследование, относящееся к нашему обществу в целом, увенчивается предложениями о том, как его состояние улучшить, что тоже относимо к психологической практике, но к практике *общесоциальной*.

Используя сложившуюся в политологии и других социогуманитарных науках дифференциацию «малых» и «больших» дел⁸, можно сказать, что в таких случаях психология обращается к «большим» делам. С некоторой долей огрубления можно утверждать: практическая психология преимущественно занимается «малыми» делами – на уровне индивидуальных клиентов и социальных групп, а практическая часть исследовательской психологии – «большими», имея более тесное

⁸ Она, естественно, не означает, что «малые» дела менее важны, чем «большие», подразумевая лишь социальный масштаб решаемых проблем.

отношение к глобальному социальному заказу. И здесь можно констатировать не «схизис», а взаимодополнение, *комплементарность* «двух психологий», устранение различий между которыми не пошло бы на пользу и им обоим, и нашему обществу.

Взаимодействие исследовательской и практической психологии осложняется тем, что если академическое психологическое сообщество достаточно упорядочено, сосредоточено преимущественно в НИИ и вузах, организовано в соответствии с существующей там иерархией, то сообщество психологов-практиков настолько анархично, что его вообще трудно считать сообществом.

Во-первых, оно охватывает не только хорошо организованные государственные структуры (Психологическая служба МЧС, Московская служба психологической помощи населению и др.), но и большое количество всевозможных и слабо взаимодействующих между собой центров, институтов, ассоциаций и т.д., в калейдоскопе которых самим практическим психологам трудно разобраться. Причем ведется «статусная война» между такими центрами, проявляющаяся в активном стремлении некоторых из них с помощью пиара и других подобных мер утвердить себя в качестве «главных», «настоящих», «основных» и т.п., а характерная для нашей практической психологии организационная и статусная неразбериха⁹ проявляется и в неуважительном отношении значительной части ее представителей к академической психологии, организованной в соответствии со статусной иерархией.

Во-вторых, на ниве практической психологии в нашей стране, в отличие от других стран, где эта деятельность упорядочена и лицензирована, подвизается множество самопровозглашенных психологов, не имеющих полноценного, а иногда и вообще какого-либо психологического образования и во взаимодействие с академической психологией не вписывающихся по определению.

В-третьих, что еще хуже, под «центры» практической психологии закамouflированы всевозможные секты, колдуны, астрологи (возникла и новая «наука» – астропсихология как гибрид психологии и астрологии), которым следовало бы «взаимодействовать» с прокуратурой, а не с академической наукой. И.А. Мироненко пишет: «В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околонучных форм знания: поп- и парапсихология, широко и незаслуженно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией» [15. С. 167–168]. Академическая наука для подобной публики – очень неудобный «свидетель» ее шарлатанства, способный вывести на

⁹ Попыткой ее преодоления является введение в центрах практической психологии таких «должностей», а следовательно, и статусных позиций, как «тренер» и т.д., унифицировать которые пока не удается.

чистую воду. В тех же случаях, когда речь идет об организованной части практической психологии, представленной упомянутыми выше психологическими службами, социальных препятствий взаимодействию с академической психологией не возникает.

Следует отметить, что от описанного состояния сообщества наших психологов-практиков страдают не только их взаимодействие с академической психологией, но и сами психологи-практики, а также наше общество в целом. В частности, по результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 г., к профессиональным психологам и психотерапевтам когда-либо обращались лишь 10% наших сограждан (это согласуется и с данными, ранее полученными ФОМ), а к колдунам и иже с ними – 20%. Так что если, как (в духе отвергнутых даже нашими псевдолибералами идеологом начала 1990-х гг.) считают некоторые наши психологи-практики, «все решать должен рынок», решит он, скорее всего, не в их пользу и вообще не в пользу здравого смысла.

Все сказанное, конечно, не должно восприниматься в качестве индульгенции академической психологии как мало дающей психологической практике. Во-первых, она и не должна давать, во-вторых, она слабо взаимодействует с этой практикой из-за ее неудовлетворительного состояния и засоренности инородными элементами. За состояние психологической практики несет ответственность и академическая наука. *Знаниевая база* этой практики создается и ею самой, но все же должна иметь в своей основе то знание, которое вырабатывает фундаментальная наука, в соответствии с описанным выше «принципом воплощения». И поэтому переориентация академической психологии с тех проблем, которые не просто изучаются в лабораториях (в лабораториях изучается большинство проблем фундаментальной науки), но и *порождаются* абстрактной лабораторной логикой, на психологические проблемы, порождаемые реальной жизнью, необходима и для нее самой, и для практической психологии, и для их плодотворного взаимодействия. Собственно, это и означает реализацию – на полюсе академической психологии – тезиса о социальной релевантности этой дисциплины, провозглашенного С. Московичи.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 174–194.
2. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М.: Прогресс, 1961.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
5. *Вачков И.В.* Нужна ли практическому психологу методология? // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.

6. Визгин В.П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 36–51.
7. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
8. Демографический ежегодник России. 2010. М.: Росстат, 2010.
9. Задорин М. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65–74.
10. Карицкий И.Н. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.
11. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980.
12. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 120–129.
13. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
14. Малки М. Знание и полезность: импликации для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия / Под ред. В.Н. Садовниченко. М.: ИСПИ РАН, 2010. С. 91–111.
15. МIRONENKO И.А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 160–173.
16. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 119–135.
17. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. М., 2008. С. 108–121.
18. Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010.
19. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
20. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
21. Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.
22. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
23. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 133–151.
24. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
25. Adam B., Loon Van J. Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // The risk society and beyond. London, 2000. P. 1–31.
26. Bandura A. Aggression: A social-learning analysis. N.J.: Englewood Cliffs, 1973.
27. Bandura A. Social foundations of thought and action. N.J.: Englewood Cliffs, 1986.
28. Bunge M. Technology as applied science // Technology and Culture. 1967. № 8. P. 329–347.
29. Coolican H. Research methods and statistics in psychology. London, 1998.
30. European Mortality Database. 2011. URL: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>
31. Eurostat Database. 2011. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
32. Gergen K.J. Toward a Postmodern Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. London: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
33. Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative // Human inquiry: A source-book of new paradigm research. Chichester, 1981. P. 20–48.
34. Langrish J. et al. Wealth from Knowledge. London: Macmillan, 1972. P. 12.
35. Layton E. Conditions and Technological Development, in Science, Technology and Society. London: Sage. P. 210.
36. Materials Advisory Board, Report of the Ad Hoc Committee on Principles of Research-Engineering Interaction. Washington: National Academy of Sciences, 1966.

37. *Moscovici S.* Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
38. *Polkinhorne D.E.* Postmodern Epistemology of Practice // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. London: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
39. *Rosenzweig M.R.* What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington, 1992.
40. *Sass L.A.* The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 166–182.
41. *Sexton V.S., Hogan J.* (Eds.) International psychology: Views from around the world (2nd ed.). Lincoln, 1992.
42. *Shotter J.* «Getting in touch»: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 58–73.
43. *Skinner B.F.* Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1978.
44. *TransMONEE Database.* 2010. URL: <http://www.transmonee.org>
45. *Transparency International's Corruption Perceptions Index 2010.* URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#3.
46. *Van der Vleist R.* Social psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. London, 1982. Vol. 1. P. 7–22.

RESEARCH AND PRACTICE PSYCHOLOGY: «SHIZIS» AND COMPLEMENTARY
Yurevich A.V. (Moscow)

Summary. We consider the current level of interaction between research and practice of psychology, «shizis» between which traditionally depresses psychologists. The author shows that their differences persist despite the observed cognitive and social trends towards convergence. However, in his opinion, the existing concepts of «shizis» is largely generated by inappropriate expectations of academic psychology, as well as underestimation of the differences in the social functions of basic and applied science.

Key words: research; academic and practical psychology; «shizis»; social relevance; social functions; fundamental and applied science; technology.

ЦЕННОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТЕЗАУРУСНОЕ И НАРРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ СОБЫТИЙ

В.В. Знаков (Москва)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 10-06-00073а) и РФФИ (проект № 11-06-00018)*

Аннотация. Рассматривается становление нового этапа психологического познания, на котором ключевую роль начинает играть анализ опыта. Описываются отличительные признаки нарративного и тезаурусного способов понимания субъектом себя и мира.

Ключевые слова: субъект; человеческое бытие; экзистенциальный опыт; событие; понимание; нарратив; тезаурус.

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX – начале XXI в., оказали существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: нарративном подходе [13], развитии тезаурусного принципа субъектной организации гуманитарного знания [10], антропологической психологии [7], описании социальной психологии науки [17], анализе методологических основ психологии [9]. По моему мнению, новая методология характеризуется *три* главными отличительными особенностями: осознанием того, что мир человека состоит не из фактов, а из событий; переключением внимания многих ученых со знания на опыт; пониманием ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия.

1. Новую методологию характеризует смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т.п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изменений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа психики человека [4]. Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» [14. С. 266]. При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

2. В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* – индивидуального и надличностного. В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла опыта, а не истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом [1]. Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референциальными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий [7]. Научные теории – это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания.

В истории психологии сначала произошел *сдвиг от когнитивизма* с его идеей истинности знания *к конструктивистской психологии*, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка, не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий [21]. Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит *сдвиг от языка к опыту*. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности [1]. Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл. Особую роль в человеческом бытии играет экзистенциальный опыт. Он направляет весь ход жизни человека и, в частности, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию тезаурусного и нарративного понимания субъектом себя и мира.

3. В современном человекознании интенсивно используются метафоры, одна из центральных, базовых – нарратив [12]. Неудивительно, что нарративный принцип субъектной организации знания играет заметную роль в современных психологических исследованиях. В 2005 г. на русском языке была опубликована принципиально важная для развития методологии гуманитарного познания работа Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» [3]. В 2007 г. М.Н. Эпштейн творчески развил идеи нарративного подхода и представил два возможных способа жизнеописания человека в статье «Жизнь как тезаурус»

[16]. К этому времени в российской науке тезаурусный подход стал рассматриваться как новая парадигма субъектной организации гуманитарного знания [10]. Иллюстрируя тезаурусный способ написания автобиографий, Эпштейн упоминал книги М. Монтеня, Ф. Ницше, Р. Барта. Сегодня в качестве примера типично тезаурусной по построению и стилю изложения автобиографической прозы можно назвать умные, интеллектуально глубокие воспоминания и размышления актрисы Аллы Демидовой [5].

Два названных подхода объединяет то, что их фундаментальные основания строятся на анализе опыта и ценностей познающего и понимающего мир субъекта. С позиций психологии человеческого бытия экзистенциальный опыт, ценности, ценностные ориентации и смыслы оказались в фокусе внимания психологов тогда, когда стало ясно, что только когнитивных методов недостаточно для познания и понимания многих ситуаций и событий. Иначе говоря, от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существования* субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек, преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире – с духовным опытом.

Цель статьи – проанализировать основанные на экзистенциальном опыте тезаурусный и нарративный способы понимания субъектом событий человеческого бытия.

Тезаурусное понимание событий. На рубеже веков методология социогуманитарного познания, одной из ключевых категорий которой является нарратив, содержательно обогатилась тезаурусной парадигмой субъектной организации гуманитарного знания [10]. Тезаурусная парадигма определяет иной способ понимания субъектом мира и себя в мире. «В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание» [10. С. 67]. Иначе говоря, в тезаурусе каждого человека представлено не все знание о социальной и природной действительности, а только то, которое им освое-

но (освоенное – значит, осмысленное, понятое и ценное для субъекта). В частности, индивидуальный тезаурус культуры представляет не всю культуру, а только ту ее часть, которая усвоена, осмыслена, понята субъектом. Обычно в тезаурус не входит то, что не может быть понято либо по объективным причинам (я не могу понять текст на фарси, потому что не знаю этого языка), либо вследствие нежелания и субъективной незначимости (вряд ли в обозримом будущем я решу, что изучение фарси для меня жизненно важно). Таким образом, в тезаурусе представлено человеческое бытие, освоенное, осмысленное понимающим субъектом, а три типа понимания, по существу, представляют собой три способа освоения бытия [8].

Отличие тезаурусного принципа построения знания от нарративного заключается в том, что «если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус – ее *картину*» [16. С. 49]. Например, тезаурусные словари, в отличие от энциклопедических, описывают понятия не в алфавитном порядке, а на основе семантических, смысловых, ассоциативных и других связей. Такая же структура у индивидуальных тезаурусов, на основе которых мы понимаем мир («дедушка»: отец моего отца; родился в Челябинске, где много заводов; участвовал в войне, рассказывал о разрушенном Дрездене, в котором сейчас замечательная картинная галерея; он любил искусство, у нас дома нередко бывали жаркие споры по поводу новых спектаклей и выставок; красивый мужчина, на него заглядывались женщины, хотя роста он был небольшого, но, может, это и не важно?). При тезаурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, *что это значило для понимающего*, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Проанализирую основные признаки тезаурусного понимания субъектом себя и мира.

1. Тезаурус именно потому субъектная характеристика организации индивидуального знания, что оно получено в результате избирательной *активности* субъекта. В соответствии с когнитивным подходом к психологическому анализу понимания именно эта часть личного знания прежде всего актуализуется при понимании. И только потом субъект обращает внимание на *новое* в разговоре, тексте, событии, ситуации. Иначе говоря, при тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. Затем внимание переключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять. Приведу пример разговора супружеской четы пенсионеров.

«Муж: Давай купим тебе новый ноутбук. Этот проработал уже 10 лет, он морально устарел: медленно загружается, у него слабый ак-

кумулятор, маленькая память. Сейчас недорого можно купить новый, такой же по размеру, с лучшими характеристиками, его до конца жизни хватит.

Жена: Так ты считаешь, что я проживу только 10 лет?

Муж: Я сейчас говорю не о тебе, а о компьютере: у него больше память, быстрое действие, да и аккумулятора хватит на 5–6 часов.

Жена: Так что, я проживу только 10 лет? Нет, не нужен мне сейчас новый ноутбук. У меня на это лето другие траты запланированы, связанные с дачей. Газонокосилка нужна, например».

Высказывания женщины свидетельствуют о тезаурусном способе понимания ею обсуждаемой проблемы. Для нее продолжительность жизни является актуальной темой, над ней она уже неоднократно задумывалась, а покупка компьютера – нечто новое и явно не столь уж субъективно значимое.

2. В тезаурусе элементы связаны не логическими отношениями, а *ценностно-смысловыми*. Ценностно-смысловые ориентации выражают направленность индивидуального или группового субъекта на такие значения и смыслы, образцы поведения, моральные и социальные нормы, которые он считает позитивно значимыми, благими, правильными [10]. «Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарность (редкую!) от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий» [5. С. 8].

3. В тезаурусе принцип организации знаний не упорядоченный алфавитный, а *тематический* и потому, на первый взгляд, хаотичный. «У меня в записной книжке никто никогда не записан на ту букву, на которую нужно, – я записываю имена или фамилии чисто ассоциативно, а потом долго не могу найти нужный мне телефон. Учитель по вождению у меня значился на «П» – я его записала как «Прохин-дея» [5. С. 48].

4. В тезаурусном понимании событий нередко ведущую роль начинают играть *эмоциональные переживания* понимающего субъекта, возникшие у него в результате соотнесения содержания понимаемого с прошлым экзистенциальным опытом. Например, увидев, что у героя кинофильма тяжело заболела мать, зритель может актуализовать переживания, связанные с болезнью своей матери. В результате понимание событийной канвы фильма оказывается «ушедшим» в далекое прошлое и очень отличным от понимания человека, сидящего в соседнем кресле. Это не только частный случай, но и общая закономерность, характеризующая очень значительную часть человечества. Как известно из гендерной теории субъекта [6], внутренний приватный мир женского Я в автобиографиях сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя со-*

бытийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией [6. С. 223].

5. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. «Тогда я подумала, что память моя – ассоциативная. Как в вязании – одну петельку вытянешь, за ней потянется другая, может быть, даже другого цвета... И из этой мозаики памяти сложатся портреты людей, ведь я буду вспоминать не только себя» [5. С. 15].

6. Тезаурусное понимание проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной «импрессионистической» картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно *переплетаются* и даже наслаиваются друг на друга *прошлое, настоящее и будущее*. Фундаментальное и созвучное психологии человеческого бытия обоснование закономерности такого переплетения представлено в работе У. Эко: «Жизнь только в настоящем невозможна; мы постоянно скрепляем вещи и события клеем памяти – как личной, так и коллективной (история и миф). Мы отталкиваемся от рассказа о прошлом, когда, говоря «я», безапелляционно утверждаем, что являемся естественным продолжением человека, который (по свидетельству наших родителей или книги актов гражданского состояния) родился в определенное время определенного дня определенного года в определенном месте. Из-за того, что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет, когда и где родилась наша мать), часто происходит путаница, и нам кажется, что мы присутствовали при рождении собственной матери (или матери Юлия Цезаря) так же, как «присутствуем» в сценах из собственного прошлого опыта» [15. С. 247–248].

7. Индивидуальные тезаурусы *культурно обусловлены*. С точки зрения психологии человеческого бытия истоки надличностного характера входящего в тезаурус экзистенциального опыта следует искать в его неразрывной связи с семиотическими ресурсами культуры. Культурная обусловленность опыта проявляется в самых разных психологических исследованиях, например анализе женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к *личному* экзистенциальному опыту прежде всего как гендерному опыту *группы*. Как утверждает Ш. Фельман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре [20].

Итак, тезаурусное понимание основано на активности субъекта, его избирательной ценностно-смысловой направленности, фокусе на тематическом содержании, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события.

Нарративное понимание событий. Из психологических исследований давно известно, что люди склонны упорядочивать информацию о мире в простые, понятные и предсказуемые когнитивные модели. Для этой цели используются схемы, эвристики, скрипты и другие средства, которые помогают человеку организовать противоречивую информацию о мире и свести к минимуму усилия по ее обработке [24]. Наиболее общей формой систематизации информации в социогуманитарных науках принято считать нарратив. Нарративный принцип [12] выражает прежде всего способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в такую непротиворечивую последовательность событий, которая представляет собой связную и законченную историю. История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы: «что произошло?» и «как все это было?» Причем для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации, т.е. один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю. К сожалению, во многих научных публикациях нарратив отождествляется с повествованием, рассказыванием историй, описанием событий. В этой связи одну из главных задач я вижу в том, чтобы выделить признаки, указывающие на нетождественность нарратива и простых дескрипций, описательных высказываний.

Во-первых, следует ясно осознавать: когда мы говорим о нарративе, то имеем в виду структуру самого повествования или способ организации мышления рассказчика? Нарративная организация определяет разные варианты интерпретации событий и, соответственно, порождения, а не отражения рассказа о том, «как это было». Для психологических исследований более значимым чаще оказывается второе: нарративная организация знаний и опыта субъекта представляет собой схемы познания и понимания мира. Нарративная организация определяет то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, и включает *правила структурирования* событий, т.е. способы конструирования реальности рассказчиком. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К.Дж. Гергеном и другими учеными [12, 22]. Кроме того, такая интерпретация обсуждаемого понятия указывает на необходимость субъекта как некоторой опосредующей инстанции изложения. Это отражено, в частности, в пятикомпонентной модели нарративного понимания событий, одним из основных ситуационных признаков которой является главное действующее лицо [25].

Во-вторых, понятие «нарративный» следует противопоставить терминам «дескриптивный» и «описательный». «Описательность» противоположна нарративности в широком смысле. В описательных текстах

излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты, подытоживаются повторяющиеся, циклические процессы, изображается социальная среда или классифицируются естественные или социальные явления по типам, классам и т.п. Описательные тексты изображают, как правило, лишь одно состояние» [13. С. 18]. Для психолога, анализирующего, например, поступки людей, нарративными в подлинном смысле слова являются тексты, в которых излагается некое *изменение* состояния. В поведении человека изменения закономерны и неизбежны: как отмечает Д.П. Макадамс, они следуют из интенциональности человеческой психики. «Практически во всех «понятных» историях люди или подобные им существа действуют, чтобы достичь своего намерения, в результате чего появляется последовательность событий или реакций, существующих во времени как сюжет» [11. С. 140]. Согласно нарративному подходу событие – это ядро ситуации. Это предположение основано, во-первых, на том факте, что события – самые динамичные аспекты ситуации; во-вторых, на том, что каждая часть повествовательного текста, сюжетного рассказа обязательно описывает событие [25].

В-третьих, в науке исследовательская деятельность «не строится из высказываний констатирующего дескриптивного характера, описывающих предмет познания в нарративной практике «нейтральным» образом. Нарративному повествованию предшествуют вопросы, проблемные ситуации, которые становятся специфическими ответами в разрешении противоречий наличного знания» [18. С. 30]. Нарративное повествование всегда, как минимум, отвечает на вопросы «что произошло?» и «как это было?»

Нарративное понимание событий сознательным или неосознаваемым для понимающего субъекта образом всегда основывается на изложенных выше теоретических положениях. Кратко перечислю основные признаки нарративного понимания.

1. Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно *интерпретировать многими способами*. Это следствие обоснованного сомнения в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Вера в то, что существует некая реальная история, только ждущая своего раскрытия до нарративного процесса, является ничем иным, как онтологическим заблуждением, потому что рассказ о событиях человеческого бытия уже с начала повествования начинает изменять сам ход жизни субъекта.

2. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в последовательном повествовании присутствовали *смысл* движения и *цель*, или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее *правдо-*

подобным. Описание событий безотносительно цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя ощущения осмысленности повествования. Главная задача повествователя – развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т.е. постоянно иметь в виду цель рассказа.

3. При нарративном понимании субъект разбивает части описываемой в тексте ситуации на события. Во время понимания он связывает события, по меньшей мере, по *пяти ситуационным признакам*: времени, пространству, причинности, мотивации и главному действующему лицу. Если событие, обрабатываемое в данный момент, по определенным признакам совпадает с событием, находящимся в памяти, тогда между ними устанавливается связь, которая переходит в долговременную память. Совпадение обусловлено наличием общих признаков у двух событий [25].

4. Нарративное понимание *диалогично*, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины, как «рассказчик» и «слушатели», создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами [19]. Индивидуальный характер нарративного понимания определяется прежде всего теми вопросами, которые понимающий субъект ставит не столько рассказчику, сколько самому себе. Для понимания нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Ответы на вопросы помогают человеку решить собственные проблемы, которые возникли у него до начала слушания или чтения рассказа. Задавая вопросы, субъект получает различные ответы – творит смыслы. В результате получается, что понять мысль автора – значит породить собственную мысль по поводу мысли автора [2].

5. Нарративная *сложность* понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов. Известно, что «люди, находящиеся на относительно высоких стадиях развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более «черно-белым», в более конформистских терминах [11. С. 153]. Субъекты, обладающие высоким уровнем развития Эго, в отличие от субъектов с низким, чаще осознают и вербализуют негативные события своей жизни. Для них рассказ о сложных жизненных обстоятельствах – это одновременно и повествование о произошедших положительных личностных изменениях [23].

Таким образом, результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, непоследовательно и нередко логически противоречиво. Нарративное же понимание событий человеческого бытия основано на

какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно. Естественно, что описанные теоретически два способа понимания требуют эмпирической проверки.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Арутюнян О.А. Понимание философского текста как смыслотворчество: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. Краснодар: КубГТУ, 2007.
3. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9–30.
4. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Демидова А. Заполняя паузу. М.: АСТ, 2010.
6. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
7. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоциоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
8. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 4–13.
9. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
10. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
11. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 135–166.
12. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
13. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
15. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002.
16. Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
17. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
18. Яковлев В.Ю. Нарративный метод научного познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 28–35.
19. Coates J. «My mind is with you»: story sequences in the talk of male friends // Narrative Inquiry. 2001. Vol. 11, № 1. P. 81–101.
20. Felman S. What Does a Woman Want? Reading and Sexual Difference. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
21. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist. 1985. № 40. P. 266–275.
22. Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London: Praeger, 1986. P. 22–45.
23. Helson R., Roberts B.W. Ego development and personality change in adulthood // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66, № 5. P. 911–920.

24. Landau M.J., Johns M., Greenberg J. et al. A function of form: Terror management and structuring the social world // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87, № 2. P. 190–210.
25. Zwaan R.A. Five dimensions of narrative comprehension: the event-indexing model // *Narrative Comprehension, Causality and Coherence. Essays in honor of Tom Trabasso* / Ed. by S.R. Goldman, A.C. Graesser, P. van den Broek. Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. Ch. 7. P. 93–110.

VALUE UNDERSTANDING THE HUMAN BEING: THESAURUS AND NARRATIVE UNDERSTANDING OF THE EVENTS

Znakov V.V. (Moscow)

Summary. The formation of a new stage of psychological knowledge on which a key role is played an analysis of experience is discussed. Described the differencetional features of narrative and thesaurus ways of understanding the subject himself and the world.

Key words: subject; the human being; an existential experience; event; insight; narrative; thesaurus.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова (Санкт-Петербург)

Аннотация. Рассматривается роль гуманистической психологии и реабилитационного подхода как основ для понимания психологического содержания понятия качества жизни. Выдвигается тезис о необходимости определения качества жизни как личностного конструкта – совокупности переживаний и отношений человека, связанных с индивидуальной ценностью здоровья, смыслом жизни и возможностями устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии со своими актуальными потребностями и индивидуальными возможностями. В качестве иллюстрации предлагаемого подхода приведены результаты исследования качества жизни и ценностных ориентаций больных эпилепсией.

Ключевые слова: качество жизни; ценностное сознание; гуманистическая психология; личность; здоровье; реабилитация.

В последнее десятилетие в отечественной науке психологии возрастает интерес к психологии здоровья человека. В ряде интересных публикаций проблемы здоровья и здорового образа жизни обсуждаются с философских, социально-психологических и социологических позиций [4, 10, 11]. Медицинская (клиническая) психология преимущественно решает более «приземленные», но не менее важные и конкретные проблемы профилактики нарушений здоровья, диагностики скрытых форм патологии, связанных с влиянием дисгармоничных личностно-средовых взаимоотношений [1], реабилитации и ресоциализации людей, перенесших различные заболевания, в том числе нервно-психические расстройства [12]. Сразу следует сказать, что понятие «здоровье» в социальном контексте существенным образом отличается от понимания ценности здоровья индивидом.

Личностный смысл здоровья приобретает конкретные очертания только в ситуации болезни или ее угрозы, которая, безусловно, является мощным фрустратором для личности. Когда мы говорим о болезни, о реакциях личности на болезнь, мы предполагаем в определенной мере сохранность самосознания личности, адекватную оценку перспектив, личностных и социальных ресурсов преодоления болезни и сохранения качества жизни даже при наличии витальной угрозы. Это очень сложные психологические соотношения, понимание которых находится за пределами все еще доминирующей в медицине и (в известной мере) в медицинской психологии естественно-научной (объективно-объяснительной) парадигмы. Такой подход к оценке отношений больного человека сегодня уже не может обеспечить изучение целостной личности, индивидуальности переживаний и ценностей, ее духовной

сущности. В качестве антитезы традиционной модели, где пациент выступает преимущественно как объект врачебного воздействия или психологического исследования, развивается и осмысленно применяется не только психологическим, но и медицинским сообществом гуманистическая модель (Маслоу, Роджерс, Франкл и др.). Основоположники гуманистической психологии в этом движении научной мысли видели возможность исследовать и лечить целостного человека с уникальным характером переживаний, свободно и ответственно решающего, как поступать в кризисных ситуациях, в том числе и при болезни [17].

Теория гуманистической психологии, утверждая идеи принятия больного с его генетическим и историческим опытом, проблемами, стремлениями к развитию, духовности, к постижению смысла жизни и её ценности, при всех ее противоречиях, с нашей точки зрения, существенным образом влияет на развитие современной личностно-ориентированной психотерапии, а следовательно, и реабилитологии в широком медицинском и психологическом содержании этого понятия [6, 12]. Представляется, что в настоящее время в лечебно-реабилитационных и профилактических процессах в сфере здоровья естественно-научная и гуманитарная парадигмы должны дополнять и обогащать друг друга, чтобы субъективный мир больного, его личность были более доступны исследователю.

Отметим как очевидное, что глобальный гуманистический прорыв в психологии (а в медицине – преимущественно в психотерапии) привел к признанию и утверждению биопсихосоциальной парадигмы здоровья в целом и психического здоровья в частности. Однако противоречия между естественно-научным и гуманитарным пониманием человека (в предболезни, болезни и после болезни) сохраняются, полного взаимопроникновения не наблюдается даже на уровне теории биоэтики. Это четко видно при анализе сущности такого современного понятия, как «качество жизни» (КЖ) [8].

В определении КЖ существуют различные тенденции. Разработка концепции КЖ, как известно, инициирована Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) для исследования масштабных межкультурных проблем в оценке здоровья населения разных стран именно с опорой на биопсихосоциальный подход в теории и практике. По определению ВОЗ, КЖ формируется через восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых они живут, в соответствии с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами. Понятно, что в области медицины речь идет о КЖ, связанном со здоровьем, которое рассматривается как интегральная характеристика физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанная на субъективном восприятии [16].

На исследование указанных аспектов КЖ нацелено огромное количество общих и специализированных опросников, которые, при всем

их многообразии и дифференцированности, в конечном счете направлены на оценку критериев эффективности лечебно-восстановительных и реабилитационных мероприятий при том, что явно недостает внимания к личностному плану переживаний, в частности к субъективной оценке возможностей удовлетворения актуальных потребностей. Это удивляет, так как общая концепция КЖ теоретически и методологически в течение многих лет вызревала в недрах общей концепции реабилитации, стержневым принципом которой является апелляция к личности [12].

Подчеркнем, что методология исследования, принципы и организация процесса реабилитации являются общими для медицины. В отличие от процесса реабилитации КЖ процессом не является. Это сложный многомерный личностный конструкт – совокупность переживаний и отношений человека (больного или здорового), связанных с индивидуальной ценностью здоровья, смыслом жизни и возможностями личности устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии со своими актуальными потребностями и индивидуальными возможностями. Это определение, возможно, является дискуссионным, но оно близко пониманию КЖ в экзистенциально-гуманистической психологии, поскольку, исследуя КЖ на основе различных самоотчетов испытуемых, мы в действительности пытаемся анализировать их личность: самосознание, систему значимых отношений и ценностей, потенциал самореализации и самоактуализации [5–8]. При таком подходе возможно преодоление противоречий между тезисом о КЖ как субъективной мере благополучия и КЖ как относительно устойчивом личностном конструкте, существенной характеристикой которого являются личностные смыслы, отраженные в ценностном сознании человека. Указанные методологические противоречия в понимании и определении КЖ весьма относительно; они легко приводятся к общему знаменателю. Однако в практическом (исследовательском) плане второй из обозначенных нами подходов более рационален, поскольку апеллирует к сложным психологическим механизмам формирования структуры КЖ как сложного личностного конструкта, интегральной характеристике биопсихосоциальной системы, проявляющейся на психологическом уровне в субъективном опыте проживания собственной жизни, формирования сферы здоровья и отношения человека к здоровью и болезни. Это созвучно одному из фундаментальных положений гуманистической психологии, высказанных А. Маслоу еще в середине XX в.: жизнь человека – это он сам в широком смысле, во всем многообразии его ощущений, смыслов, переживаний, потребностей, целей и ценностей [15].

В качестве иллюстрации обозначенного нами подхода приводим кратко результаты исследования КЖ и ценностных ориентаций больных эпилепсией. Инструментом измерения КЖ являлась впервые адаптированная в институте шкала КЖ-100 (WHOOL-100), в частности ее

ядерный модуль, измеряющий те аспекты КЖ, которые являются, по мнению разработчиков, общими для всех людей [3]. Программа исследований включила также анализ уровня социальной фрустрированности, аффективных расстройств, специфику внутренней картины болезни, стратегии преодоления больными эпилепсией стрессовых ситуаций и механизмы психологической защиты.

Исследовано 146 больных эпилепсией. Средний возраст – 34 года, 36% – инвалиды по болезни, у 56% – первично-генерализованные пароксизмы, у 44% – пароксизмы височной эпилепсии с вторичной генерализацией. У 85% пациентов клинически выявлялись изменения личности. Мы не останавливаемся подробно на клинических характеристиках больных – это специальная тема [9]. Приводим наиболее значимые результаты.

Почему эпилепсия выбрана как клиническая модель? Это весьма распространенное пограничное нервно-психическое расстройство, возникающее на почве органической патологии мозга. В этой модели интегрированы и патодинамический (клинический), и психологический, и социальный компоненты биопсихосоциальной системы нарушения адаптации, поэтому она, как нам представляется, адекватна для исследования КЖ с биопсихосоциальных позиций.

В межпароксизмальный период больные в своем большинстве сохраняют социальную активность, когнитивные возможности, работоспособность (больные с тяжелыми и частыми припадками, с признаками эпилептологической деменции не исследовались). Вместе с тем отмечались аффективные, астенические, вегетативно-соматические и личностно-поведенческие расстройства умеренной степени выраженности. Как показывают литература и наш опыт, проблема КЖ у больных эпилепсией связана не только с клиническими проявлениями болезни, боязнью повторения припадков, но и с фрустрированностью болезнью, необходимостью постоянно принимать лекарства, стигматизирующим отношением общества к больным, не всегда обоснованными ограничениями их социальной активности и стремления к самореализации [7]. Но самым мощным фрустрирующим фактором не только для больных, но и для их родственников, является диагноз – эпилепсия.

В исследовании не было выявлено отчетливо полярных оценок ни по одному из параметров КЖ, а две значительные составляющие – «духовная сфера» и «уровень независимости» – оцениваются больными как вполне благополучные. Значимыми факторами снижения КЖ являются низкая удовлетворенность медицинской и социальной помощью, зависимость от лекарств и лечения, тревожное ожидание припадка, особенно в общественных местах, неспособность в связи с этим получать удовольствие от досуга (особенно у испытуемых 17–25 лет), другие известные ограничения по медицинским показаниям. Среди жалоб преобладают чувство постоянного физического дискомфорта,

повышенной утомляемости, расстройство сна и колебания настроения, дисфункции в сексуальных и более широких межличностных отношениях при относительной удовлетворенности отношениями с микросоциальным окружением (семья), практической социальной поддержкой. При этом, однако, более 50% исследуемых отмечают относительную сохранность работоспособности и желания работать, подвижности и способности выполнять повседневные дела. Свою способность справляться с жизненными трудностями в связи с болезнью, диагнозом «эпилепсия», больные связывают с личными убеждениями и «духовной сферой» – понятиями, содержание которых в опроснике КЖ-100 только обозначено.

Анализ 32 субсфер опросника также отчетливо показал, что оценки КЖ больными по многим параметрам (физическая субсфера, утомляемость, аффективная неустойчивость и др.) ниже у больных височной эпилепсией, что отражает общий дезадаптивный характер личностно-поведенческой сферы этих больных, особенно при частых парциальных припадках с вторичной генерализацией (Вассерман, Михайлов, Табулина, 2008). Примечательно, что относительно высокие баллы по опроснику набрали пациенты с началом заболевания в подростковом возрасте, что свидетельствует о сохранном адаптивном потенциале, но, вместе с тем, об определенном анозогностическом компоненте в отношении к болезни и ее последствиям.

Таким образом, мы видим, что непосредственная сфера «здоровья» оценивается больными, безусловно, как важная, но не определяющая КЖ в полной мере. Для больных столь же важными являются психосоциальные факторы влияния на КЖ, именно они формируют известный феномен стигматизации.

Все сказанное необходимо учитывать при формировании партнерских отношений в системе «медицинский психолог – больной» с соблюдением этических принципов и деонтологических норм взаимоотношений [14].

Известно, что высшим уровнем саморегуляции личности является система ценностей [2]. Поэтому в исследовании структуры КЖ должен быть включен анализ ценностных ориентаций, которые рассматриваются с позиции иерархии личностных смыслов, установок или значимых отношений. Исследование ценностных образований с помощью методики Rokeach (1973) у 100 больных эпилепсией показало, что у сохранных (в когнитивном плане) больных глобальной деструкции ценностей не отмечается: они сохраняют полную идентификацию с микро- и макросоциальным окружением в том, что касается ценностей-целей, и ценность «здоровье» у них не занимает ведущее место. При этом инструментальные ценности, или ценности – средства достижения целей, меняются по сравнению с нормой весьма отчетливо. Содержательно это отражает высокий уровень психической ригидности (когни-

тивной и эмоциональной) в конкретных формах жизненного функционирования, например утрированные формы «приверженности социальным нормам, старательности», «твердой воли», «ответственности» и др. Вероятно, в этом проявляются специфические для эпилепсии характерологические особенности, хорошо известные из литературы [7, 18, 19]. Отчетливые тенденции больных следовать социально одобряемым стереотипам поведения можно рассматривать как один из неосознаваемых психологических механизмов приспособительного поведения. Возможно, этот механизм (вместе с отмеченными выше сохранными ценностями духовной сферы и личностными убеждениями) помогает им преодолевать кризисные ситуации и стресс болезни, справляться в той или иной степени с жизненными трудностями. Осмысленное понимание больными своей принадлежности к социуму подтверждается данными исследования их смысловых ориентаций [13]. Предварительные результаты применения опросника СЖО показывают, что более 40% исследованных убеждены в том, что у них имеются четкие жизненные цели, они способны их реализовывать и строить жизнь в соответствии со своими планами и намерениями. Согласно данным по шкале «Процесс», 22% испытуемых воспринимают свою жизнь осмысленной; они убеждены, что способны самостоятельно принимать решения во всем, что касается их жизни.

В заключение отметим, что результаты экспериментального исследования, отражающие субъективные представления больных о КЖ и определяющих его факторах, должны учитываться в обосновании программ психотерапевтической коррекции масштаба переживаний и отношений больных.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 2000. 496 с.
2. Ананьев Б.Г. Психология человека. Избранное (посвящается 90-летию со дня рождения). СПб., 1997. 90 с.
3. Бурковский Г.В., Коцюбинский А.П., Левченко Е.В., Ломаченков А.С. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике: Пособие для врачей и психологов. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1998. 32 с.
4. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М.: Академия, 2001. 352 с.
5. Вассерман Л.И. Структура и механизмы нарушений психических функций и личности у больных фокальной эпилепсией: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1989.
6. Вассерман Л.И., Громов С.А., Михайлов В.А., Лынный С.Д., Флерова И.Л. Концепции реабилитации и качества жизни: преемственность и различия в современных подходах // Психосоциальная реабилитация и качество жизни. СПб.: СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2001. С. 103–115.
7. Вассерман Л.И., Михайлов В.А., Табулина С.Д. Психологическая структура качества жизни больных эпилепсией: Пособие для врачей и психологов. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2008. 22 с.

8. *Вассерман Л.И., Трифонова Е.А.* Дискуссионные вопросы концептуализации и методологии исследования качества жизни в медицине // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 112–119.
9. *Громов С.А.* Контролируемая эпилепсия. Клиника, диагностика, лечение. СПб.: ИИЦ Балтика, 2004. 302 с.
10. *Гурвич И.Н.* Социальная психология здоровья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 1023 с.
11. *Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В.* Некоторые проблемы психологии здоровья и здорового образа жизни // Сибирский психологический журнал. 2010. № 35. С. 6–10.
12. *Кабанов М.М.* Психосоциальная реабилитация и социальная психиатрия. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1998. 256 с.
13. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
14. *Ловелле Р.П., Кудрявая Н.В.* Психологические основы деятельности врача. М.: ВУНМЦ МЗ РФ, 1999. 204 с.
15. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. М.: Смысл, 1999. 423 с.
16. *Новик А.А., Ионова Т.И.* Исследование качества жизни в медицине: Учеб. пособие для вузов. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. 304 с.
17. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: Пер. с англ. СПб.: Питер, 1998. С. 479–573.
18. *Kendrick A.* Quality of life // The clinical psychologists handbook of epilepsy: assessment and management / Ed. by C. Cull, Goldstein. London; New York, 1997. P. 171–176.
19. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y.: The Free Press, 1973.

HUMANISTIC PSYCHOLOGY, QUALITY OF LIFE, AND VALUE CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY

Wasserman L.I., Trifonova E.A. (St. Petersburg)

Summary. The article reviews the role of humanistic psychology and rehabilitation approach as the basis for understanding the psychological meaning of quality of life concept. It is proposed that quality of life should be defined as a personality construct – the complex of experiences, feelings and attitudes of a person, associated with his/her individual value of health, meaning of life and the possibilities to relate to the world in accordance with personal needs and potential. The proposed approach is illustrated by results of a study of quality of life and value orientations in epilepsy patients.

Key words: quality of life; value consciousness; humanistic psychology; personality; health; rehabilitation.

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УСЛОЖНЕНИЯ

В.Е. Ключко (Томск)

*Работа выполнена при поддержке ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009–2013 гг. (ГК № 02.740.11.0600 от 22.03.2010 г.)*

Аннотация. Рассматривается проблема развития психологической науки с точки зрения присущей ей парадигмальной динамики, проявляющейся в закономерном усложнении профессионально-психологического мышления. Транспективный анализ показан как методологическое средство изучения открытых саморазвивающихся систем. Опираясь на транспективный анализ, автор выявляет закономерности развития науки, которые проявляют себя ростом сложности используемых познавательных средств и процедур. Рассматриваются основания прогрессивного развития психологической науки как открытой самоорганизующейся теоретической системы. Выделяются простое мышление (одномерно-бинарное), свойственное классической науке, и сложное мышление (бинарно-тернарное), свойственное неклассической науке. Утверждается, что современная психология движется к постнеклассической парадигме и при этом тернарное мышление сменяется многомерным, в рамках которого психика и сознание получают новое объяснение.

Ключевые слова: парадигма; типы научной рациональности; простое мышление; сложное мышление; сверхсложное мышление; бинаризм; тернаризм; многомерность; саморазвитие; самоорганизация; теория психологических систем; транспективный анализ.

Можно выделить по крайней мере два основания, которые вынуждают проявить интерес к проблеме того, почему и каким именно образом эволюционирует психологическое мышление в процессе развития науки. Одно из них связано с особенностями социального заказа, обращенного к психологии, а другое – с современным состоянием нашей науки – степенью ее готовности принять этот заказ к исполнению. Что касается первого основания, то суть его заключается в невиданном ранее усложнении мира, делающем проблемным само существование человека. «Мегатехнологический сдвиг» в развитии цивилизации предъявляет новые требования к психике человека, сознанию, но при этом открывается обратная сторона: этот сдвиг оказывает мощное воздействие на формирование *иных способов мышления* и философского осмысления ситуации, что, по мнению В.И. Аршинова, определяет заказ «на новый вариант философствования» [3]. Теоретик сверхсложности Р. Барнетт утверждает, что мир, в котором мы живем, уже давно перестал быть сложным – он «сверхсложен». Сверхсложность, по Р. Барнетту, «это та-

кой тип сложности, при котором даже границы понимания мира проблематизируются», что приводит к необходимости *переосмысления* не только теорий, практик, технологий и институтов, но и «тех структур, в рамках которых мы выдвигаем теории» [4].

Возникает естественный вопрос о том, насколько современная психология способна перевести ощущение происходящего сдвига в форму предпосланного ей прямого заказа на переосмысление тех форм мышления, опираясь на которые она традиционно ставила и пыталась решать свои основные проблемы. При этом часть из них так и остаются нерешенными, а сами решения последовательно откладываются «до лучших времен». К числу таких проблем можно отнести проблему сознания и связанную с ней проблему инновационной (сверхадаптивной) активности человека. Происходит это, на мой взгляд, потому, что *сознание – это образец проблемы, реальная сложность которой перманентно превалирует на фоне простоты познавательных процедур, используемых для ее решения.*

Однако если учесть, что в процессе развития науки эти процедуры становятся все сложнее, то должно наблюдаться сближение между реальной сложностью изучаемого феномена и уровнем сложности профессионального мышления, обеспечивающим адекватную постановку и решение научной проблемы. Развитие науки заявляет о себе закономерным повышением уровней системного видения изучаемой реальности (В.С. Степин). При вхождении науки в область познания сверхсложного, как заметил Р. Барнетт, каждый исследователь вынужденно становится «практикующим эпистемологом» [4]. Для меня это означает не только перенос исследователем своего видения реальности за пределы сообщества, в котором это видение сформировалось, но прежде всего умение (и хотение) определить свое место в общем движении научного познания, психологического, в частности, т.е. оценить истоки и уровень сложности используемого мышления. Без этого не будет у исследователя осознания сопричастности к собственной науке.

Думается, что фактом возрастающего интереса к проблеме сознания как раз и заявляет о себе созревающая в психологии возможность нового взгляда на сознание как предмет психологического исследования. Не случайно, как мне кажется, Г.В. Акопов – один из самых последовательных и глубоких аналитиков в области психологии сознания – указывает на то, что именно сегодня важно «вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в *новом содержательном и качественном объеме*», полагая, что обсуждение проблемы на новом этапе развития науки «позволит выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы» [1].

Проблема теперь заключается в том, чтобы выявить, в каком направлении на самом деле идет трансформация профессионально-психологического мышления. Или должна идти – для того, чтобы вы-

вести научную проблему из ее «латентного состояния» (Г.В. Акопов), т.е. осознать ее в пределах более широкой системы, «в новом содержательном и качественном объеме».

Так на какой новый вариант теоретизирования в психологии ангажирует нас вызов, идущий от усложняющегося мира? Видимо, на такой, который способна обеспечить возрастающая культура психологического мышления. Вопрос же о том, что включает в себя понятие «культура психологического мышления», остается открытым прежде всего потому, что поднимается крайне редко, а его непопулярность, в свою очередь, определяется тем, что, оставаясь очень сложным, он еще и этически мало привлекателен. Здесь нельзя путать индивидуальные показатели культуры мышления ученого, проявляющиеся в совокупности формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этнических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека, и различные свойства его мышления, такие как гибкость, логичность, реалистичность, с культурой профессионально-психологического мышления, включающей в себя идеалы рационального рассуждения, опыт постановки и решения научных задач, особенности интерпретации полученных данных и т.д.

В свое время Ст. Тулмин, уловив «ощущение высочайшей методологической культуры», которое исходит от творчества Л.С. Выготского, назвал его «Моцартом в психологии». Теперь стоит задача, как это ощущение перевести в осмысление, приводящее к пониманию истоков и сущности культуры мышления, лежащей в основании культурно-исторической теории (тавтология здесь вынужденная, но весьма красноречивая). На мой взгляд, для осмысления культуры мышления Л.С. Выготского время только наступает, потому что ученый использовал не просто сложное мышление, но мышление сверхсложное (многомерное). В одной из своих работ я привожу обоснование этого предположения [18]. Это прогнозировал и сам Л.С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется» [5. С. 310].

Д.А. Леонтьев в своей работе «Неклассический вектор в современной психологии» выделяет несколько направлений «неклассической трансформации психологии»: от поиска знаний – к социальному конструированию; от монологизма – к диалогизму; от изолированного индивида – к жизненному миру; от детерминизма – к самодетерминации; от потенциализма – к экзистенциализму; от количественного подхода – к качественному; от констатирующей стратегии – к действенной. «Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим [13. 58–59]. Интересно все-таки пойти дальше, понимая, что тенденции есть только

следствия, намекающие на наличие закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют самим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз, или этапов, развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика), предполагает закономерность, определяющую возникновение именно этой последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся с наиболее общими закономерностями познания, которые предопределяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания.

Каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (постнеклассика) (В.С. Степин). Получается, что предмет науки способен сам *перестраиваться* в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкты, конституирующие витальную онтологию человека (транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Ключко). Можно выявить и другие тенденции, проявляющиеся:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный);
- становлении отдельных принципов, например принципа детерминизма (примат внешней детерминация – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация);
- росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление).

На основе этих примеров можно выдвинуть предположение о том, что не отдельный ученый, а наука как саморазвивающееся целое всем процессом своего самодвижения осуществляет интеграцию различных принципов, а значит, и методов, и предметов исследования, конструируя тем самым все новые призмы видения, через которые открывается все более сложная психологическая реальность. Первоначально изолированные и только дополняющие друг друга принципы системности, развития и детерминизма окончательно теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется *саморазви-*

вающаяся система с присущей ей способностью к самодетерминации. Таким образом, появляется некоторая методологическая база, способная направить поиск концептуальных оснований для выделения и объяснения тенденций развития науки.

Один из возможных путей концептуализации заключается в том, чтобы и науку, изучающую человека, и человека как ее предмет представить в качестве открытых самоорганизующихся систем, режимом существования которых является саморазвитие. Такой подход непосредственно выводит к проблеме становления, внутри которой открываются механизмы созревания и роста, межуровневые переходы и основания, обеспечивающие эту загадочную устремленность системы к более высоким уровням, на которых сохраняются все позитивные результаты, полученные на более ранних (и более низких) уровнях становления, и открывается новая «зона ближайшего развития» системы. С моей точки зрения, становление – это закономерное усложнение системной организации сложных целостностей (открытых систем) в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.

Мой ответ на вопрос о том, почему не решается проблема сознания, заключается в следующем: в рамках классической и неклассической психологии проблема сознания не может быть решена прежде всего потому, что эти рамки слишком малы для столь глобальной проблемы. Иными словами, масштабы, которые задают парадигмальные установки уходящих (но вовсе не ушедших!) эпох, не позволяют адекватно поставить проблему сознания. Она избыточно сложна для сравнительно простого мышления, которое культивирует классицизм, и все еще слишком сложна для неклассицизма, изрядно размывшего бинарное мышление, выступающего в качестве базального основания идеала рациональности, принятого классицизмом. Практически все, что мы знаем о сознании, представляет собой описание многомерного явления с позиций одномерно-бинарной логики.

Необходимо заметить, что в этой же логике осуществляются и различные попытки определить сознание, а оно столь же последовательно ускользает от определения. В результате следует признание: «Сознание – самое ценное достояние человека. Тем не менее никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает... Попытки придать работе сознания какой-либо постигаемый смысл встречаются, но не выглядят убедительными» [2. С. 166–167]. Интересно, если «никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает», то откуда возникает такая уверенность в том, что «сознание – самое ценное достояние человека»?

Во-вторых, каковы на самом деле истоки уверенности в том, что сознание обязательно что-то «делает»? Зачем надо приписывать «работе сознания какой-либо постигаемый смысл», убеждаясь всякий раз, что опять не то «приписали»?

Понятия «деятельность сознания», «работа сознания», «психическая деятельность» и т.п. — это не расхожие стереотипы, а прямой результат упрощенного мышления, берущего начало в классицизме, когда за отсутствием человека его функции подлинного деятеля приписывают психике, сознанию, мозгу и т.д., а потом через функции начинают определять и саму психику или сознание. Но ведь это человек познает мир, ставит цели, регулирует свою жизнедеятельность, осуществляет свою жизнь, а не сознание вместо него. И это человек вступает в сложную взаимосвязь с миром, а не живущие в нем ипостаси в виде субъекта, личности, индивида. Кроме того, с каждым днем становится понятнее бесперспективность продолжающихся попыток соединения результатов аналитического «рассечения» целостного человека на указанные составляющие. Дело здесь не только в пресловутом «целое больше суммы частей», а в том, что самым актом аналитики классического уровня уничтожается нечто такое, что впоследствии невозможно обнаружить при самом тщательном и искусном исследовании частей. Мне думается, что именно эта участь постигла сознание: оно растворилось в «черной дыре» аналитической «члененки». Сознание ничего не делает, делает человек с помощью сознания как своего общесистемного (эмерджентного) свойства. Нужно спрашивать не о том, что делает сознание, а о том, какая функциональная роль отведена сознанию в открытой системе человекообразного уровня. Но для этого и саму систему надо рассматривать как функциональную. Можно полагать, что это такая роль, без которой человек не сможет выполнить свою миссию, свое человеческое предназначение.

Обратите, например, внимание на ту эмоциональность, с которой один из самых видных разработчиков зарождающейся в последние годы философии сложности Эдгар Морен заканчивает свою книгу о методах познания сложного: «Сложное познание не может оперировать так, как оперировала классическая наука. Операциональность классической науки является по сути операциональностью манипулирования... А парадигма упрощения открывает дверь для всякого рода манипулирования... *Упрощающее мышление* стало варварством науки. Это — особое варварство нашей цивилизации. Это — варварство, которое сливается сегодня со всеми историческими и мифологическими формами варварства» [14. С. 443]. Сказано, на мой взгляд, слишком эмоционально, но достаточно справедливо.

1. Простое психологическое мышление: одномерно-бинарная логика классицизма

Говоря об эволюции науки как *последовательном и вполне закономерном усложнении мышления, которым пользуются психологи*, стоит отметить, что при этом один из уровней (назовем его «простое

мышление») с отстаиваемой точки зрения свойствен не только психологам, но и другим людям, пытающимся осмыслить себя и свое место в мире. С него психология начинала когда-то, но ведь оно никуда и не исчезло. И если согласиться с этим, то естественным образом возникает вопрос о том, насколько сегодня такое мышление можно считать профессиональным. Признание того, что таким мышлением могут пользоваться и профессиональный психолог, и «первый встречный», переводит проблему в популярный дискурс о сущности и признаках профессиональной компетентности, а конкретно – в проблему профессиональной компетентности психолога-исследователя.

Понятие «первый встречный» я взял в кавычки, поскольку позаимствовал его у К. Поппера, и намереваюсь удержать именно тот контекст, в котором его использовал сам автор «эволюционной эпистемологии». Критикуя «бадейнскую теорию», или обсервационизм, который является «стандартной» теорией познания от Аристотеля до наших дней (включая сюда Бертрانا Рассела, Дж.Б.С. Холдейна, Рудольфа Карнапа), К. Поппер заметил, что эту теорию разделяет и первый встречный. Простота мышления, на котором строится бадейна теория, позволяет задавать только «бесхитростные вопросы» и получать столь же бесхитростные ответы. «Однако это не та позиция, которую можно вывести на более высокий уровень и преобразовать в такую теорию познания, к которой можно было бы отнестись серьезно» [19]. Для нас важно то, что анализ истоков обсервационизма выводит к первому признаку простого мышления, а именно такому его показателю, как бинарность.

К. Поппер полагал, что ошибочность этой концепции связана с традиционной моделью физической причинности, которая не работает применительно к организмам «и даже применительно к автомобилям или радиоприемникам, как и вообще применительно к устройствам, имеющим доступ к некоторому источнику энергии, которую они могут расходовать разными способами и в разном количестве» [19]. С моей точки зрения, бадейна теория была первой, и отличается она не только простотой, но и достаточно весомой аргументацией, которая позволяет ей держаться на плаву, уже более двух тысячелетий выдерживая контраргументы со стороны противостоящих теорий. Эту весомость обеспечивает мышление, отталкивающееся от самоочевидности разделенности всего сущего на противоположности (субъективное – объективное, внутреннее – внешнее, психическое – физическое, Я – не-Я, сознательное – бессознательное, Материя – Дух и т.д.). Бадейна теория до сих пор опирается на это мышление, оставаясь довольно влиятельной, особенно в психологии. Но она сама себе создает проблемы, претендуя на решение таких задач, которые по сложности своей значительно превышают ресурсы простого мышления, на которое опирается теория.

Например, обсервационизм не учитывает, что сознание, обеспечивающее человеку способность видеть мир отдельно от себя, в результате чего и рождается чувство самоочевидности их противостояния, уже включено в теорию в качестве ее предпосылки, а потому не может стать для нее предметом познания. Иными словами, если бинарное видение мира (различение Я и не-Я) порождено сознанием, то можно ли с помощью бинарного мышления поставить и решить проблему сознания в психологии? Злоключения же теории, приводящие к выводу о ее ошибочности, начинаются после того, как она все же попытается это сделать. Ведь в ее распоряжении остается только один, притом достаточно пугающий образ человека в виде некой емкости (бочки, бадьи); в ней размещается сознание (или психика, или мозг – в зависимости от концептуальных предпочтений), напрямую связанное с «дырками», проделанными в бадье, в которых дислоцируются органы чувств, через них и проникает «объективная реальность». Теперь уже не сознанием определяется эффект присутствия человека в мире, но признается, что эта дихотомия существовала всегда, ибо «так устроен мир». И когда рождается ребенок, мир, который был до ребенка и будет после, весь, во всем его предметном (вещном) составе образующий «окружающую среду», начинает «приставать» к ребенку, проникать через «дырки», если они конечно есть и если это «нормальные дырки».

Основную канву всей работы определяет следующее утверждение: *всю историю психологического мышления как закономерного усложняющегося феномена можно высветить через то, каким образом ставится и решается учеными проблема «места встречи» человека с миром.* Проблема очень принципиальная, потому что здесь не очень важно, что будет сказано ученым во имя развития идеи («во-вторых», «в-третьих» и т.д.), поскольку все дальнейшее легко выводимо из того, что он сказал, формулируя свое «во-первых». Кроме того, это проблема очень болезненна для тех мыслителей, которые полагают, что «место встречи изменить нельзя». Они бьются и будут биться за правомочность своего взгляда, в соответствии с которым это «место встречи» располагается на поверхности человеческого тела, точнее, по дислоцированным на ней «дыркам» (органам чувств и рецепторам); психика и сознание подкожны или представляют собой некие неведомо где (хоть бы и под кожей) существующие «целостные сферы» («сфера сознания», «сфера бессознательного» и т.д.), которые являются дискретными самодействующими органами (потому и словосочетания «психическая деятельность», «деятельность сознания» часто пишутся без кавычек).

При этом я согласен с К. Поппером в том, что эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения «все лучших и лучших теорий», но не считаю, что за этим стоит «дарвинистский процесс», благодаря которому теории становятся

ся «лучше приспособленными» вследствие естественного отбора [19]. С помощью транспективного анализа, т.е. с точки зрения на науку как саморазвивающуюся открытую систему, открывается, что науке присуща не только саморегуляция, но и самоорганизация, каковая и проявляется в виде процесса закономерного усложнения научного мышления, внутри которого сегодня можно выделить уже достаточно обозначившиеся переходные стадии и конкретизирующие их уровни мышления.

2. Сложное психологическое мышление: бинарно-тернарная логика неклассицизма

Оценивая день сегодняшний, можно утверждать, что современная наука вошла в зону перекрытия двух парадигмальных установок, находясь в которой она постепенно накапливает опыт нового, более сложного мышления. Внешне кажется, что сегодня уже нет никаких причин для возникновения теорий, реанимирующих одномерно-бинарную логику профессионального мышления, свойственного эпохе становления идеалов классической рациональности, поскольку переход от бинарной логики к логике многомерной знаменует смещение идеалов рациональности в рамках градиента классицизм – постнеклассицизм. Тем не менее реалии таковы, что «ренессанс» старых (и более простых) форм научных рассуждений происходит зримо, не встречая особого сопротивления. Дело в том, что бинарное мышление представляет собой явление, преодолеваемое (но не преодоленное) неклассикой, обнаружившей истинного самодействующего субъекта – человека с присущей ему способностью к самореализации, самоосуществлению, саморегуляции, самоорганизации и т.д. Устои бинаризма при этом были изрядно «расшатаны», но не преодолены. Понятие «деятельность» продолжает рассматриваться в качестве равноприложимого как к человеку, так и его органам, в том числе и таким, как психика («психическая деятельность») и сознание («деятельность сознания»).

Сложность возникает, когда рождаются попытки совместить бинарные оппозиции (материя – дух, внутреннее – внешнее, объективное – субъективное, психическое – физическое, гомеостаз – гетеростаз и т.д.) и выйти к их со-бытию, т.е. тернарным конструкциям. Сверхсложность заявляет о себе, когда за «методологическим слипанием» указанных противоположностей в их тернарном «со-бытии», констатируемом понятиями «единство» (например, посредством «принципа единства аффекта и интеллекта», «принципа единства сознания и деятельности» и т.д.) или «соприсутствие» («принцип со-присутствия духовного сущего другому сущему», которого придерживается экзистенциальная психология), открывается многомерная и

вполне упорядоченная реальность, в которой на самом деле пребывают «со-бытийствующие» оппозиции. Причем реальность подвижная, динамичная, а с такими явлениями психология работает пока с большим трудом. Прав А.А. Ухтомский: «Крайняя трудность для мысли взять предмет в его текучести» [17. С. 79].

Г. Олпорт писал по этому поводу: «В нынешние времена экзистенциализма я ощущаю, что психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации и, соответственно, понятия «редукция напряжения», «восстановление равновесия» и «гомеостаз». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансистаза»; сплоченность – это вопрос сохранения человеческих отношений в движении, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность» [15. С. 39]. Фиксируемый Г. Олпортом рост когнитивной сложности обозначает дистанцию между методами мышления, используемых применительно к изучаемому явлению. Это также дистанция между двумя образами, двумя представлениями об изучаемом явлении, которые складываются в науке, ведущей себя трансистивно, т.е. удерживающей свою устойчивость в движении (и за счет движения). Чем сложнее образ, тем проще объяснение. Все дело в том, насколько мы способны согласиться с тем, что если явление ускользает от исследования, значит, оно на самом деле сложнее, чем примененная к нему познавательная схема.

Не случайно до сих пор остается практически неизвестным принцип коинциденции Д.Н. Узнадзе, который, последовательно анализируя сменяющие друг друга теории эмпиризма, нативизма, конвергенции, своеобразно устанавливающие взаимосвязи между внешним и внутренним в поведении и развитии человека, пришел к выводу о том, что понятие внутреннего уже содержит то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним [16. С. 110].

С большим трудом проходит сквозь «бинарное сито» мысль о том, что «актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего», и это создает «совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» [6. С. 49]. Будущее присутствует в настоящем, порожаемое этим присутствием «совершенно новое поле действия» и образование намерений, целеобразование, связанное с динамикой «психологического поля», – разве это не описание того, как зарождается инновационное поведение? Уже на исходе жизни Л.С. Выготский наметит пути окончатель-

ного вывода своей теории за пределы бинарной логики: надо избавиться от параллелизма в диаде «внешнее поле – смысловое поле», взять их «в едином плане», иначе не выйти к «динамике сорта flussig» – текучей динамике [9].

Что обуславливает сложность? Стереотипы нашего собственного мышления, то предпочтение, которое отдается в нем бинарным построениям путем выделения противостоящих между собой диад – как по отношению к пространству (субъективная реальность – объективная реальность, внутренний мир – внешний мир), так и по отношению к времени (прошлое – настоящее, настоящее – будущее). Текучая динамика (становление, *порождение нового*) диадами не фиксируется – она в них просто не вмещается. Иными словами, преодолевая логику бинаризма, мышление должно подняться к реальной многомерности человеческих миров, устойчиво существующих только в динамике их становления, самодвижения, саморазвития.

3. Сверхсложное психологическое мышление: многомерная логика постнеклассицизма

По мнению некоторых философов, переход к многомерности «предполагает революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск иных их логико-методологических оснований» [8. С. 30]. В.Е. Кемеров, обсуждая в рамках социальной философии проблему многомерности социального бытия, указывает на те трудности, которые всплывают при вхождении в логику многомерности [10]. Это проблема *дальнодействия*, которая в философском плане еще недостаточно оценена и осмыслена. С ней связана другая проблема: способность науки выделять *сверхчувственные объекты* и работать с ними. В.Е. Кемеров полагает, что философия, сосредоточившись на критике стереотипов классической научности и рациональности, практически ничего не сделала для выработки новых научных и философских средств фиксации и описания сверхчувственных аспектов бытия. Автор считает, что *одномерное* представление о человеческой деятельности не может быть достаточной характеристикой сверхчувственных аспектов бытия вещей, тем более людей. Когда «человеческие предметы» попадают в живое движение деятельности, они *раскрывают свою многомерность*, включаясь в жизненный процесс развивающейся личности, ребенка или взрослого. За термином «сверхчувственное» скрываются *процесс, организованность, развернутость в пространстве и во времени человеческих деятельных сил*.

Еще более сложным является то, что вытекает из многомерной логики, – признание того факта, что *сознательное и духовное* являются выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, понятого в его *континуальности*. На разных стадиях социального про-

цесса на первый план выступали то одни, то другие аспекты пространственно-временного освоения и представления мира человеком. Сегодня происходит процесс «переподчинения координат»: если прежде формы пространства выражали время и подчиняли себе его измерение, то теперь *доминантой становится время*. Поворот науки к качественному анализу сложных систем связал пространство и время с их организацией. В.Е. Кемеров полагает, что древняя идея *хронотопа* вновь становится ориентиром мировоззрения, но без конкретного исследования пространства – времени как форм бытия сложных культурных и природных систем идея хронотопа остается лишь ориентиром.

Интересно сравнить, насколько точно совпадают теоретические построения философа, разрабатывающего логику многомерного мышления, с теми построениями, которые (вполне независимо от философа) вынуждены делать психологи; последние в своих экспериментах сталкиваются с многомерными реалиями. О сверхчувственных качествах предметов мне пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций (эксперименты 1972–1976 гг., проведенные в рамках подготовки кандидатской диссертации), синхронизированная с содержанием разворачивающейся на глазах экспериментатора деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и трудно объяснимый в то время феномен: *непрерывно идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы*. В докторской диссертации (1991) был представлен абрис теории психологических систем (ТПС), в которой операциональные ценности и смыслы выступили в качестве системных сверхчувственных качеств, возникающих в результате взаимодействия человека с миром, что существенно изменило представление о природе и функции смыслообразования. Тогда же были высказаны первые мысли о дальнодействии (континуальности) психического. Затем, уже рамках ТПС, мы перешли от лабораторных экспериментов к исследованию психологических феноменов в реальной жизнедеятельности (докторская диссертация О.М. Краснорядцевой (1997)), а изучение жизненного самоосуществления человеком (в системно-антропологическом контексте) замкнуло большой цикл исследований (докторская диссертация И.О. Логиновой (2010)).

Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации (докторская диссертация Э.В. Галажинского (2002)), в соответствии с которым внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье – сверхчувственные, общесистемные качества, которые, будучи новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, становятся своеобразным параметром порядка, указывающими направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в

действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве [7, 11]. Пространственно-временная (хронотопическая) организация жизненного мира человека стала предметом исследования в докторской диссертации Е.В. Некрасовой (2006), транстемпоральные характеристики человека как саморазвивающейся системы были вскрыты в докторской диссертации О.В. Лукьянова (2009).

Я не буду останавливаться на том большом числе законченных исследований, в которых удалось установить связь между усложнением многомерного пространства жизни человека в ходе онтогенеза и становлением адекватных этим изменениям форм сознания – предметного, смыслового, ценностного. Отмечу только, что сформирована новая «когнитивная метафора», позволяющая объяснить, каким образом мозг человека, по всем параметрам памяти и скородействия уступая компьютеру, именно благодаря многомерности жизненного пространства, его организации, включающей в себя и сверхчувственные динамичные «параметры порядка», справляется с информационным хаосом, в который все больше погружается человек. Важно заметить, что многомерное мышление при всех трудностях его освоения все-таки пробирует себе дорогу не только в теоретико-методологическом плане, но и в плане конкретно-практическом. При этом переключение с бинарной системы на многомерную представляет собой процесс выхода к новому способу мирозидения, но невозможно одномоментное переключение исследователя на рельсы нового мышления. Здесь определенным образом может помочь транспективный анализ как способ изучения живых открытых саморазвивающихся систем в самом процессе их самодвижения [12], однако и сам он является продуктом сверхсложного мышления.

Что же делает многомерное мышление сверхсложным?

Субъективная оценка уровня сложности мышления зависит от того, насколько легко сможет психолог включить в свой образ мышления некоторые идеи, которые можно оценить и как признаки сверхсложного (многомерного) мышления:

– наступает период, когда необходимо реконструировать целое, чтобы понять части: психика как таковая и психика в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена;

– мыслить предстоит в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей, даже таких «привычных», как личность, сознание, психика, зачастую понимаемых в качестве самостоятельно «работающих» органов, подчиненных собственной логике и присущим им «механизмам»;

– от дискретного понимания психических феноменов необходимо перейти к континуальному представлению о них: например, понять психику, сознание в их «неподкожности», непрерывности и дальности

действии – нет пока другого способа реанимировать психологию как науку о душе, о духе и духовном человеке;

- человек как целое, благодаря психике, представляет собой сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, системной детерминацией инициативных (инновационных) форм жизнеосуществления;

- темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему;

- меняется масштаб видения человека как предмета психологического осмысления: привычные рамки «субъект – бытие – жизнедеятельность» или «личность – личностный рост – самореализация» сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий масштаб видения проблемы рамка «человек – жизнь – жизнеосуществление»;

- открытые системы человекообразного уровня не производят энергию, необходимую для поддержания активности; они способны отбирать ее извне и концентрировать вдоль тенденционально представленных силовых линий, по которым человек вытягивает себя из настоящего, подчиняясь будущему: смыслообразование (производное самоорганизации) выделяет в жизненном пространстве человека такие места (точки, секторы, сегменты), в которых будущее уже реально присутствует «здесь и теперь», и, следовательно, места, в которых саморазвивающийся человек не совпадает с самим собой;

- оперативные (операциональные) смыслы и ценности представляют собой особые сверхчувственные качества предметов и явлений, их особое субъективное измерение, возникающее в актах взаимодействия человека с миром и только в тех местах этого мира, в которых обнаруживается соответствие между текущими состояниями человека (его напряженными потребностями и возможностями) и тем в мире, что откликается на его ожидание, на его запрос, обращенный к миру.

Итак, зафиксированный с помощью транспективного анализа рост сложности профессионально-психологического мышления выступил в данном случае в качестве показателя прогрессивной эволюции психологического познания. Именно этот рост фиксирует парадигмальная динамика (последовательная смена парадигмальных установок), раскрывая возможности для постановки и решения новых, более сложных и комплексных научных и прикладных задач. В принципе, любой науке приходится время от времени соизмерять уровень сложности обращенного к ней социального заказа с реальной возможностью переформатировать этот заказ в конкретную проблему, постановка и решение которой фундирована методологически, теоретически,

методически. С каким социальным заказом сталкивается психологическая наука сегодня? Насколько она готова его принять и выполнить?

Кратко отвечая на эти вопросы, можно сказать, что заказ этот сверхсложен и требует для своего выполнения задействования адекватного ему арсенала познавательных средств и процедур, т.е. профессионально-психологического мышления сверхсложного типа. Необходимо согласиться с тем, что для манипулирования человеком не требуется проникновения в глубины человеческой сущности. Оно не нуждается в особом психологическом обеспечении: разработчику достаточно обыденной (житейской) психологии и неких рефлексивных навыков. Наверное, знания об условиях становления и механизмах функционирования психики и сознания могут быть полезными и в этом случае, но создатель манипулятивной технологии вполне может обойтись и без этого знания. *Гуманистически ориентированные гуманитарные технологии не могут быть созданы при опоре на поверхностное и упрощенное понимание человека, его сознания, психики.* Для построения «высоких гуманитарных технологий», а «Hi-hum & Hi-ed» – составная часть шестого технологического уклада, в пространство которого вступает человечество, необходимо мышление более высокого уровня сложности.

Другими словами, высокие гуманитарные технологии не могут не опираться на достаточно сложное знание о закономерностях и стадиях становления человеческого в человеке, поскольку любая технология, вступающая в противоречие с законами человекообразования, по сути своей не может быть ни гуманной, ни образовательной. Она не может быть гуманной, поскольку содержит в себе элементы насилия над человеческой природой. Будучи составной частью технологии, насилие может тиражироваться и усиливаться, особенно если учесть информационные возможности современного общества, а также клановую, идеологическую и любую другую ангажированность источников и средств информации. Таким образом, критерии дифференциации гуманитарных технологий по степени их гуманистичности лежат в области различения простого и сложного знания, а также простого и сложного мышления, которое было использовано при разработке этих технологий. Упрощенное, симплифицированное понимание человека создателями и реализаторами гуманитарных технологий изначально перекрывает возможность выйти за пределы манипулятивных технологий.

Литература

1. Акопов Г.В. Реферат «Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований». Режим доступа: http://www.psy.su/psyche/news_gold_psyhe/3682/
2. Аллавердов В.М. Размышления о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. 264 с.

3. *Аришинов В.И.* Постнеклассические практики, конвергентные (трансформативные) технологии и проблема коммуникации в сложностях. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3186.
4. *Барнетт Рональд.* Осмысление университета. Режим доступа: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm>.
5. *Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
6. *Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1984. Т. 6. С. 49.
7. *Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 44 с.
8. *Дрюк М.А.* Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2002. № 2.
9. *Завершинева Е.Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–135.
10. *Кемеров В.Е.* Социальная философия: Курс лекций. Екатеринбург, 2000.
11. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
12. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транссективный анализ). Томск, 2005.
13. *Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1.
14. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
15. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; Под общ. ред. Д. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с.
16. *Узнадзе Д.Н.* Антология гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. С. 110, 224.
17. *Ухтомский А.А.* Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 79.
18. *Klochko V.E.* Cultural-Historical Psychology of L.S. Vygotsky: Exploring the Logic of Multidimensionality // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Ed. by Yu.P. Zinchenko & V.F. Petrenko. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society, 2010. 719 p. (P. 112–130).
19. *Popper K.* A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J.W. Pollard. New York: John Wiley & Sons, Chichester, 1984. Ch. 10. P. 239–255. Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt>.

THE EVOLUTION OF PSYCHOLOGICAL THOUGHT: THE STAGES OF DEVELOPMENT AND PATTERNS OF COMPLICATIONS

Klochko V.E. (Tomsk)

Summary. The paper considers the problem of psychological science in terms of its inherent dynamics paradigm, which manifests itself in a regular complication of professional psychological thinking. Transspektiv analysis is shown as a methodological tool study of open self-developing systems. Relying on transspektiv analysis, the author reveals the laws of science, which manifest themselves increase the complexity of use of cognitive tools and procedures. Discusses the rationale of the progressive development of psychological science as an open theoretical self-organizing system. Stand simple way of thinking (one-dimensional-binary) characteristic of classical science, complex hinking (binary-ternary), which is characteristic of non-classical science. Argues that modern psychology is moving toward postnonclassycal paradigm and thus ternary thinking is replaced by a multi-dimensional, in which mind and consciousness is given a new explanation.

Key words: paradigm, the types of scientific rationality, just thinking, complex thinking, a supercomplex thinking sophisticated way of thinking, binarizm, ternarizm, multidimensional, self-development, self-organization, the theory of psychological systems, transspektiv analysis.

КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИЗ ОПЫТА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК)

В.И. Кабрин (Томск)

*Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы
«Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)»,
проект № 2.2.2.4/12682*

Аннотация. Обобщен опыт тренинговых психологических практик в виде концепции творческой коммуникации. Ее основу составляет концепция транскоммуникации, разработанная автором в его ключевых работах. Автор переосмысливает основные уровни транскоммуникативных процессов в контексте универсальных принципов творчества натуры и культуры.

Ключевые слова: коммуникативный импульс; транскоммуникативная ситуация; транскоммуникативное пространство; коммуникативные миры; жизнетворчество.

Вся рассматриваемая здесь пирамида концепций транскоммуникации построена преимущественно на основе результатов наблюдений интенсивного общения в тренинговых группах, не исключая, конечно, наблюдения за общением в повседневных условиях.

Здесь я не буду упоминать результаты многочисленных исследований с помощью ММКМ (Метод Моделирования Коммуникативных Миров), подтвердившие основную гипотезу о факторах транскоммуникативного процесса [17, 20, 23, 24, 26, 35], но хочу сделать новый гипотетический шаг в русле постнеклассики и постметодологии.

Долгое время представлялись эффективными полевые формирующие эксперименты, где в качестве сложного экспериментального фактора выступала строго операционально сформулированная тренинговая программа взаимодействия. Двух-, пятикратные исследовательские и диагностические замеры изменений личностных и межличностных характеристик, кажется, давали недвусмысленную картину релевантных замыслу эффектов. Позже стало понятно, что эта схема содержит *самооправдательный фактор* как гипотеза, притягивающая подтверждение. Содержание исследовательских, диагностических техник должно быть релевантно содержанию тренинговых программ, а это существенно увеличивает вероятность самоподтверждающегося эффекта¹.

Современные требования включенности валидизирующих процедур в исследовательский процесс при сохранении его релевантности психологической практике [7] предполагают возможно *радикальный*

¹ Иллюзию объективности создает формальная отделённость процедуры исследования от тренинга (схема «до – после»).

пересмотр синтеза исследования и изменений в тренинговых группах. На данном этапе я готовлю почву такого пересмотра на основе последовательного анализа базовых творческих факторов тренинговых коммуникативных миров в контексте теории транскоммуникации.

Существует множество классификаций тренинговых групп и групп интенсивного психологического опыта, основанных на различных базовых критериях: парадигмальном, проблемном, целевом, терапевтическом, развивающем (К. Рудестам, И. Ялом, Р. Качюнас и др.) и даже аутентичном, названном именем создателей (М. Балинт, К. Роджерс, Ф. Перлз, Э. Берн и др.) [3, 19, 27, 28, 41]. В соответствии с задачей работы мы предлагаем *критерий качественного погружения в коммуникацию*, полноценного в ней присутствия в плане жизнеосуществления. Смысл такого критерия видится в том, что он может оказаться универсальным для всех вышеперечисленных критериев. В коммуникации мы обнаруживаем многомерный синтез человеческой природы и культуры от рождения коммуникативного импульса до сотворения жизненного коммуникативного мира. Этот процесс будем называть собственно *психологической практикой*. Её качество мы обнаруживаем в непосредственном психологическом *переживании и проживании* полноты присутствия и *приключения* в проблемном жизненном мире человека. Говоря о приключении, вспоминаю крылатое выражение в йоге: «Лицо без морщин – все равно, что путешествие без приключений». Иными словами, творческая коммуникация всех уровней в группах разной направленности оказывается волнующим путешествием по еще не изведанным пространствам жизненных миров друг друга.

Современный ракурс проблемы

Групповая психотерапия, группа встреч, группа экзистенциального, трансперсонального, нозтического опыта, психодрама, символдрама, психосинтез и другие формы групповой работы претерпевают сегодня существенные кросскультурные изменения в связи с глобальными переменами в обществе XXI в. Перечислять эти изменения было бы излишне банально в силу их общеизвестности.

Лучше обратим внимание на одну сверхбанальность, которая оборачивается сверхпроблемой эффективности современных групповых психологических практик. Речь идет о само собой разумеющемся факте, о том, что любая психотерапевтическая практика, в том числе и «индивидуального консультирования», реализуется в специфической инициации и организации *коммуникативного процесса*. Именно в нем мы и обнаруживаем признаки социокультурных изменений и рождения новых эпох. Ведь очевидно, что сегодня мы общаемся не так и не для того, для чего общались наши предки даже в начале прошлого века. Однако поразительным образом обнаруживается, что ключевые кон-

цепции человеческой коммуникации были сформулированы в первой половине XX столетия К. Юнгом, М.М. Бахтиным, М. Бубером, Дж. Мидом, Р. Якобсоном, Ю. Хабермасом, Т. Шибутани [5, 6, 21, 33, 36, 38–40].

С тех пор интерес в научных кругах (даже в социальной психологии) к этому *родовому* в буквальном смысле процессу неуклонно падал. Прошли сексуальные и бисексуальные революции, хиппи и феминистские движения, а попытка глобализации человеческих ценностей привела к кросскультурным напряжениям, террористическим угрозам и разноцветным переворотам. Одновременно «кнопочные» СМИ сменил «клавишный» Интернет, от аналоговых (континуально-интуитивных) представлений перешли к дискретным (цифровым, «пиксельным») репрезентациям.

Однако рефлексия того, что происходит с нашей сугубо человеческой коммуникацией, качественно трансформирующей нас самих, как будто потерялась или растворилась в дистанцирующих дисплеях и конъюнктурно неизбежных проводных и беспроводных связях. В какой степени человек становится кардинально другим в своих жизненных пространствах; как изменилась его коммуникативная среда; какая в этой связи может быть затребована новая психологическая практика?!..

В. Франкл после Второй мировой войны видел новую перспективу в преодолении экзистенциального вакуума человека, отягощенного нооневрозами [32]. В то время еще можно было соотнести эту новую проблематику с концепцией экзистенциальной коммуникации К. Ясперса. Но что же предстоит современникам?

Хронический упрек человечеству – люди, становясь придатками созданных ими механизмов, уже думают механически и превращаются в винтики индустриальных конвейеров; далее становятся офисным «нанопланктоном» информационных систем и сетей. Сегодня этот упрек подогревается ностальгией древности, в которой мыслители были проще, свободнее, ближе к космосу, думали масштабнее и глубже, настолько, что этот рубеж кажется непреодолимым и сегодня [9]. Таким образом, усложняя свою информационно-технократическую цивилизацию, человек отдаляется от своей духовной сути, и Вселенная также представляется чуждо мертвой, враждебной или утилитарно привлекательной.

В этом контексте с трудом отыскиваются в архивной пыли, по меткому замечанию К. Уилбера, попытки сформировать светлый взгляд на живой космос (речь идет о *забытой* книге Фехнера) [10, 25, 30]. Кажется, что остается все меньше шансов восстановить подобие макрокосмоса и микрокосма человека. Однако в лице трансперсональных наук все же не исчезает свет в конце тоннеля. Если вернуться к творческой интуитивной открытости миру древних, можно увидеть и иной зеркальный мир как *зазеркалье цивилизаций*, где каждое новое

впечатление, откровение, изобретение, творческое создание содержит духовные и душевные вибрации, синхронистичные дыханию живого космоса. Симптоматично, что один из «революционно» настроенных трансперсоналогов Х. Феррер строит новую *эпистемологию соучастия*, преобразующую опосредованное отношение к миру в «интимное единение с космосом». «...Чтобы мир раскрывал свои более глубокие тайны, ему требуется от нас меньше господства и подозрения и больше любви и космического доверия. По словам, Паниккара (1988), нам необходимо культивировать космическое доверие к реальности, предельные основания которого заключаются в почти универсальном убеждении, что реальность является упорядоченной – иными словами, благой, прекрасной и истинной... космическое доверие – это не доверие к миру, к космосу. Это доверие самого космоса, частью которого мы являемся в силу того, что мы просто есть... само доверие – это космический факт, который мы более или менее осознаем и который мы все время заранее предполагаем...» [31. С. 256]. «Глубокий океан этого наиболее открытого, плодотворного и гибкого универсализма – универсализма, который требует понимания не в изолированных личных внутренних переживаниях, величественных видениях или метафизических интуициях, а в интимном диалоге и единении с другими существами и миром» [Там же. С. 276].

Акцент на творческих переживаниях в профессии и повседневности во всем их многообразии при долготерпении и толерантности может вернуть ослабленную гармонию духовного и материального (техногенного) измерений жизни человека. Однако ослабленная рефлексия и пересмотр изменений в человеческой коммуникации сохраняют условия её «отвердевания вплоть до окоченения», особенно в сфере образования. «Сегодня существует два разных мира, употребляющих слово *образование* в противоположных смыслах. Один мир состоит из школ, колледжей и университетов, составляющих наш образовательный комплекс, в котором преобладает стандартизация. В этом мире мегаструктура индустриального тренинга стремится выпускать идентичные образцы продукции, называемой «люди, получившие образование для XXI века». Второй мир – мир информации, знаний и мудрости, в котором реальное население находится, когда не отбывает заключение в школах. В этом мире обучение и преподавание состоит в передаче мудрости добровольным слушателям» [1. С. 27]. Поэтому для понимания важных для современности акцентов в *меняющихся* психологических практиках, целесообразно вернуться к *пересмотру* концепции творческой коммуникации, которую я уже пару десятилетий развиваю в рамках теории *транскоммуникации* [12, 17]. Это связано с тем, что наиболее существенные достижения и изменения в психологических практиках связаны с транскоммуникативными процессами.

Коммуникация как творческий процесс

Человеческая коммуникация образует мост или синтез творчества природы (сотворение *рода*, этноса) и культуры (поддержание социальных традиций и институтов) [8]. Поэтому она предвещает и закрепляет любые социокультурные изменения. Но еще более важно исследование *метакоммуникативного источника* и «*архетипа обращения к высшим силам*», который обнаруживается в самых древних символах «человечности», в развалах археологических находок и свидетельствует о первичной *трансцендентальной интенции* человеческой жизни [11]. В таком ракурсе понятна онтологически «социальная», альтруистическая улыбка младенца. Она говорит нам не только о начале его социализации, но и о его духовной «протонойяльной» одаренности. Думаю, что представителю помогающих профессий, да и человеку вообще, этот метакоммуникативный контекст человеческой экзистенции желательно учитывать как можно чаще.

В заданном нередуktивном контексте хотелось бы развернуть в онтогенетическом плане четыре уровня, масштаба, «единицы» творческой сути человеческой коммуникации [22].

1. **Креативность коммуникативного импульса.** Отмечалось, что коммуникативный импульс уже легко обнаруживается в альтруистической улыбке младенца (в отличие от улыбки – удовольствия от питания) [29]. Однако не стоит забывать, что такой приятной встрече с мамой предшествовал ряд стрессогенных ситуаций родовой деятельности и внезапная встреча с абсолютно незнакомым «чужим» внешним миром. У взрослых эта проблема коммуникативной встречи, как правило, связана с конфликтом полярных мотивов – «жаждой изречения» и «страхом обреченности». Ибо встреча – это всегда выход за пределы «себя» в реальную *неопределенность* с переживанием *децентрации*. Но этот выход не гарантирован; можно провалиться в пустоту игнорирования, непонимания, отчуждающих насмешек или конфронтаций. Встреча как децентрация, как преодоление аутизма, эгоцентризма – это всегда риск. Но только в нем и проявляется первичный потенциал креативности и «достижений», так как *состоявшаяся встреча* (в отличие от механического взаимодействия) есть достижение, преодоление себя и открытие нового.

Таким образом, как ни парадоксально, коммуникативный импульс начинается со *стресс-мобилизации*. И если это эустресс (Г. Селле), т.е. собственно *коммуникативный стресс*, то он индуцирует «транс» как переход границ, как децентрацию, что неизбежно увеличивает вероятность *отклика*, т.е. реализацию встречи. Поскольку здесь речь идет о *трансформации* новой энергии стресса в энергию транс, мы получаем первичное представление о транскомуникативном факторе (ТК-фактор) как стресс-транс-формации (СТФ). В этом случае

реализация ТК-фактора коммуникативного импульса во встрече (с партнером или любым событием в жизненном мире человека) может рассматриваться как *первичное творческое достижение* в качестве переживания новой синтонности, синхронистичности, т.е. *транса* как уже принципиально нового пикового переживания. Ранее я подробно описал структуру, или векторное поле, переживаний транскоммуникации как единый цикл (что-то наподобие фрактала): катарсис – импринтинг – экстенсия – инсайт [12]. Поскольку они имеют интуитивно-эйдетическую феноменологию синтонности миру, я предположил, что этот первичный транс-фактор коммуникативного импульса образует структуру или поле *микроноэзиса как духовное основание сотворчества* человека в его жизненном универсуме [12, 15]. Этому же соответствует возможно еще более важное следствие.

Креативность транса по любому вектору, особенно в катарсисе и инсайте, обнаруживает также удивительную синтонность и синхронистичность разнопорядковых, разноуровневых миров человека. Очищающий катарсис высокой мысли, эйдоса, чувства сопровождается *слезами*, перераспределением тонуса в органических процессах, соответствующих *физиологическому очищению*. Организм становится синтонен в меру своих возможностей нозтическому, духовному процессу в человеке. Инсайт как нозтическое духовное озарение сопровождается просветленной улыбкой, смехом с соответствующей синтонной органикой телесности. Получается, что транскоммуникация делает общающимися разномерные миры: от метакоммуникативного метаноэтического до протокоммуникативного телесного, т.е. в ней воплощается *трансцендентная призванность человека*.

2. Творческий потенциал элементарной коммуникативной ситуации. Рассматривая транскоммуникативный фактор в более эксплицитном и дифференцированном плане, можно выделить основные функциональные моменты-позиции базовой коммуникативной ситуации. Это партнеры с циклически меняющимися позициями коммуникатора и реципиента; предмет общения, удвоенный в опыте партнеров, и, конечно, удвоенная интерпретация способов символизации «раздвоенного» партнерами предмета (язык, тезаурус, дискурс, стиль и т.п.) [12, 14].

Здесь отчетливо вырисовывается многосторонняя проблемная ситуация, требующая именно креативного решения в транскоммуникативных инициативах партнеров. Уход в стереотипные конвенции «по поводу...» ведет скорее к фальсификации общения, недоразумения от которого могут сохраняться долго, но неизбежно приводят к взаимным разочарованиям. Конкретизируем проблемные неопределенности, требующие транскоммуникативной инициативы партнеров при создании общей коммуникативной ситуации, которой еще нет. Нас интересуют две координаты – *интерактивная* (ориентация партнеров друг на друга

и друг в друге) и информативная (ориентация партнеров во встречах презентациях «предмет – язык»).

Эти проблемы имеют классические описания (М. Форверг – Ю. Шрейдер), и суть их в следующем [37, 43].

1) Я формирую интеракцию с партнером, исходя из *своего* образа себя и образа партнера, каким Я его себе представляю. Партнер, общаясь со мной, также исходит из *своего* (другого) образа себя и меня. В таком случае *фальсификация* общения, или «мимоговорение», обеспечено.

2) Предъявляя предмет общения якобы общепринятыми языковыми средствами, я исхожу из уникального, сокровенного опыта их освоения, а при этом партнер поступает точно так же. Таким образом, *фальсификация* якобы общего информационного, смыслового поля достаточно очевидна.

Даже длительные квазинаучные дискуссии об определении общего смысла опыта и единства интерпретаций тезаурусов и дискурсов могут создать лишь временную успокаивающую иллюзию договоренности (Р. Барт)² [4].

Коммуникативные тренинги, тренинги сензитивности и т.п. практики, формирующие культуру обратной связи и дающие представления о том, как мы друг друга чувствуем, что мы думаем друг о друге при ближайшем (психоаналитическом, феноменологическом или экзистенциальном) рассмотрении, обнаруживают трудно преодолеваемые препятствия. При этом представим, что в обычном спонтанном общении такие формы погружения в череду моментов меняющейся коммуникативной ситуации не реальны. Этим я хочу подчеркнуть, что в любой коммуникативной ситуации без инициативного риска ее спонтанной креативной транскоммунитивной «перепланировки», точнее – «сплавления», не обойтись.

На самом деле естественный, интуитивный, творческий способ воссоединения коммуникативной ситуации в жизни существует, хотя и трудно рефлексруется (что, может быть, и к лучшему, имея в виду «проблему сороконожки»). Этот процесс в общении я обозначил как одновременная, лучше – «синхронная обратная связь» (СОС) [18]. Этот феномен стар, как мир человека, его яркие следы находят в палеолите, в древнем искусстве [11].

Человеческая коммуникация издревле протекала как динамическая синестезия аудиальных и визуальных, интерактивных и эмотивных образов. И в современном общении задействованы все эти векторы синестезии и трансформации, даже когда речь идет о специализированных «деформированных» формах односторонней публичной

² Ярким примером такой дискуссии по бесконечному распаковыванию смыслов дискурса является работа Р. Барта «S/Z» – первое знаменитое эссе интертекстуальности и практический опыт постструктуралистской деконструкции текста.

коммуникации – псевдомонологе (лекции, докладе, «проповеди» и т.п.). Конкретно это выглядит следующим образом. Когда я *произношу* длинную речь *слушателям*, где на поверхности односторонняя аудиальная коммуникация, то синхронно многие из вовлеченных в процесс становятся коммуникаторами в визуальном канале, имея множество средств (часто неосознанных), показывающих их понимание – непонимание, согласие – несогласие, принятие – непринятие, важность – неважность, внимание – игнорирование, вовлеченность – безразличие, соразмышление – отвлеченность, восторг – возмущение... Этот многомерный спектр визуальной коммуникации кажется бесконечным не менее, чем аудиальная болтливость коммуникатора.

Спонтанно реагируя в качестве реципиента на всю эту мозаику встречной визуальной информации, я синхронно могу импровизировать множеством лингвистических и паралингвистических вариаций речевого сообщения. Вспомним, что только интонация может нести от 70% (и более) важной смысловой информации. Таким образом, внешне односторонний монолог может оказаться интенсивным творческим диалогом, если я в качестве протагониста погружен с СОС (SOS!)³. Синхронный интуитивный «перевод», трансформация визуальных образов – ответов в аудиальные речевые образы рождает *трансмыслы* именно этой коммуникативной ситуации. Я и партнер становимся соавторами творческого транскомуникативного процесса.

3. Творческая динамика коммуникативного пространства личности, группы, организации. Коммуникативное пространство – это по сути функциональная дифференциация рассмотренных коммуникативных ситуаций в конкретных социокультурных контекстах, где культурно-исторически определились основные типы, уровни и формы общения: контакты, беседы, диалоги, отношения. В прежних моих работах представлены матричная, структурно-динамическая, функционально-уровневая и холархическая модели коммуникативного пространства [12, 17]. Для рассмотрения здесь коммуникативного пространства как динамического творческого процесса и потенциала личности и группы необходима новая его репрезентация в виде смыслообразующего пульсирующего поля коммуникативных форм разных уровней психоэнергетической плотности. Если двигаться от глубинного ядра к границам этого поля, вырисовывается следующая картина транскомуникативных интенций: архетипические «пресубпозиции»⁴ *контактов* (неожиданный контакт глаз, взглядов со спонтанно возникающей симпатией или антипатией); ситуативные интересы, образующие почву для *бесед* с формированием позиции собеседников; актуа-

³ SOS – *Save Our Souls or Save Our Spirits*. Здесь это многомерная метафора.

⁴ Используется психолингвистический термин, рассмотренный В.А. Звегинцевым в работе «Предложение и его отношение к языку и речи»; он наиболее адекватно отражает природу контакта как единицы коммуникации.

лизированные компетенции в решении проблем, рождающие интенсивные *диалоги и дискуссии*; ценностно-смысловые личностные диспозиции, рождающие *жизнетворческие отношения*.

Каждый уровень коммуникативного пространства, как видим, имеет определенную специфику креативности. В контакте – это интуитивная проницательность и смелость взгляда; в беседе – креативная оригинальность дискурса; в дискуссии – остроумное решение проблемы; в отношениях – это талант их установления и развития. Целостная творческая потенциализация коммуникативного пространства образуется кумулятивностью, транзитивностью и транскоммунитивными переходами между указанными разноуровневыми формами общения и переносами их специфических потенциалов. В жизни крайние варианты таких транскоммунитивных переносов известны как «любовь с первого взгляда» или такое же спонтанное агрессивное, паническое отвержение. В пределах устанавливающихся отношений эти креативные потенциалы у всех по-разному, но все-таки стабилизируются, а транскоммунитивные переходы облегчаются. Конечно, помимо этого, происходят и неожиданные, или постепенно зреющие вихреобразные конфликтные процессы [34].

В группе или организации эти процессы образуют психологическую атмосферу. А люди сами по себе, видимо, очень отлично друг от друга переживают и осознают масштабы и пределы своего коммуникативного пространства. Думаю, что система кросскультурных исследований могла бы строить картографию этих коммуникативных пространств, прогностически ценных для разных сфер жизни общества.

4. Транскоммунитивное сотворение жизненного мира человека. Речь идет о наиболее емком и живом универсуме бытия человека как личности, который, кажется, приходит с самим младенцем – с его трансцендентным криком, а чуть позже – с той самой альтруистической улыбкой. Этот феномен – рождение личности и ее жизненного мира – пробный камень всей психологии. Существует множество его интерпретаций: от *микроскопической* психосоматической телесно-ориентированной до *макроскопической* трансперсональной парадигмы. Отчасти их обзор мы делали в предыдущих работах [12–17]. Здесь же сконцентрируемся на креативном аспекте жизненного мира человека.

Многие годы я наблюдаю, что коммуникативный мир личности студента в группе как созвездие уникальных добровольных избирательных, ориентированных на взаимность отношений по важным аспектам (семантика партнера, интереса, переживания времени, т.е. хронотопа) совпадал или был похож на её повседневный коммуникативный мир за пределами конкретной группы. Иными словами, из группы в группу от первичной (семейной) до разных последующих компаний, тусовок, организаций, коллективов человек нес в себе и с собой какую-

то синхронистичную *архетипическую, или паттермальную, структуру как потенциально вакантную* [17].

Человек ищет свой коктейль уникальности – избирательности – взаимности для полноты (оптимума) самореализации и роста. Наблюдая, как студенты заполняют бланк Метода Моделирования Коммуникативного Мира, я видел, как часто они удивляются и смущаются своим результатам («с кем... и зачем...»). Вырисовывалась гипотеза: человек чувствует *отчетливый диссонанс*, общаясь не с тем и не о том. Однако было видно, что коммуникативные миры многих были отягощены этими неаутентичными отношениями. Вторая часть гипотезы в определенном смысле прояснялась концепцией экзистенциальной коммуникации К. Ясперса (я чувствую согласие с Богом в молчании моей совести) [42]. Она вела к трансцендентному нозетическому пониманию природы коммуникативного мира личности как её «духовного кокона». Если гипотеза верна, то коммуникативный мир выглядит как высшая ступень *со-творчества, со-присутствия* в духовной жизни и нозисе. Она определяет и высшую степень самореализации как *сореализации и соучастия* [31]. В предыдущих работах мы показали, что именно в масштабе коммуникативного мира в течение всей жизни человека происходят творческая потенциализация базовых человеческих отношений и качественный духовный рост как самовозрастание через прото-, орто-, пара- и *метанойю*, где метанойя (в отличие от акмеологических концепций) может стать вершиной духовного роста в последний период и момент жизни [12, 14].

В данном контексте стоит отметить отличие этой гипотезы от концепции человека в качестве *субъекта* как «созидателя», «вершителя», «решателя» не только его личных, но и общественных проблем без рефлексии того, «откуда он сам» и «куда он придет в конце концов». Таким образом, концепция коммуникативного мира достаточно определенно высвечивает область пересечения общей и социальной психологии, в которой человек – это не особь – субъект, а созвездие живых потенциально транзитивных и надситуативных, т.е. *транскоммуникативных, отношений*.

С точки зрения концепции социально-психологические модели групп как непосредственные коммуникативные сети, структуры, иерархии выглядят упрощенно. Наблюдая за групповой динамикой в тренинге, я часто замечал, как каждый или большинство членов группы выбирали релевантных себе партнеров, строили с ними своеобразные уникальные отношения, а с остальными вели себя скорее формально-нормативно. Часто получалось, что даже в группе из 7 человек каждый строил свой уникальный коммуникативный мир если и со всеми, то *очень по-своему*. Группа неизбежно становилась многомерным пространством личностных коммуникативных миров. Именно в этом ракурсе личность и группа оказываются соразмерны друг другу, а транскоммуникация возникает

как естественный процесс. Эта картина абсолютно противоположна плоской социограмме, где каждый как-то связан (позитивно, негативно или нейтрально), но *напрямую* с каждым участником.

Отсюда – ключевая идея дальнейшего развития психологических практик. Необходимо разрабатывать стратегии психологической помощи, формирования и совершенствования коммуникативных миров личности в группах и организациях.

Литература

1. Акофф Р., Гринберг Д. Преобразование образования / Пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008.
3. Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-Центр, 2002.
4. Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986.
6. Бубер М. Проблема человека. М., 1992.
7. Бусыгина Н.П. Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 3. С. 106–131.
8. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
9. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1998. С. 282–302.
10. Друри Н. Трансперсональная психология. Львов, 2001.
11. Екинцев В.И., Замарехина И.В. Коммуникативный потенциал личности: диагностика и развитие: Учеб. пособие. Чита, 2010.
12. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
13. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 73–103.
14. Кабрин В.И. Ноэтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 3. С. 5–24.
15. Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск, 1999. С. 47–59.
16. Кабрин В.И. Транскоммунитивный подход как постметодология современной ноэтической психологии жизни // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007. С. 172–194.
17. Кабрин В.И. Транскоммунитивация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992.
18. Кабрин В.И. Транскоммунитивация: феномен и принцип синергии трансперсональных процессов // Революция сознания: трансперсональные открытия, которые меняют мир: Материалы 17-го Всемирного трансперсонального конгресса, 23–27 июня 2010 г. М.: МТА; МАПН, 2010. С. 119–127.
19. Кочюнас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия: Учеб. пособие для вузов. ГРИФ. М.: Академический проспект, 2008.
20. Лебединская С.В. Тренинг метафоричности как условие самореализации личности: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2009.

21. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1974.
22. Любарт Т. Психология креативности. М.: Универс, 1993.
23. Мацута В.В. Аутокоммуникация человека: функциональный аспект: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010.
24. Муравьева О.И. Основные стратегии в структуре компетентности. Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2001.
25. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.
26. Пяткова О.А. Динамика транскомуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2007.
27. Роджерс К. О групповой психотерапии. М.: Гиль-Эстель, 1993.
28. Рудестам К. Групповая психотерапия. СПб.: Питер, 2006.
29. Субботский Е.В. Генезис личности. Теория и эксперимент. М.: Смысл, 2010.
30. Уилбер К. Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 2004.
31. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004.
32. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
33. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006.
34. Частокоренко Я.Б. Динамика первичного творчества в коммуникативном процессе тренинга креативности: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004.
35. Карнаухов Д.А. Коммуникативные аспекты ментальных карт участников образовательного процесса: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004.
36. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н /Д.: Феникс, 1999.
37. Шрейдер Ю.А. Тезаурусы в информатике и теоретической семантике // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1971. № 3.
38. Юнг К. Аion. Исследование феноменологии самости. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997.
39. Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997.
40. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102–118.
41. Ялом И., Лесц М. Групповая психотерапия. Теория и практика. СПб.: Питер, 2009.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994.
43. Vorweg M. Sozialpsychologisches Training. Jena, 1971.

THE CONCEPT OF CREATIVE COMMUNICATIONS (FROM EXPERIENCE PSYCHOLOGICAL AN EXPERT)

Kabrin V.I. (Tomsk)

Summary. In article experience training psychological an expert in the form of the concept of creative communications is generalized. The author has developed the theory of transcommunications which is presented in its key works. The author reinterprets the basic levels of transcommunicative processes in a context of universal principles of creativity of nature and culture.

Key words: a communicative impulse; a transcommunicative situation; transcommunicative space; the communicative worlds; a life creativity.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОПРОСНИКА «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

О.М. Краснорядцева, Д.Ю. Баланев, Э.А. Щеглова (Томск)

*Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы
«Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)»,
проект № 2.2.2.4/12682*

Аннотация. Предлагается вариант методического приема для диагностики психологической готовности к инновационной деятельности. Рассматриваются условия и возможности использования практическими психологами экспресс-методик подобного рода. Обсуждены полученные интересные исследовательские данные о возможностях психолого-образовательного сопровождения вхождения молодежи в инновационную деятельность.

Ключевые слова: инновационная активность; психологическая готовность к инновационной деятельности; диагностический прием; психометрическая проверка.

В настоящее время социальная значимость проблемы развития инновационной активности российской молодежи обозначается уже не только в выступлениях первых лиц государства, заключениях аналитиков, но уже и в виде социокультурных задач, стоящих перед системой высшего профессионального образования. Одним из последних примеров тому является обсуждаемый сегодня проект «Концепции развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах», разработанный Департаментом стратегического развития Минобрнауки России [7].

На факультете психологии Томского государственного университета в течение ряда лет реализуются исследовательские проекты, в которых разработаны концептуальные представления об инновационной активности личности как динамическом факторе и стратегическом ресурсе жизнеосуществления человека, характеризующем его интенсивность, энергетику, способ жизни, стилевые особенности [2, 4].

Значимой психологической характеристикой инновационной активности является инновационный потенциал личности, вбирающий в себя ресурсную часть (возможности) и то, что можно было бы назвать «инновационный тонус», своего рода готовность, характеризующую устойчивость превращения потенциала (как резерва) в потенцию.

Под инновационным потенциалом понимается интегральная системная характеристика человека, определяющая его способность, во-первых, генерировать новые формы поведения и деятельности, используя те возможности, которые открываются ему в сложной динамике

ценностно-смысловых измерений его жизненного пространства; и, во-вторых, обеспечивать режим саморазвития [5].

Использованная нами системно-антропологическая парадигма [6] послужила системообразующим основанием для интеграции индикаторов и показателей, имеющих отношение именно к инновационному потенциалу [3]:

1. *Ресурсная часть* инновационного потенциала как *преддиспозиция*, т.е. как то, что может проявиться на поведенческом уровне в качестве источника или предпосылки саморазвития, но может при этом изучаться внеситуационно, т.е. в достаточной степени номотетично, статично.

2. *Диспозиционная часть* – возможности (как ресурс) проявляющие себя при переходе в *процессуальный план*, в котором они выступают как некоторое расположение (отношение, готовность, интенция), вбирающее процессы смыслообразования, целеобразования, через которые возможности-ресурсы заявляют о себе в ситуациях, моделируемых исследованием, – мнимых, представляемых или только мыслимых.

3. *Процессуально-динамический уровень*. Здесь анализируются реально возникающие оперативные смыслы и ценности, а также связанные с ними установки, о качестве которых можно судить на основе конкретных поведенческих актов, формирующихся в потенциально инновационных ситуациях. На процессуально-динамическом уровне исследования фиксируется этап превращения ресурсной составляющей инновационного потенциала (совокупности разноуровневых возможностей человека) в потенции – силы, запускающие их реализацию, что и обуславливает запуск механизмов саморазвития.

В данной статье мы представляем описание одного из методических приемов, используемых при диагностике ресурсной части инновационного потенциала личности. Эмпирически измеряемым конструктом выступает психологическая готовность к инновационной деятельности, отражающая динамические характеристики многомерного жизненного мира человека (инициативность как готовность человека действовать в условиях непредсказуемости результатов деятельности, полагаться на свои силы (доверие к себе) и отвечать за результаты; открытость к изменениям; готовность к переменам; легкость перестройки).

Процедура разработки и психометрической проверки

Опросник «Психологическая готовность к инновационной деятельности» (авторы В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева) выполнен в виде набора утверждений, каждому из которых поставлен в соответствие набор ответов закрытого типа. На начальном этапе разработки был составлен список утверждений для их первичной статистической обра-

ботки. Список состоял из 42 утверждений. Выборку составили из 110 выпускников факультета психологии. Рассчитывались статистические показатели для каждого пункта с учетом индекса «трудности» и коэффициента дискриминативности, после чего были исключены неудовлетворительные пункты и составлена окончательная форма опросника, включающая 21 утверждение.

Каждая из 3 шкал опросника достаточно однозначно характеризует основные параметры психологической готовности к инновационной деятельности. Шкала «Инициативность» отражает степень готовности человека действовать в условиях неопределенности (непредсказуемости) результатов деятельности, полагаться на свои силы (доверие к себе) и отвечать за результаты. Высокие показатели по данной шкале говорят о способности человека действовать на основе неполной ориентировки, без интенции на конечный результат, развитое доверие к себе, ответственность. Низкие показатели по данной шкале указывают на приверженность человека избегать ответственности, низкую степень суверенности, недоверие к своим возможностям, склонность действовать в условиях полной ориентировки, использовать алгоритмизированные процедуры самоконтроля.

Шкала «Предпочтение деятельности, требующей инновативности» отражает стратегии жизненного самоосуществления, проявляющиеся в выборе (или игнорировании) таких деятельности, которые требуют обновления практики жизнеосуществления. Высокие показатели по данной шкале говорят о сформированности предпочтений в выборе направлений самореализации, связанных с генерацией инновационных форм поведения и деятельности. Низкие показатели по данной шкале свидетельствуют о предпочтении таких направлений самореализации, которые не требуют обновления сложившихся поведенческих и деятельностных стереотипов.

Шкала «Готовность к переменам» отражает степень генерализации предпочтений (устанавливаемых в шкале «Предпочтение деятельности, требующей инновативности») на широкий круг жизненных ситуаций, требующих перестройки устоявшихся параметров жизнеосуществления. Высокие показатели по данной шкале говорят об открытости человека и самому себе, развитой флексибильности, интернальном локусе контроля, доверии к себе. Низкие показатели по данной шкале указывают на закрытость человека, возможную экстернальность локуса контроля, ригидность поведения, трудности в перестройке ценностно-смысловых измерений жизненного пространства.

Психометрическая проверка опросника была осуществлена в ходе специального пилотажного исследования экспериментального типа. В исследовании участвовали 640 человек, предварительно отобранных на основе экспериментальной выборки и представляющих разные со-

циально-демографические и профессиональные группы молодежи, имеющей разный опыт вхождения в инновационную деятельность.

В силу методологической направленности данного исследования выборка носила качественный характер. Строго пропорциональной репрезентации различных социальных категорий не требовалось. С точки зрения социально-профессионального статуса в ней примерно в равных долях были представлены респонденты различного образовательного уровня и профессиональной принадлежности. По полу выборка точно воспроизводит статистические параметры генеральной совокупности. По возрастным характеристикам она несколько смещена в сторону большего представительства респондентов молодого возраста.

Исследование методики состояло из пяти этапов. Статистико-математическая обработка эмпирических данных проводилась при помощи компьютерной версии «Статистического пакета для социальных наук» SPSS for Windows 13.0.

На *первом* этапе получены суммарные показатели, представленные в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Суммарные показатели по шкалам опросника

Показатель	Среднее (М)	Стандартное отклонение (σ)	Min	Max	Медиана (Me)
Инициативность	15,83	3,37	5	21	16
Предпочтение инновационной деятельности	16,04	3,44	5	21	17
Готовность к переменам	16,11	2,30	4	20	16
Общий индекс	47,98	7,29	23	61	50

Проверка распределения средних по шкалам опросника в исследуемой выборке испытуемых показала, что все они приближаются к нормальному распределению и статистически значимо не отличаются от него. Это означает, что отличия оценок внутри выборки можно измерять в долях стандартного отклонения (σ). В случае нормального распределения признака принято считать, что в интервал $2/3\sigma - M + 2/3\sigma$ укладывается 50% популяции, что и составляет «норму» по данному признаку, при этом на полюсах остается по 25% случаев.

На *втором* этапе определялась внутренняя согласованность опросника (степень однородности заданий с точки зрения измеряемого психологического свойства). Внутренняя согласованность шкал опросника определялась методом расщепления, который предполагает одно-разовое тестирование и определение связей между различными частями теста. Для этого результаты тестирования были поделены на два подмножества, отдельно обрабатывались четные и нечетные пункты опросника. В результате были получены значимые корреляционные

связи между четным и нечетным пунктами каждой шкалы опросника («Инициативность»: $r = 0,409$; $p \leq 0,01$; «Предпочтение инновационной деятельности»: $r = 0,377$; $p \leq 0,01$; «Готовность к переменам»: $r = 0,210$; $p \leq 0,05$). Полученные данные указывают на достаточную внутреннюю согласованность пунктов опросника.

Критерий внутренней согласованности опросника в целом определялся между результатами каждого из субтестов и суммарным результатом теста. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Интеркорреляции шкал опросника (n = 128)

Показатель	Инициативность	Предпочтение инновационной деятельности	Готовность к переменам
Предпочтение инновационной деятельности	0,485***	—	—
Готовность к переменам	0,505***	0,345***	—
Общий индекс	0,852***	0,806***	0,713***

*** Коэффициент r , превышающий критические значения для $p \leq 0,001$.

Корреляционные связи между каждой парой шкал опросника значимы на уровне $p \leq 0,001$. Согласованность опросника по коэффициенту α Кронбаха также оказалась достаточно высокой: $\alpha = 0,866$. Полученные результаты показывают, что в целом опросник вполне внутренне согласован.

На *третьем* этапе исследования определялась надежность методики по критерию устойчивости данных во времени (ретестовая надежность). Соответствующей проверке были подвергнуты интегральные показатели по шкалам и суммарный индекс. При расчете ретестовой надежности определялся коэффициент корреляции между результатами, полученными на одних и тех же испытуемых, но в разное время. Коэффициенты устойчивости шкал по материалам повторного тестирования (через 2 месяца) 20 испытуемых представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Коэффициенты устойчивости шкал опросника
«Психологическая готовность к инновационной деятельности» (n = 20)

Шкалы	Инициативность	Предпочтение инновационной деятельности	Готовность к переменам	Общий индекс
Коэффициенты	0,910	0,953	0,821	0,897

Все коэффициенты превышают критическое значение для $p < 0,01$. Столь высокие показатели свидетельствуют о стабильности измеряемых признаков, мало подверженных значительным изменениям за относительно короткий промежуток времени, а также позволяют говорить о достаточно хорошей надежности опросника и его адекватной адресации.

На *четвертом* этапе проверялась конструктивная валидность опросника. Отсутствие во время создания опросника других отечественных тестов, измеряющих психологическую готовность к инновационной деятельности, сделало невозможной его непосредственную проверку по критерию конструктивной валидности. Однако косвенные данные были получены путем сопоставления результатов тестирования по опроснику «Психологическая готовность к инновационной деятельности» с результатами заполнения других личностных тестов одними и теми же испытуемыми. Опросник давался испытуемым вместе с другими методиками, выявляющими те черты личности, которые, согласно результатам ранее проведенных исследований, различают людей с большей и меньшей выраженностью психологической готовности к инновационной деятельности. В частности, определялись такого рода связи между опросником «Психологическая готовность к инновационной деятельности», с одной стороны, и тестами «Жизнестойкость» (103 испытуемых) и «Якоря карьеры» (34 испытуемых) – с другой. Тесты «Жизнестойкость» и «Якоря карьеры» входили в программу комплексной диагностики инновационного потенциала, разработанную группой ученых факультета психологии Томского государственного университета [1, 8].

Результаты проверки конструктивной валидности опросника показали, что практически все шкалы опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» продемонстрировали значимую положительную корреляцию со шкалами теста «Жизнестойкость». Наиболее высокую степень взаимосвязи (на уровне статистической значимости $p \leq 0,001$) продемонстрировала шкала опросника «Инициативность» со всеми шкалами теста «Жизнестойкости» («Вовлеченность», «Контроль», «Принятие риска»). Важно отметить, что наблюдается высокая значимая корреляционная связь ($p \leq 0,001$) всех шкал опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» с общим индексом «Жизнестойкость», а также то, что общий индекс «Психологической готовности к инновационной деятельности» коррелирует со всеми шкалами теста «Жизнестойкость» на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,001$).

Таким образом, полученный результат свидетельствует о согласованности изменения показателей по опроснику «Психологическая готовность к инновационной деятельности» и тесту «Жизнестойкость».

Корреляции опросника с тестом «Якоря карьеры» не были столь однозначными, полученные результаты продемонстрировали как прямые, так и обратные зависимости, что объясняется спецификой карьерных ориентаций, выявляемых с помощью теста «Якоря карьеры». При этом значимые корреляционные связи ($p \leq 0,05$) были обнаружены лишь с четырьмя шкалами теста «Якоря карьеры». Показатели опросника положительно коррелировали с такими шкалами, как «Ориентация на менеджмент», «Ориентация на вызов», «Ориентация на предпринимательство» и отрицательно – со шкалой «Ориентация на стабильность места работы». Несомненно, положительно коррелирующие шкалы являются признаками психологической готовности к инновационному поведению личности. В то время как «Ориентация на стабильность места работы» (отрицательно коррелирующая), напротив, является признаком, препятствующим инновационному поведению.

На *пятом* этапе психометрической оценки индивидуальной прогностичности опросника определялась его критериальная валидность. Для этого результаты теста сопоставлялись с непосредственными и независимыми оценками (критериальными ключевыми признаками) того, что должен предсказывать тест. В качестве основного критериального признака выступала инновационная деятельность. Критериальная валидность проверялась по соответствию диагностических показателей реальному поведению испытуемых. Данная процедура проводилась в виде многоуровневого факторного эксперимента, который состоял в изучении воздействий различных уровней независимой переменной на измеряемую базисную переменную. При планировании факторного эксперимента предполагалось, что уровень вхождения в инновационную деятельность оказывает влияние на степень психологической готовности субъекта к инновационной деятельности. В качестве независимой переменной выступал общий характер деятельности испытуемых (вовлеченность в инновационную деятельность) в качестве контролируемой базисной переменной – степень психологической готовности испытуемых к инновационной деятельности (показатели по шкалам опросника). Независимая переменная была представлена тремя уровнями (градациями), которые рассматривались нами как различные этапы вхождения испытуемых в инновационную деятельность. Исследование осуществлялось по плану *ex post facto*, когда экспериментатор сам не воздействует на испытуемых, а в качестве воздействия выступает некоторое реальное событие из их жизни. В соответствии с выделенными уровнями независимой переменной были сформированы три группы респондентов.

1. Студенты сибирских вузов (Томский государственный университет, Томский политехнический университет; Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники; Томский государственный архитектурно-строительный университет; Сибирский

государственный медицинский университет; Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»; Томский институт бизнеса; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Забайкальский государственный педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского).

2. Участники молодежных конкурсов в научно-технической сфере, проводимых государственными некоммерческими организациями:

- Всероссийского Молодежного Научно-Инновационного Конкурса (У.М.Н.И.К.), входящего в ряд других программ Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере;

- конкурсов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом, Российским государственным фондом фундаментальных исследований);

- Молодежного конкурса «Бизнес инновационных технологий» («БИТ-Сибирь»), являющегося конкурсом молодежных инновационных бизнес-проектов;

- регионального конкурса предпринимательских проектов «Первый шаг»;

- международного конкурса SIFE – широкомасштабной международной студенческой программы, которая предоставляет участникам возможность самостоятельно реализовать творческие и инновационные проекты в сфере обучения экономике, предпринимательству;

- межрегионального молодежного карьерного форума, направленного на расширение взаимодействия будущих специалистов в области инновационных технологий с потенциальными работодателями и сетевыми структурами кадрового обеспечения инновационной деятельности через различные формы представления проектных инициатив молодежи.

3. Молодые предприниматели в возрасте до 40 лет, проходившие повышение квалификации по программе «Разработка проектов в открытой предпринимательской среде» по заказу департамента Томской области по поддержке реального сектора предпринимательства.

Межгрупповое сравнение проводилось с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Результаты статистического анализа эмпирических данных, полученных в ходе факторного эксперимента, указывают на достоверность межгрупповых различий в степени выраженности инициативности ($p \leq 0,01$), предпочтении инновационной деятельности ($p \leq 0,001$) и общей психологической готовности к инновационной деятельности ($p \leq 0,01$) при разных градациях независимой переменной. Для более детального анализа воздействий каждого из уровней независимой переменной на базисную переменную применялся критерий парных сравнений градаций независимой переменной LSD (Least Significant Difference). Проведенный многоуровне-

вый факторный эксперимент показал, что степень психологической готовности к инновационной деятельности зависит не только от индивидуальных особенностей личности, но и от уровня вхождения в инновационную деятельность. Таким образом, результаты проверки критериальной валидности указывают на достаточно высокую степень обоснованности и прогностичности опросника.

В целом результаты психометрической проверки опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» свидетельствуют о его пригодности к использованию как в научных исследованиях, так и в практической работе, связанной с психологической диагностикой.

Система экспресс-диагностики психологической готовности к инновационной деятельности

Разработанная система психодиагностического исследования психологической готовности к инновационной деятельности предназначена для сбора, хранения, первичной обработки и визуализации диагностических данных. Система состоит из двух основных компонент – базы данных и компьютерной программы, обеспечивающей связь базы данных с пользователями.

База данных предназначена для сбора, хранения и визуализации информации в виде, пригодном для решения задач информационного обеспечения психологической диагностики, аналитической деятельности, принятия управленческих решений. Реализация базы данных обеспечивается средствами реляционной СУБД Microsoft SQL 2005. Часть отношений между элементами базы данных реализована в виде отношений между соответствующими столбцами таблиц, в которых хранятся данные, относящиеся к тому или иному элементу базы данных, часть связей реализуется при помощи специальных процедур, написанных с использованием языков Transact-SQL и CSharp.

Функциональность системы предоставляется в соответствии с набором ролей, однозначно определяющих действия, которые доступны при помощи интерфейса пользователя. Роль пользователя определяется при помощи системы авторизации и аутентификации, которая служит также для обеспечения конфиденциальности данных. Аутентификация реализована при помощи интерфейса Membership API платформы ASP.NET 2.0 фирмы Microsoft.

В системе предусмотрены следующие роли: «Администратор», «Пользователь», «Испытуемый», «Полный доступ к данным», «Частичный доступ к данным». Отношения между ролями представляют собой иерархическую связь, где на вершине иерархии стоит роль «Администратор». Подчиненными «Администратору» являются роли «Менеджер», «Полный доступ к данным» и «Частичный доступ к данным».

Роль «Испытуемый» подчинена роли «Менеджер». Учетные записи, имеющие подчиненные роли, могут создаваться только пользователями с привилегиями вышестоящих ролей.

Действия пользователей для всех ролей регламентируются инструкциями, которые являются составной частью системы и выполнены в виде текстовых документов, содержащих иллюстрации в виде рисунков. Роль «Испытуемый» доступна для создания при помощи рабочего места администратора или менеджера. После создания учетной записи «Испытуемый» испытуемому, идентификатор которого зафиксирован в соответствующем поле (Ф.И.О.), выдаются «Имя» и «Пароль», после чего он самостоятельно входит на сайт <http://psytsu.ru/tip> или получает от администратора или менеджера открытую ими рабочую сессию. При успешном входе в систему испытуемый получает набор психодиагностических задач, сменяющихся по мере их выполнения. Возможность сохранения результатов в файле с данными на диске локального компьютера обеспечивает возможность дальнейшей обработки данных при помощи статистических пакетов (Statistica for Windows, SPSS и др.).

Программное обеспечение системы реализовано в виде приложения ASP.NET и установлено на выделенном сервере, работающем под управлением ОС «Microsoft Windows 2003». Для улучшения пользовательских характеристик приложения используется технология AJAX. При использовании системы не требуется установки дополнительного программного обеспечения на компьютер пользователя. Единственным требованием является доступ к сети Интернет. В пределах г. Томска достаточно иметь подключение к городскому Интернету. Система доступна по адресу: <http://psytsu.ru/tip>.

Различаются два режима доступа к психодиагностическим данным: полный и частичный. Управление режимом доступа производится администратором системы исходя из полномочий пользователя и данных психодиагностического исследования. Частичный доступ отличается от полного отсутствием числовых значений по шкалам опросника. Вместо числовых значений пользователю предоставляется цветовое обозначение степени их выраженности в соответствии со статистическими нормами (легендирование). Легендирование доступно только после анализа достаточного объема данных специалистом, имеющим право полного доступа к психодиагностическим данным.

Для обеспечения требований федерального закона о персональных данных (152-ФЗ) пользователь психодиагностических данных должен использовать для аналитической работы обезличенные данные. Это требование необходимо, поскольку на полученные в виде отдельного файла психодиагностические данные не распространяется действие средств защиты, которые обеспечиваются в психодиагностической системе в целом. Хранить и использовать таблицу, содержащую данные психодиагностического исследования, необходимо на носителях,

имеющих криптографическую защиту от несанкционированного доступа в целях воспрепятствования агрегированию как средству нарушения безопасности персональных данных.

Система психодиагностического исследования представляет собой обслуживающее централизованную базу данных серверное программное обеспечение, функции которого предоставляются пользователям посредством сети Интернет. Для использования системы не требуется установки программы на компьютер пользователя. Единственным требованием является доступ к сети Интернет. В пределах г. Томска достаточно иметь подключение к городскому Интернету.

К настоящему времени опросник «Психологическая готовность к инновационной деятельности» был использован в исследовании 570 студентов г. Томска по заказу департамента развития предпринимательства и реального сектора экономики Томской области в рамках реализации областной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2008–2010 годы». Обобщенные результаты частоты встречаемости степени выраженности признаков психологической готовности к инновационной деятельности позволяют говорить о том, что в целом психологическая готовность к инновационной деятельности у студенческой молодежи достаточно выражена, поскольку лишь у очень незначительной части студентов зафиксирован низкий уровень представленности всех выделяемых аспектов изучаемого феномена. Возможно, это характерно только для студенческой популяции региона с высоким инновационным потенциалом, каковым является Томская область. На проверку этого предположения направлен специальный цикл исследований, проводимый в настоящее время в других Федеральных округах России.

Однако еще один вывод нуждается в особой рефлексии. Обращает на себя внимание тот факт, что крайне мало студентов, отличающихся высоким уровнем выраженности всех трех или хотя бы двух показателей психологической готовности к инновационной деятельности (инициативность; предпочтение деятельности, требующей инновативности; готовность к переменам). Это свидетельствует о том, что у большей части молодых людей имеются психологические дефициты того или иного аспекта готовности к инновационной деятельности.

Вхождение в инновационную деятельность – весьма не простой процесс обретения молодыми людьми опыта инновационного поведения, требующий разного рода поддержки (в том числе и психолого-образовательной) в актуализации и развитии способности к проектированию своего продвижения в инновационном секторе экономики и бизнеса. Диагностические результаты (полученные в том числе и с помощью представленной системы экспресс-диагностики психологической готовности к инновационной деятельности) в этом случае могут использоваться для проектирования специфического образовательного

пространства, точной постановки задач образовательной программы на основе прогноза, «стратегической» информации об ее участниках; могут адекватно использоваться самим респондентом в целях саморазвития, а в ситуации конкурса позволят соотнести результаты участников.

Литература

1. Богомаз С.А., Мацута В.В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология образования. 2010. № 12. С. 77–88.
2. Галажинский Э.В. Перспективные направления психологического обеспечения образовательных проектов в регионе с высоким инновационным потенциалом // Психология образования. 2008. № 8. С. 4–9.
3. Галажинский Э.В., Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. «У.М.Н.И.К.» и умники: инновационный потенциал студенческой молодежи // Образовательная политика. 2010. № 7–8 (45–46). С. 96–106.
4. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: ТГУ, 2009.
5. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник ТГУ. 2010. № 337.
6. Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология образования. 2008. № 8. С. 9–21.
7. Концепция развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/akt/7762/>
8. Краснорядцева О.М., Малкова И.Ю. Сетевой проект психолого-образовательного сопровождения вхождения молодежи в инновационную деятельность студентов // Психология образования. 2010. № 12. С. 89–98.

DIAGNOSTIC POSSIBILITIES OF QUESTIONNAIRE «PSYCHOLOGICAL PREPAREDNESS FOR INNOVATIVE ACTIVITY»

Krasnorjadtseva O.M., Balanov D.U., Sheglova E.A. (Tomsk)

Summary. Study the psychological preparedness for innovative activity as a variant of psychodiagnostic method. The article describes the conditionings and possibility to use this kind methods by practical psychologists. Obtained research data on possibilities of the psychological-educational support of getting the young involved into innovative activity is discussed.

Key words: innovative activity; psychological preparedness for innovative activity; diagnostic method; psychometric verification.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»¹

Знакомство с материалами, опубликованными в «Сибирском психологическом журнале», показывает, что стратегической целью данного издания является объединение психологического сообщества Сибири и Дальнего Востока.

За почти десятилетний путь своего развития «Сибирский психологический журнал» превратился в авторитетное научное издание, прошел российскую и международную регистрацию и стал известен широкой психологической общественности не только в сибирском регионе, но и в России в целом. В нем представлены работы известных психологов Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ростова, активно печатаются сибирские авторы из Томска, Барнаула, Бийска, Иркутска, Улан-Удэ, Благовещенска и других городов.

Важно подчеркнуть роль «Сибирского психологического журнала» в развитии психологического образования в регионе: на страницах журнала молодые психологи (студенты, аспиранты, соискатели) получают уникальную возможность познакомиться с научную общественность с собственными идеями и практическими разработками в различных сферах современной науки.

Одной из научных проблем, регулярно обсуждаемых в журнале, является саморазвитие и самореализация человека в современном обществе. В фокусе обсуждения находятся методологические проблемы самореализации, ее возрастная специфика, профессиональные аспекты саморазвития, самореализация в различных жизненных средах и т.п., что создает необходимые предпосылки для саморазвития и самореализации профессиональных психологов сибирского региона. Следует отметить, что «Сибирский психологический журнал», несомненно, содействует интеграции современной психологии, поскольку в нем обсуждаются проблемы, относящиеся к различным уровням психического (психофизиологические, социальные, духовные и пр.); на страницах журнала создается пространство для интеллектуального взаимодействия профессионалов, принадлежащих к различным научным школам и направлениям; широко представлены работы как академических, так и практических психологов.

В заключение можно сказать, что «Сибирский психологический журнал», безусловно, создает широкие возможности саморазвития как для становящихся, так и уже для состоявшихся профессионалов-психологов, а также для всех читателей журнала, что вызывает к нему доверие и уважение.

Заместитель директора Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор
А.В. Юревич

¹ Рецензия была опубликована в № 23 за 2006 г.

РЕЦЕНЗИЯ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»¹

«Сибирский психологический журнал» начал выходить в Томске с 1995 г., но широкому профессиональному психологическому сообществу он стал известен несколько позже. Как и всякому новому интеллектуальному продукту, возникшему благодаря инициативе и активности томских психологов-энтузиастов, ему нужно было время для «созревания». К настоящему времени оформилось оригинальное «лицо» этого журнала, сложилась его структура, определились основные области его интересов. Образно можно сказать, что из разряда «оригинального» он превратился в авторитетный научный журнал. Поданные в него авторские работы проходят серьезную процедуру рецензирования, что способствует поступательному росту качества публикаций. Не случайно в нем публикуются не только психологи региона Сибири, но и известные психологи европейской части России (из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля и др.). Благодаря редакционному коллективу, сложившемуся на факультете психологии Томского госуниверситета, возглавляемому членом-корреспондентом РАО, профессором, доктором психологических наук Г.В. Залевским, «Сибирский психологический журнал» прошел российскую и международную регистрацию, стал периодическим. Журнал с интересом читают многие психологи, поскольку он позволяет быть в курсе не только отдельных научных работ сибиряков, но и способствует пониманию состояния профессионального сибирского сообщества. О том, что эта цель успешно достигается, можно судить хотя бы по выпуску журнала, посвященному Сибирскому психологическому форуму, который психологи Томского госуниверситета организовали и провели в 2004 г. и на котором в полной мере были представлены все основные психологические направления – от Сибири до Дальнего Востока. Замечателен журнал и тем, что он создает условия для профессионального развития и становления молодых психологов, которые могут представить для обсуждения экспертному сообществу результаты своих научных работ. В журнале находится место даже для студентов-психологов, пожелавших попробовать свои силы на поприще научных исследований.

Главный научный сотрудник Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор
В.В. Знаков

¹ Рецензия была опубликована в № 23 за 2006 г.

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – доктор психологических наук Т.Г. Бохан.

13 мая 2011 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– С.В. Тюлюпо «Структурно-функциональная модель материнской компетентности в прогнозе здоровья ребенка» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Л.В. Доманецкой «Особенности общения с родителями часто болеющего ребенка старшего дошкольного возраста как условие улучшения его соматического статуса» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Я.А. Копейкиной «Особенности речевых функций детей с детским церебральным параличом и разными профилями латерализации мозга» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– А.А. Утюганова «Особенности смысловой сферы военнослужащих, переживающих боевой стресс» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии».

*Ученый секретарь совета,
доктор психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

НАШИ АВТОРЫ

Асмолов Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета (Москва).

E-mail: agas@mail.ru

Баланев Дмитрий Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: balanev@mail.ru

Брушлинский Андрей Владимирович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (Москва).

Вассерман Людвиг Иосифович, доктор медицинских наук, руководитель лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

E-mail: psy.lab@inbox.ru

Демина Людмила Денисовна, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета, заслуженный работник Высшей школы РФ (Барнаул).

E-mail: dekanat@psy.asu.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Залевский Владислав Генрихович, кандидат психологических наук, супервизор КГУСО «Алтайский краевой кризисный центр для мужчин», доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул).

E-mail: salevsky@mail.ru

Зинченко Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, руководитель Центра комплексных исследований развития человека Института общего среднего образования (Москва).

E-mail: zinchrae@yandex.ru

Знаков Виктор Владимирович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, профессор кафедры общей психологии Московского государственного университета (Москва).

E-mail: znarov@psychol.ras.ru

Кабрин Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск).

E-mail: kabrin@list.ru

Карнышев Александр Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (Иркутск).

E-mail: psychology@isea.ru

Клочко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики Томского государственного университета (Томск).

E-mail: klo@nextmail.ru

Козлова Наталья Викторовна, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: akme_2003@scalpnet.ru

Красноярцева Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: krasnoo@mail.ru

Леонтьев Алексей Алексеевич, доктор психологических и филологических наук, действительный член РАО и АПСН (Москва).

Лужбина Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии Алтайского государственного университета (Барнаул).

E-mail: nluzhbina@rambler.ru

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета (Ярославль).

E-mail: mazilov@yspu.yar.ru

Моргунов Евгений Борисович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета (Москва).

E-mail: morgunove@mail.ru

Петровский Артур Владимирович, доктор психологических наук, академик РАО, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва).

Трифоновна Елена Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, доцент кафедры клинической психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

E-mail: trifonovahelen@yandex.ru

Щеглова Элеонора Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: shcheglova@sibmail.com

Юревич Андрей Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН (Москва).

E-mail: yurevich@psychol.ras.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и **оформляется в алфавитном порядке. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям.** Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 40. 2011 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция Сибирского психологического журнала.
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Гранкиной
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 11.05.2011 г. Формат 70x108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Усл. печ. л. 14,9. Тираж 1000 экз.

Издательство «ТомУниверИздат»
634050, г. Томск, ул. Гагарина, 31, оф. 49
Тел. 8-3822-52-66-83